

Дарья Сойфер

ЭФФЕКТ ЗЕРКАЛА

1. Падали старушки

С благодарностью А. Генералову, доблестному саспенс-тестеру, и консультанту, знакомому с расследованием громких преступлений не понаслышке, а потому решившему остаться неназванным.

Все совпадения случайны.

- Жертва номер три, Михеева Клавдия Ивановна тридцать пятого года рождения, - Савчук предупредительно протянул майору бахилы. - Начнем со свежей, Олег Васильевич?

Олег поморщился и промолчал. Из открытой квартиры потянулся сладковатый запах старости, и он раздражал сильнее, чем вчерашнее созерцание трупа. Майор пригнулся, шагнул в узкую прихожую и едва заметно хмыкнул, выталкивая носом спертый воздух. И отчего люди сквозняков боятся сильнее, чем задохнуться?

- Зря вы поехали, тут и искать нечего. Я бы все сам расписал... - не унимался новенький опер.

- Выводы оставь себе, Савчук. Открой окно и займись кухней, - и Олег прошел в единственную, к счастью, комнату, пока болтуна не пробило на новую тираду.

Пускай, вон, его лучше понятые слушают.

Не та квартира, в которой может храниться что-то ценное. Впрочем, со стариками вечно так: нет-нет, да и окажется, что гробовых накоплено столько, что и живой бы не отказался. Но деньги Олег искать не планировал. Убийство с целью наживы? Не сходится.

- Олег Василеч, а если черные риэлторы? - крикнул из кухни Савчук и тут же материализовался в дверном проеме.

Его широкое обветренное лицо с белесыми бровями снова и снова наталкивало Олега на вопросы: что этот чудик забыл в органах, и где его матросская бескозырка? Парень просто хотел сыграть Холмса перед понятыми. Оно и немудрено: две девицы из соседней квартиры...

- Как ты себе это представляешь, лейтенант? - Олег отвернулся, задумчиво перебирая кипу старых журналов и газет на серванте. - Они же не идиоты, чтобы кокать кирпичом по бабушке раз в неделю прямо на улице и надеяться, что никто ничего не заподозрит?

- Да, но ведь у всех троих нет родственников, и квартира напрямую...

- Кухня, Савчук.

- Понял.

Майор Олег Горовой был уверен: серийник - идейный товарищ. Действовал по какому-то только ему известному механизму. Раз в неделю, в шесть утра во дворе за поликлиникой он убивал старушек одним ударом по затылку. Жаль, не было возможности работать по горячим раньше: дело передали в управление по особо важным только на третьем трупе. Первый попытались списать на несчастный случай, второй - на совпадение... А на третьем районные умыли руки, и презент достался Олегу. И презент, надо сказать, любопытный. Маньяк - но без садистского ритуала. И жертвы не красивые девушки, похожие все, как одна, на неразделенную школьную любовь, а ничем не примечательные старушки. Невысокие, полные, небогатые, но самое главное: без родственников. А это значит, выбор был неслучайным. Убийца знал их, выслеживал. Или приводил каким-то образом в назначенное место... И Олег хотел понять принцип. Причину.

Он уже собрался отойти от серванта, как на глаза ему попала толстая тетрадь. Не в общей стопке - ниже, на тумбочке у кровати. Рядом с красным городским телефоном с круговым циферблатом.

Олег нагнулся, приоткрыл. Старая толстая тетрадь в клетку, исписанная мелкими буквами с апострофом вместо твердого знака. Кто-то еще ведет дневник, и не лень ведь! Не блог, не селфи, а тетрадь из глухого советского детства... Поднял, пролистал до последних дат и вчитался:

14 января

Нину из второго под'езда нашли за поликлиникой. Насмерть.

Звонила жилищникам по поводу расчистки дорожки: жалоба №13211.

Укус перед едой – день 7. Улучшений колена нет. Просрочен?

Заговор на артрит от Любаши:

- повязать белой шерстяной ниткой в три оборота,*
- дождаться растущей луны, встать до рассвета,*
- в левую руку свечу, встать лицом на восток.*

Слова: Святые небеса, черная земля, Матерь Божия Пресвятая Дева Мария, отцы наши и святой Петр! Как нитка вилась, так моя хворь за нее взялась! Жила за жилу, сустав за сустав, а чтобы раба Божия (имярек) здоровой с колен поднялась.

Перекреститься, нитку сжечь, прах развеять.

15 января

Сбор денег на похороны Нине.

Не сдали: 53, 70, 136, 142 и 151.

Распечатать у Любаши список, вывесить на каждом под'езде.!

Жалоба в Минздрав на физиотерапевта (Алиев М.С.): заявление №2306. Говорит, я сломала аппарат! Прием у главврача – 25 января, 13:15

Светланы Васильевны на процедурах не было. Померла?..

17 января

Дорожки посыпали химией вместо соли. Жалоба в МФЦ №13296.

Светлана Васильевна была на поминках: жива. Сама ходит.

Посоветовала: Целительница Амалия: +7 902004871

20 января

Целительница подтвердила диагноз.

7 флаконов + прием – 3000 рублей.

3 раза в день за полчаса до еды по чайной ложке на стакан.

Колено лучше.

21 января

Нашли Светлану Васильевну. Травма черепа. Убийство!

Заявление в прокуратуру №231-В на нашего участкового – Василенко И.И.

Сообщила в комсомолку: редактор Ширяев Н.П.

Позвонить в Минздрав насчет физиотерапевта – не отвечают.

Перенесла запись к главврачу на 25 января 08.15, т.к. на 08.00 записалась на кровь.

Прийти раньше!

Колено гнется.

23 января

Статья в комсомолке: «В Москве орудует новый Раскольников».

Письмо на имя главного редактора. Жаловаться в суд или в министерство связи? Спросить Любашу.

Передача «Говорить открыто»: ул. Академика Королева, ...

На похороны Светлане Васильевне не сдали: 26, 31, 70, 98, 136, 137, 142 и 151. Вывесить об'явление..

На этом фиолетовая вязь чернил обрывалась.

Что ж, находка отправится в управление и приобщится к делу. Старшая по подъезду – помощь следствию, даже если ее нет в живых.

– Есть что? – Олег двинулся на кухню по узкому и тесному, особенно для его роста, коридору.

– Вроде нет... – развел руками Савчук. – Одни банки, травы...

И все же Олег предпочел взглянуть сам. Что писала Михеева про склянки от целительницы Амалии?.. «Дала на неделю». Где-то должны быть... Вот!

– Дай пакет, – Олег поднял коробку с небольшими флаконами. – Изымаем под протокол.

– А остальное? – Савчук обвел глазами богатое хозяйство покойницы: чайный гриб, алоэ в ведерке из-под квашеной капусты, пыльные пучки трав, иконы, лунный календарь, алюминиевые кастрюли с черными подпалинами...

Кому ты понадобилась, Михеева Клавдия Ивановна тридцать пятого года рождения?

– Черт с ним, – махнул рукой Олег. – Флаконы и тетрадь. Обойди соседок, расспроси про родственников...

– Как по мне, тут ловить нечего, – Савчук пожал плечами. – У нее даже фотографий нет детей, внуков. Участковый сказал, никто не...

– Вот когда вам с участковым поручат дело, будете делать, как по тебе. А пока я велел опросить соседей, и чтобы вечером у меня на столе были все данные. По дороге наберешь в Минздрав и спросишь, что там с жалобой жертвы на местного физиотерапевта.

– Да, Олег Васильевич.

– Вот и ладненько, – Горовой положил дипломат на стол и сел заполнять бумаги, игнорируя обиженную физиономию Савчука и любопытных понятах.

Раскольников... Остроумно. Но ведь и старушки, кажется, не были одуванчиками. По крайней мере, мотив проклеивался.

К тому времени, как Олег смог покончить с формальностями и сесть за руль, сумерки сдали вахту зимней темени. На приборной панели внедорожника загорелись часы: пять. Слишком рано, чтобы ехать домой, слишком поздно для управления. Пока достоин в пробках до конторы, можно будет собираться обратно. К тому же, сегодня собирались отмечать юбилей полковника Калинина, а подобные мероприятия Олег не переваривал. Поликлиника или целительница? Для собственного лечения он не выбрал бы ни то, ни другое, но для следствия целительница представляла больший интерес. Во-первых, физиотерапевт, наверняка, уже ушел, жертвы посещали утренние сеансы. Во-вторых, слишком уж красивая вырисовывалась картинка: вторая жертва прямо перед смертью посоветовала третьей навестить некую Амалию – и вуаля. Еще один труп.

– Добрый день! – с максимальной любезностью произнес он, набрав номер из тетрадки. – Это целительница Амалия?

– Ее приемная. Вас записать? – голос ответил молодой, с хрипотцой.

Курит? Запыхалась? Даже на слух Олег мог различить: его собеседница не сидит в кабинете. Шум за заднем плане... Какая-то аппаратура, что-то механическое. Хорошо, что приложение автоматически пишет все звонки.

– На сегодня есть время? Я бы подъехал прямо сейчас, диктуйте адрес.

– Откуда вы о нас узнали?

- Мне посоветовала старшая по подъезду, Клавдия Ивановна. Была у вас неделю назад.
- Хорошо, - теперь девушка звучала глухо, будто прикрывала микрофон ладонью. - Целительница принимает только после десяти часов вечера.
- А адрес?
- Я запишу вас на десять тридцать. Адрес получите в смс-сообщении вечером. Имя, фамилия, отчество?
- Астахов Евгений Игоревич, - Олег назвал первое сочетание, которое пришло в голову: один из свидетелей по его прошлому делу.
- Год рождения?
- Послушайте, какое это имеет?..
- Вы хотите попасть на прием?
- Шестьдесят девятый.
- Хорошо, Евгений Игоревич. Мы вас ждем.

Горовой еще раз убедился: он выбрал нужное направление. Ночной прием, запрос точных данных... Да что уж там, один факт «целительства» наталкивал на подозрения. И если она опытная мошенница, стоит быть аккуратнее. Главное - не спугнуть ее, пока все не выяснится.

Девчонка не обманула: сообщение высветилось на экране в половину десятого. Видимо, колдунье отчаянно не хотелось, чтобы кто-то наведася по этому адресу при свете дня. Горовой запросил опера, но на полчаса попозже. Приедет, скорее всего, Климов, а этот остолоп может все испортить. По-хорошему, возиться с оперативной работой Олегу не стоило, но если уж выбирать, как провести вечер, то лучше так, чем протирать диванную обивку дома.

О наружной рекламе целительница, кажется, не слышала: по адресу Олег обнаружил квартиру, переоборудованную под салон. Подобный мелкий бизнес попадался Горовому часто: снесли балкон, заменили стеклянную дверь на железную, небольшая лесенка - и вот уже не обычное жилое помещение на первом этаже, а простор для коммерции. Из типичной картины выбивалось только одно: полное отсутствие вывесок и опознавательных знаков. Даже ступеньки не могли осветить! Если они хотели убивать старушек, то незачем было далеко ходить: плохое зрение, темные зимние вечера и острые углы дешевых ступенек сделали бы все за них. Просто добавь воды. Так бы поступил Олег, если бы хотел превратить железную лестницу в оружие массового поражения.

В два шага поднявшись к двери, он заметил табличку под темной тканью. Посветил фонариком, приподнял матерью:

Тайский массаж

10:00-20:00

без выходных

Изобретательно. Интересно, в курсе ли хранители тайского искусства, во что превращается массажное помещение по ночам? И что говорится в лицензии? Чутье Олегу подсказывало, что ответы его не разочаруют.

Низкая дверь звякнула дюжиной колокольчиков, дымок благовоний мерзко защекотал ноздри. И все же приемная была на уровне: диванчик, столик, картина с лотосами на стене. И женщина с книгой.

- Там кто-нибудь есть? - Олег указал глазами на тяжелый бархатный занавес. - Проходить можно?
- Подождите, мужчина. Пока занято.

Какими бы ни были истоки медицины, очередь к ней в России всегда будет отечественная.

- Вы на какое время? - он вывернул куртку, чтобы не собирать пыль, и аккуратно пристроил ее на вешалку.
- Моя мама на десять. Сейчас выйдет - и вас позовут, - посетительница снова отгородилась книгой.
- А вы тоже в первый раз? - Олег усилием воли растянул губы в улыбке.

К счастью, этой скромной дозы обаяния, которой он мог из себя выжать, хватило. Дай женщине повод перемыслить кому-то кости, и она сама принесет тазик.

- Да вы что, - отложив книгу, она доверительно наклонилась к нему. - Я и сама лечилась, и маму водила, и подружку отправила... Амалия потрясающая.

Олег кивал, пытаясь сопоставить факты. Женщина около сорока. Замужем. Неплохо одета: джемпер, брюки... Фигура говорит о родах, скорее, больше одного раза. Но маникюр в спокойных тонах, аккуратная стрижка... Работает. В офисе. Читает Акунина. То есть, не окончательная дура. И ладно бы одинокая бабуля, которая лечится заговорами, иконами и грибами, но другое поколение? Семейный человек? С тылом и доступом в Интернет? Как целительница умудрилась запудрить ей мозг?

- Она буквально один раз касается - и говорит все. Невероятно... - женщина качнула головой. - Сначала я относилась так себе... Ну, знаете, сейчас столько мошенников и аферистов... И решила: я ей слова не скажу. Просто зашла и села. И знаете, что? Она даже ничего не спросила. Сразу в лоб: так, так и так.... Как будто у нее не глаза, а УЗИ. Она специально готовит лекарства, по собственной методике. И помогает. Нет, серьезно! У меня с щитовидкой были проблемы... Я месяц не вспоминаю. Чудо, что такое!

Олег перебирал варианты. Сила внушения? Гипноз? Наркотические вещества? Ничего, анализ тех флакончиков Михеевой сделают быстро. Пусть к убийствам они не имеют отношения, зато пригодятся в деле о мошенничестве. В том, что придется его заводить, Олег почти не сомневался.

Интересно, как она ставит диагноз... Доступ к базе поликлиники? Сообщники в регистратуре или хакеры? Одно ясно: у Амалии есть действенная схема работы. Есть люди. Похоже на работу организации. Теперь единственная его задача - не спугнуть. Расспросить издалека.

Судя по отчету эксперта, удары жертвам наносил мужчина. Вряд ли сама Амалия с таким налаженным бизнесом станет косить клиентуру. Но вывести его на преступника, скорее всего, может. Сдаст своих, спасая шкуру, а там уж он разберется. Наскрести бы только оснований, чтобы было, за что ее прижать.

Он улыбнулся еще раз, и теперь улыбка вышла почти искренней.

- Можете проходить, - из-за занавеса выкарабкалась полная пожилая дама.

- Ты расплатилась? - недавняя собеседница Олега поднялась с дивана.

- Да, все нормально. Как в прошлый раз. И она дала еще лекарства...

- Удачи! - женщина ободряюще кивнула Олегу, и он осознал, что все это время так и сидел, не шелохнувшись.

Кивнул и втиснулся, наконец, в кабинет целительницы.

Там, как и ожидалось, царил полумрак. Привычка, приобретенная за годы работы, заставляла Олега смотреть внимательнее там, где видно хуже. Отметил массажный стол, сдвинутый в угол, и еще одну дверь. Мысленно поставил галочку: держать под контролем второй выход.

- Садитесь, - голос отвлек его от осмотра.

- Добрый вечер, - он прищурился, чтобы различить черты ее лица, но целительница сделала все, чтобы это было почти невозможно.

Она сидела за столом, окруженная свечами и кучей магической дребедени. Черные волосы с густой челкой, макияж, скрывающий возраст. Таким обычно пользуются проститутки. Нет, вряд ли старше тридцати. Огни разнокалиберных свечей мешали нормально видеть, превращая картинку в решето из слепых пятен. И все же губы под толстым слоем помады казались естественными, не сморщенными и не накачанными всякой дрянью. И линия подбородка...

- Вы ко мне, или я к вам? - она с иронией склонила голову набок. - Садитесь, я не кусаюсь.

- Да-да... - Олег изобразил замешательство. - Я впервые в таком месте...

- Я буду нежной, - усмехнулась Амалия, и что-то в ее тоне показалось знакомым. - Дышите глубже.

Он послушно втянул носом воздух и с облегчением отметил, что почти не чувствует приторного смрада благовоний. Здесь пахло вечным воском, ментолом и чем-то похожим на детский крем. То есть детский крем он не нюхал лет тридцать, но почему-то ассоциация была именно такая.

- Вашу руку, - она протянула к нему ладони. - Правую.

Олег медлил. Видел невооруженным глазом: ушлая, хитрая... А если что-то вколлет? Стиснул кулак в кармане, но правую руку вложил в ее маленькие ладошки. Забыл, каково это. Пока она просто сидела напротив, разница в габаритах между ними не казалась существенной, теперь же он понял: она от силы метр семьдесят. Рост средний, но ему едва достанет до плеча. Крошечная черная змейка... Да, пожалуй, она похожа на ужа. Так почему он медлит? Противник из нее никакой, одно движение – и она будет лежать, прочно прижатая лопатками к полу. А опыт, возраст и здравый смысл не позволят ему стать жертвой гипноза. К тому же, Климов на подходе...

Она накрыла его ладонь, густо накрашенные веки дрогнули.

– Расстегни верхнюю пуговицу, – вдруг попросила она.

– Зачем?

– Просто дай мне сделать мою работу.

Он едва заметно дернул плечом, расстегнул две пуговицы рубашки, – жалко, что ли? И она так цепко впилась взглядом в основание его шеи, что на мгновение он ощутил странное, колющее ощущение и невольно потер свободной рукой это место.

– Смотри мне в глаза, – ее голос стал серьезным, жестким.

Да, это была она. Она говорила с ним по телефону. Нет никакой ассистентки.

– Не моргай! – велела она, сжав его пальцы. – Смотри...

Амалия, – или как там ее звали на самом деле, – уставилась на него, не мигая. Ее лицо было неподвижным, глаза будто превратились в черные стекляшки. На технику гипноза непохоже, обычно применяют одновременное мельтешение и звук, но она молчит... Пальцами ничего не делает, новых запахов нет... Что она пытается сделать?!

Во рту пересохло, он облизал губы и хотел уже перейти к делу, но она вдруг вздрогнула и отдернула руку.

– Ясно, – произнесла она тихо. – Я поняла. Подождите одну минутку.

Она начеркала что-то на маленьком розовом стикере, потом задумалась, скомкала бумажку и швырнула ее под стол.

– Послушайте, мне нужно с вами поговорить, – начал Олег. – Давайте уже ставьте свой диагноз и...

– Диагноз я поставила, – Амалия резко встала.

На хрупком тельце гроздьев дешевых кулонов смотрелись глупо, но ее тон не позволял Олегу сразу записать ее в дурочки. Куда она собралась? Ведь не могла же догадаться, зачем он здесь?

– Куда вы?

– Даже у меня бывают естественные потребности, – она вдруг улыбнулась и коснулась его плеча. – Одну минутку. А потом распишем лечение для вашей поджелудочной. Травки, диета... Я все скажу...

– Пойдите, мне надо...

– И мне надо. Терпение, мой хороший, терпение, – она подмигнула и исчезла за дверью, за той самой, что он увидел, зайдя в кабинет.

Зажглась полоска света, он прислушался: шум воды. Похоже на санузел. Что ж, он никак не мог себя выдать. Лицо его нигде не светилось, имя с фамилией он дал липовые. А уж в том, что всякой сверхъестественной фигни не бывает, Олег с шести лет не сомневался.

Однако время шло, вода шумела, а целительницы не было видно.

– Эй, вы там? – крикнул он и прислушался. – Откройте сейчас же!

Подошел, дернул ручку, – заперто. Нехорошее предчувствие вырвалось вздохом, и уже взламывая замок, он понимал: Амалии внутри нет. Треснула древесина, дверь ударила по кафелю: точно. Кухонька, раковина с включенным краном и распахнутое окно. И никого.

Сжав челюсти, Олег вернулся в кабинет, нащупал выключатель. При полном освещении комната выглядела простецки. Мыльный пузырь лопнул. Приемная тоже пустовала. Проклятое любопытство! Надо было дождаться Климова, подготовить протокол, и допрос пошел бы сразу в

нужном русле. Спугнул единственного ценного свидетеля... Упустил к чертовой матери. Идиот!

Схватил куртку, дернулся к выходу, но и тут его ждал сюрприз: девчонка заперла дверь снаружи. И замок был таков, что ни ручки, ни щеколды изнутри не было. Только личинка для ключа! Отлично! Он еще и находится здесь незаконно... Достал телефон, чтобы объяснить ситуацию оперу и вдруг замер с трубкой в руке. Он здесь один! И преспокойно может все обыскать без лишней возни с бумагами! Какой бы изворотливой не была целительница, она бы не успела подчистить все доказательства. Компьютер? Клиентская база? Документы? Еще какие-нибудь улики или зацепки, чтобы потом было, за чем идти с официальным обыском?

Олег снова ступил за бархатные шторы, но теперь преимущество было за ним. Обвел взглядом помещение, прикидывая, где может храниться компьютер, и заметил на полу скомканную розовую бумажку. Ту самую, на которой целительница что-то черкнула перед тем, как сбежать. Он поднял листочек, развернул... И то, что он увидел, заставило его нервно сглотнуть. По-детски корявым почерком там было написано одно единственное слово: «Убийца».

2. Хонорик

- Миша, надо перекантоваться. Срочно, - Айя перевела дыхание после долгого бега.
- Слу-у-ушай... - протянул он, чуть гнусавя. - Не хочу проблем.
- Да никто не узнает! Чувак, вообще глухо все. Выручи. За мной должок.
- За тобой и без того долгов до фига! Чего стоила твоя крыса...
- Хей! Джека не тронь! Сказала заберу, значит, заберу... - она медленно выдохнула и сменила интонацию на медовую. - Давай, малыш, решай.
- Не-а. Не сработает.
- Мы же договоримся... - продолжала напирать она поставленным голосом падшей женщины. - Мишаня...

Игра в роковую красотку не мешала ей настороженно оглядываться по сторонам. Каширка жила бурной жизнью, несмотря на поздний час, парные огни стадами ползли навстречу друг другу. Нужно бы в метро: пусть одна остановка, идти всего ничего, но слишком холодно для того, чтобы таскаться в одной кофте. Хорошо, деньги удалось взять, сейчас бы в какой-нибудь секонд-хенд или вроде того... Нет, в освещенные места нельзя идти в таком виде. И она свернула за супермаркет: темно, грязно, зато нет камер. И уже выставили просрочку. Каким бы отстойным ни был день - всегда найдется место для маленькой удачи.

- С меня ужин... Ну же, кайфово посидим. И десерт... - уговоры начали ее порядком раздражать, и она снова сменила тон. - По-братски, чувак! Говорю: мы влипли. И уж если повалит говно на вентилятор, забрызгает всех.
- Приезжай, - он раздраженно фыркнул. - Только из подъезда набери, я тебя проведу.
- Ми-ми-ми, - довольно мурлыкнула она и отсоединилась.

Пальцы не гнулись от холода, но главный вопрос она разрулила, а остальное - пустяки. Бывали ситуевины и похуже. Стянула парик, пихнула поглубже в мусорный бак. Отошла в сторону и зачерпнула пригоршню снега. Спокойно, девочка. Вдох! Терпим-терпим-терпим... Отряхнулась мокрой собакой, вытерла лицо подолом кофты. Все равно черная, туши на ней видно не будет. Плевать, скоро согреется. Зато боевой раскраски больше нет, и вряд ли этот крендель ее опознает. Вряд ли вообще ее кто-нибудь опознает.

- Эй, ты чего здесь? - окликнул ее молоденький таджик в фирменной жилетке: вынес еще ящиков.
 - Пожалел еды для ребенка? - Айя сделала большие глаза.
- Знала: лицо без косметики, да еще и красное, мокрое от снега кажется совсем детским и невинным.
- Ты что, одна?
 - Да не бойся, я из дома напротив, - она широко улыбнулась. - До стипендии две недели, а есть, - веришь, нет? - вообще нечего. Голяк. Ну же, не жмись...
 - Ты точно не бомж? Нам тут не это... Нельзя...
 - Да ну брось, стала бы я бомжевать в такой кофточке, - она приподняла плечи, сдвинула руки, чтобы грудь казалась больше. - Ты же никому не скажешь?
 - Только быстро давай! - он мотнул головой, будто сбрасывая липкую паутину, и исчез за дверью.
 - Мужики... - фыркнула Айя. - Как два пальца об асфальт...

Хотя что уж, и она сегодня умом не блеснула. Прокололась, как чайник. Надо было сразу отказать в приеме. Ведь по голосу слышала: не ее публика. Если уж к ней кого из сильного пола и водили, то разве что бессловесных лысеющих существ, забитых женой или маменькой. Или совсем стариков. А этот... С чего бы пошел к экстрасенсу солдафон, у которого из болезней только пломба в верхней шестерке?

Стоило ему зайти - и она поняла: он навешал. И никакой он не Астахов Евгений Игоревич. Да, она успела раздобыть карту. Пусть даже он наблюдался в другой поликлинике. Позвоночная грыжа, сколиоз... Где? Где у этой двухметровой махины сколиоз? И все же любопытство толкало дальше. Желание выглянуть из шкафа во время в прятки взяло верх над здравым смыслом. В карте Астахова

значилась недавняя операция на щитовидке. Потому она и попросила клиента расстегнуть воротник. И шрама не увидела. Солгал! Тревога, вставай – и беги... Но она заглянула. Зачем?..

И вот теперь в минус пять, в одной кофте, на улице ищет еду за супермаркетом. Нет, ну надо же! Выбросили хорошие сэндвичи! Треугольники с ветчинкой... Да, третий день. А что им будет? Минусовая температура убьет заразу, факт. И сок, и бананы... Не помойка, а ресторан самообслуживания.

Айя отыскала пакет, сложила улов. И не прошло и получаса, как в подземку спустилась молодая девушка в дутой желтой куртке и зеленой шапке с помпоном, надвинутой на брови. Один визит в секунд-хенд, – и даже постоянная клиентка не распознала бы в ней сейчас загадочную целительницу. Хватило и пары минут, чтобы она согрелась, вновь ощутила кончики пальцев, а лицо приобрело нормальный оттенок.

Отражение в дверях вагона помогло привести себя в порядок: стащила шапку, резинку с хвоста и тряхнула красными, как израильская клубника, волосами.

– Светофор, сколько берешь за час? – пьяная компания в углу искала развлечений.

Айя широко улыбнулась и снисходительно обвела взглядом зачинщика с головы до ног.

– Прости, чувак, сегодня не твой день, – сообщила она, отметив, что поезд снижает скорость. – Я не делаю скидок для задротов.

И выскочила на платформу, пока парни не сообразили, что к чему.

Задеть ее? Нет, у них бы не вышло, хоть выпрыгни они из штанов. Она прошла такую школу, что им и не снилось. Оскорбления и нападки отскакивали и рассыпались в труху. Яркая внешность одновременно и привлекала шутников, и защищала самое ценное.

Пару лет назад она водилась с одним парнем. Карманник. Симпатичный, как молодой Джонни Депп, а до чего талантливый... Он мог бы стащить золотой зуб у цыганки, если бы не изобрели смартфоны. Несколько походов в клуб – и скромные гаджеты с надкусанным яблоком обеспечивали ему безбедный месяц. Да, он был идеален, и до сих пор от одного воспоминания о нем Айю охватывала ностальгия. И если бы не его потаскушная натура... А, фиг бы с ним. Талантам прощается многое.

Так вот, Лекс, как он любил себя называть, дал ей в свое время отличный совет:

– Хочешь быть незаметной, будь яркой. Слепи – и больше тебя никто не увидит.

И правда, люди боятся подозрительных личностей, которые жмутся в углу и прячутся под капюшоном. Но никому и в голову не придет опасаться тех, кто в центре внимания. Пара ярких деталей: волосы, странная шапка, куртка с неоновыми лампочками... Они, как пассы фокусника, всегда отвлекают от главного. И если спросить потом человека, с кем он только что разговаривал, он скажет: «Ну... У нее такие волосы и бусы светятся...» И ничего не добавит по сути.

Иногда Лекс носил парик с дредами, иногда – хипстерскую бороду с очками. Ни разу на памяти Айи его не опознали. Потому она и выбрала красные волосы. И когда ей случилось чего-нибудь натворить, – а это происходило с завидной регулярностью, – она знала: будут искать девочку с ягодной макушкой. Парик, макияж – и «Добрый вечер, я – целительница Амалия. Зрелая и опасная женщина-вамп».

Впрочем, неважно, краску какого цвета она вылила на себя неделю назад. Мишу она бы сломила в любом образе. Да там и ломать было нечего: таскался за ней, как хвостик. Милый, пухлый очкарик... Хоть и строил из себя теперь большого и неприступного.

Она набрала, как и обещала, с лестничной клетки. Он осторожно вылез на лестничную клетку с мешком мусора, прижал палец к губам и мотнул головой, отчего щеки вздрогнули. Айя кивнула: связываться с его квартирной хозяйкой не хотелось. Сняла ботинки и только потом проскользнула внутрь, стараясь не издать ни звука.

– До сих пор не спит? – выдохнула она, когда Миша закрыл за собой дверь в комнату и щелкнул замком.

– Нет, какой-то сериал травит... – он раздраженно цокнул. – Теперь раньше двух вообще не ложится. А что за шмотки?

– По порядку, Мишань, – она коснулась губами его мягкой щеки: надушился...

От запаха заслезилась глаза, но раз он готовился, значит, быстро подобрет.

- Нас накрыли, да? - приподняв очки, он потер переносицу, а потом указательным пальцем водрузил стекляшки на место. - Я знал. Я предупреждал: не втягивай...

- Спокуха, чувак, - она по-хозяйски пихнула куртку в шкаф и плюхнулась на кровать, даже не удосужившись разгрести набросанную одежду. - Ложись, пошепчемся.

- Слу-у-ушай, может, наскребем тебе на хостел?

- Не нуди, завтра меня тут не будет. Ну же, заваливайся, - она похлопала по одеялу. - Где Джек?

Он опустил рядом, скептически склонил голову.

- За кроватью. Слушай, ладно на него она согласилась, но тебя я не спрячу!

Айя подползла к краю кровати, свесилась и вытащила широкую клетку.

- Иди к мамочке... Господи, ты за ним вообще убирал? Ты мой хороший...

Последняя фраза была адресована не Мише, а пушистому зверьку с длинным подвижным тельцем. Довольный свободой, он, подпрыгивая, принялся носиться по комнате.

- Выпускай хоть иногда!

- А я и выпускаю, но только ночью. Если твой хорек сожрет здесь провода или еще что, мне крышка, ясно? Будешь сама покупать...

- Не хорек, а хонорик! Да, Джеки? Ты ж моя радость, - она поймала животное и принялась играть с ним, в шутку нападая пальцами.

Какими бы ни были неприятности, Джек не давал ей скиснуть. И сегодня она нуждалась в мохнатом разбойнике особенно сильно. Тот мужик зверски напугал ее. Эти глаза... Айя повела плечом, стряхивая с лопаток мурашки. Украдкой взглянула на Мишу: рассказать? Или...

- Мне надо знать, где ты это взяла? - он сосредоточенно копался в пакете с едой.

- Вот ну ни разу не надо, - Айя нацепила ухмылку.

Нет, он не поймет. Никто не поймет. Она редко пускала кого-то за завесу яркой девчонки и псевдоцелительницы. Играть ради шутки, душить народ было весело, но Айя не сомневалась: стоит ей показать кому-то истинное лицо, ее моментом запишут в чокнутые. С таким не свыкнешься... Всего ничего времени прошло с тех пор, как она перестала пугаться саму себя, но делиться? Ни за что. У нее и без того было слишком мало друзей, чтобы терять последних.

- Фто там фтряфлофь? - спросил Миша с набитым ртом.

- Ну... Дело такое. Приходил сегодня мутный мужик. Типа на прием, хотя ясно, что такие, как он, не лечатся.

- И?

- И все. Я не думаю, что он из тех, кто держит район... И вроде не мент, иначе бы сразу ксиву в лоб и руки за спину. Но явно что-то разнюхивал.

- Не мент, да? - Миша фыркнул. - Ты же в курсе, что Клавдию Ивановну тоже убили? Тоже по голове.

- Да ладно... - она замерла, так и не откусив свой сэндвич. - Кто?

- Не знаю. Все только и говорят, что про маньяка. Вот, наверное, и ищут... Или следаки, или журналисты.

Маньяк... А если это он и приходил к ней сегодня? Искал себе новую жертву... Но ведь в том видении был молодой парень, не Клавдия Ивановна... Мурашки с новым рвением вскарабкались по позвоночнику.

Она будто снова встретила взгляд того человека. Вспомнила, как над пламенем свечей, в мареве горячего воздуха, его зрачки будто приблизились, позволяя заглянуть внутрь. В такие минуты глаза людей казались Айе похожими на зеркала, которые бережно хранили отражение самых страшных, самых болезненных поступков. Она видела осколочные изображения... Видела жертв. Видела то, что видел когда-то убийца или насильник... И знала, что тот посетитель был одним из них.

- А мы-то здесь с какого бока? - спросила она онемевшими губами.

- Наверное, в поликлинике кто-то ляпнул, что они у тебя лечились.
- Да брось! - Айя отложила еду и прижала Джеки. - Менты же не такие дебилы, чтобы подозревать меня...
- Айка, Айка... В какой стране ты живешь? По криминальному каналу уже говорили: Раскольников, то се...
- А почему Раскольников? Типа череп раскалывает?
- У тебя что по литературе было? - он снисходительно посмотрел на нее поверх очков.
- Так, ты не умничай здесь. На литературе тебя бабло поднять не научат, - она зажмурилась, собирая в кучу всю свою изобретательность. - В общем, так. Пауза на недельку, потом меняем район.
- Черт, я только привык!..
- Не ной. С тебя - приют для Джеки, сильные руки и волшебные пальчики. А я разрулю все остальное.
- Каждый раз, когда ты так говоришь, я жалею, что вообще с тобой связался.
- Связалась с тобой я, так и заруби себе на носу, - возмутилась Айя. - И если бы не я, моя пухля, тебе в детдоме бы...
- Понял, - мрачно перебил он. - Могла бы и не напоминать.

Она прикусила язык, но Миша уже надулся. Да, фигово вышло. Взяла себе под крыло толстого очкарика, об которого каждый, кому не лень, так и норовил вытереть ноги, но тыкать ему теперь этим в нос... Зря. Интеллигентный, отлюбленный родителями по самую курчавую маковку. И на скрипочке, и стихов наизусть тонну. И Пушкина, и Есенина, и этого... Короче, -штама. Ходячая приманка для тех, у кого кулаки чешутся. Он и попал-то к ним поздно, лет в двенадцать, когда уже ничему не научишь. С чего она разжалобилась? Сама не знала. Сентиментальность вообще была не про нее, потому Айя и не кинулась на выходе ловить олигарха мечты по трассам и саунам. Предпочитала самостоятельность и честный... Ну, условно честный заработок.

- Слу-у-ушай, - миролюбиво передразнила она его типичную гнусавую манеру. - Ну, извини. Не парься, выплывем.

- Если бы... - вздохнул Миша и зажевал обиду бананом.
- Клянусь! Только...
- Что опять? - чуть не подавился он.
- Да не делай такие страшные глаза, очки лопнут! В шесть утра надо мотнуться к салону.
- Почему именно в шесть?
- Потому что светлеет в семь, ясно? И потому, что если он и придет там снова шуршать, то в рабочее время. Он такой... Знаешь, рубашку застегивает под самым подбородком, - она презрительно скривилась. - Говорю же: солдафон. Даже если дежурил... Сто пудов, свалил уже. Будь уверен, он мечтал оттуда вырваться.
- Почему? - нахмурился Миша.
- Я его заперла, - довольно сообщила Айя.

Миша ее энтузиазма не разделил. Более того: хлопнул себя по лбу и застонал.

- Ты чего? - удивилась она.

В качестве ответа он поджал губы и посмотрел на нее долгим, тяжелым взглядом, ожидая, пока она сама все поймет. И по мере того, как понимание все же пробивалось под ярко-красные локоны, лицо Айи медленно вытягивалось.

- Блин... - она зажмурилась, глотая ругательства. - Чтоб мне сдохнуть... Меня спалят, да?
- Ну, телефон ты ведь взяла, раз мне звонила, - вяло подбодрил ее Миша. - Ничего такого ужасного...

Так лажануться... Дважды за день! Айка, соберись! Сначала пустила этого мужика, потом еще и

заперла... Он так и так не смог бы ее догнать, этот старпер! А если он не погнался за ней, а остался в салоне? А если уже обыскал там все до плинтуса? Ее личное дело... Да, паспортные данные левые, но ведь он и это сможет проверить... А вдруг устроил полный разгром? Или вообще пришел туда копать не на нее, а на хозяев-казахов? Мстить-то они к кому придут? С виду – тайские массажисты, но палец в рот не кладут...

Айе смертельно хотелось побиться лбом о стену, но Миша... Он и так вечно паниковал на пустом месте. Если она что и усвоила из своей целительской практики, так это то, что все болезни от нервов. Поэтому молча гладила пушистую шкурку Джеки и сверлила взглядом узор на наволочке.

- Ладно, – вдруг произнес Миша. – Надо смотаться туда и проверить.

Айя подняла голову и с подозрением прищурилась.

- Это точно ты сейчас сказал?

- Я постою снаружи, – Миша дернул плечом. – Ты сделаешь вид, что случайно забрела. Этот мужик тебя все равно в таком виде не узнает. Заберешь все, что надо.

- Ты такой милый... – ласково протянула она, не без удовольствия отметив пунцовые пятна на его щеках. – Только знаешь, что? Вот, деньги сразу возьми. Пусть пока у тебя побудут.

- Как скажешь. А ты чего бледная такая?

- Не знаю... Предчувствие какое-то... – улыбка сползла с ее лица, и Джеки засуетился, вырываясь.

- Опять твои заскоки? Слишком долго ты занимаешься этой мурой...

- Хей! – Айя ткнула друга в бок. – Эта мура кормит... Плевать. Не хочешь, не верь. Когда уже можно будет в туалет?..

Уже лежа в темноте и тесноте на Мишиной кровати, слушая, как он сопит в стену, она смотрела невидящим взглядом в потолок. Мура... Что бы он сказал, узнав, что история с экстрасенсом – не такая уж липа?

Когда-то давно, лет пятнадцать назад, у нее дома отключили свет. Ничего особенного, когда твои родители выходят из запоя реже, чем заходят обратно. Айя валялась на полу с учебниками, стараясь не попадаться на глаза отцовским собутыльникам. И вот тогда к ней подошел дядя Рома. Наклонился, спросил какую-то ерунду про математику... И над тусклым огоньком свечи она увидела в его зрачках осколки прошлого... Девочку, которая кричала и извивалась в грязных жестоких руках.

Конечно, она не поверила сразу. Конечно, сама себя убедила, что кто-то из гостей шутки ради подмешал в ее ужин порошок. Но любопытство взяло верх. Снова и снова она заглядывала людям в глаза, пока не догадалась взять свечу. И вот опять звериная натура промелькнула в осколках отражений.

Айя молчала. И говорить было некому, и рисковать не хотелось. Но увиденное в папином прошлом заставило только радоваться, когда органы опеки лишили семейную пару алкоголиков права воспитывать дочь. Уж если начистоту, Айя своим поведением в школе нарочно сделала так, чтобы ими заинтересовались. Детдом стал для нее не наказанием, – убежищем.

Она держалась подальше свечей, предпочитала не знать, с кем имеет дело. И лишь когда восемнадцатый день рождения прошел, и двери Рыбинского приюта выпустили ее в большой мир, стала время от времени проверять людей из своего окружения. Идея работать целительницей, окруженной свечами, была гениальной. И Айя смогла сразу видеть, чего стоит каждый ее клиент.

Долгая вереница Божьих одуванчиков чуть было не усыпила ее иллюзией безопасности. Но пришел он, и ей впервые захотелось поблагодарить кого-нибудь за свой дар. Она видела, как бежит парень, как оборачивается в страхе... И все. Падение. Темнота. Осколки.

Жужжание мобильного взрезало зыбкий сон. Было темно и почти тихо: только Джеки шуршал в клетке.

- Готова? – Миша сел на кровати.

Его лицо в отблесках уличных фонарей напоминало луну: круглое, желтоватое, с кратерами подслеповатых глаз.

- Готова, – она улыбнулась в ответ на его решимость.

Айя как никто знала, чего ему стоит тащиться куда-то в темноте. И все же ради нее... Может, когда-

нибудь она его даже поцелует. По-настоящему, так, как он этого заслужил.

Они оделись и тихонько, чтобы не разбудить хозяйку, прокрались на улицу, в морозную январскую ночь. Назвать это утром у Айи язык не поворачивался, хотя в половину шестого стеклянные двери метро должны были открыться для первых пассажиров. Они бежали молча: не потому, что торопились, просто для прогулочного шага слишком похолодало. Да и рот мерз от ветра, открывать его для разговоров было бы сущим кошунством.

- Я забыл про заморозки, - выдохнул Миша, когда они спустились на платформу. - Надо было еще один свитер... Ты там долго планируешь торчать?

- В моем ежедневнике этого нет, - съязвила она. - Но если что - держись ближе к окнам.

Салон, к счастью, дожидался Айю в темноте и безмолвии. Они с Мишей осторожно обошли дом: незнакомых машин на парковке не оказалось.

- Уверена, что он не лечиться приходил? - прошептал Миша и тут же спрятал нос в воротник.

- Может, и лечиться... Но лучше перебдеть, ясно? Стой здесь, я мотнусь за вещами.

Айя огляделась по сторонам, кивнула для верности и достала ключи. Аккуратно, стараясь не звякнуть, повернула и резко отскочила в сторону: вдруг кто-то караулит внутри. Но приоткрытая дверь замерла, обнажая только безмятежную тишину. И Айя решилась.

Она не стала включать свет, благо помнила в салоне каждый угол, вслепую могла бы пройти по приемной что на ногах, что на руках. Или зря она здесь несколько месяцев работала уборщицей, чтобы по ночам извлекать из тесных стен свою выгоду? В конце концов, это место служило ей домом.

Осмотрелась: ни беспорядка, ни следов обыска... Словно вчера ничего и не было. Расслабившись, Айя направилась в комнату, где обычно вела прием. Но стоило ей шагнуть за тяжелые бархатные шторы, как она оказалась в кольце чьих-то рук. Дернулась, попыталась закричать... И голос бессильно заклокотал в гортани: на губы бетонной плитой опустилась шершавая ладонь.

- Ну, привет, - ухо защекоотало чужое дыхание. - А я уж думал, ты не вернешься.

3. Не выходи из комнаты

Олег всегда считал: у каждого свои обязанности. Рыбак рыбачит, скрипач скрипит, а задержание проводит опер. Но со вчерашнего вечера все покатило в тартарары. Раньше он бы даже мараться не стал. Вызвал бы пару человек, поставил в наблюдение, и в эту самую минуту спал в собственной квартире. А отчет о проделанной работе изучил бы утром за кружкой растворимого кофе с двумя кубиками сахара.

Вместо этого он всю ночь провел непонятно где, ожидая, пока явится эта девица. Нет, запертый замок Олега не смутил. Во-первых, опер все же приехал, и им на пару ничего не стоило бы вскрыть дверь. Во-вторых, окно, через которое ушла целительница, было Олегу по силам. И все же Климова он отпустил по звонку, чтобы не возиться с оформлением обыска и прочими бумажками. А сам осмотрелся. Так, в частном порядке. Потому что вряд ли у Амалии или у владельцев полуправильного салона возникло бы желание возмутиться.

Девчонка оказалась не душой: номер, по которому он с ней связывался, тут же исчез из сети. Ни телефона, ни компьютера он не нашел, но ощущение было такое, как у собаки, которая унюхала заначку трехлетней давности. Вроде мелочь – но смог, нащупал! Обнаружил ее личные вещи. Парочку фотографий, кофту, белье... И все это в тщательно припрятанном рюкзаке.

Содержимое тайника наталкивало на догадки. Целительница моложе, чем он думал, даже с поправкой на макияж и парик. Типичная оторва, трудный подросток, который так и не вышел из детства. И не надо было работать в следственном комитете, чтобы распознать бунтаря в кучке разноперых вызывающих шмоток. Полароидные снимки... Кажется, детский лагерь. Стена Цоя – куда без нее. Сплошные криминальные элементы, личный опыт позволял Олегу определить их с первого взгляда. И «Амалия» смотрелась среди них органично.

Разумеется, подозревать ее в убийствах было бы глупо. Она нашла способ извлекать из старушек выгоду, а кто станет кидаться кирпичами в золотую гусыню? Мошенники редко пачкают руки членовредительством. Но она могла, – нет, должна была! – что-то знать. Кто-то из ее группы мог успешно скрывать свои наклонности. И если он вышел на жертв через целительницу, значит, можно пройти этот путь в обратную сторону.

У Олега было предостаточно времени, чтобы почитать местную бухгалтерию. Единственным человеком не из Казахстана, который числился в салоне, была уборщица. Волкова Анастасия Павловна. Ксерокопия паспорта портила лицо не хуже парика и вульгарных теней, и все же майор узнал ее. И понял, как заставит ее говорить. Заставит не только вывести на преступника, но и объяснить, какого черта она написала «убийца».

Девчонка вернулась под утро. Прокралась осторожно, а значит, ей было от кого скрываться. Как только звякнули ключи, Олег подготовил ремень, – первое, что пришло в голову. Одно движение – и вот она уже трепыхается в профессиональном захвате.

– А я уж думал, ты не вернешься, – Олег даже не пытался скрыть самодовольство. – Только не кричи, поняла? Мы с тобой просто поговорим.

Она перестала дергаться, но наполненная воздухом грудь говорила о том, что слушаться целительница не собирается. Завопит, стоит ему убрать руку. Олег раздраженно вздохнул и попытался стряхнуть ее волосы с подбородка: так и цеплялись за его щетину. Хуже маленьких детей только подростки: тоже ведут себя громко, но еще делают это назло.

– Меня зовут Олег Васильевич Горовой, – терпеливо произнес он. – Майор юстиции, старший следователь следственного комитета по особо важным. И если ты, Волкова Анастасия Павловна девяносто шестого года рождения, перестанешь елозить, я покажу тебе удостоверение.

Девчонка замерла, выдохнула и, наконец, кивнула. Придерживая ее, Олег попытался убрать одну руку, но тут же получил локтем в солнечное сплетение, а пяткой – в голень. Впрочем, на сей раз он был начеку: звякнул металл пряжки, и его ремень не хуже наручников стянул ей запястья. Горовой дернул ее руки вверх, заставив изогнуться от боли. И все же она не издала ни звука. Стойкая малышка.

– Ты же понимаешь, что я могу и оружие использовать для самообороны?

Ее глаза свирепо блеснули в полумраке, но она дернула головой вниз. Судя по всему, это должно было означать согласие.

– Отлично, – Олег включил свет и подтолкнул ее к стулу. – Садись, надо поговорить.

Она подчинилась. Вероятно, уже продумывала новые пути к отступлению. Что ж, новость про оружие вдолбит в нее немного здравого смысла. Хотя какой здравый смысл может быть у человека,

который, судя по всему, красит голову томат-пастой?

По правде говоря, пистолета с собой у Олега не было. Его вообще не было, не стал выписывать в свое время. Да и зачем? Понты одни. Но ведь он и не солгал, а всего-навсего озвучил общеизвестную информацию: да, он имеет право на самооборону.

- Итак, Волкова... Это ведь твое настоящее имя?

Безмолвный кивок.

- Послушай... - Олег сунул руки в карманы, и девчонка вздрогнула, наверное, решила, что он полез за пистолетом. - Спокойно, я ничего тебе не сделаю, если будешь хорошо себя вести. Мне нужна информация - только и всего. Мой отдел расследует серийные убийства. Три пожилые женщины за последний месяц. Слышала о таком?

Снова кивок.

- Волкова, мне нужно сотрудничество. С полной отдачей. Я тебя просил не кричать. А вот говорить тебе сегодня придется много.

Упрямый взгляд с прищуром.

- Давай так, - он устроился в кресле целительницы и облокотился на стол. - Меня не интересуют твои аферы с целительством. Не моя работа, ясно? Но я могу и впрячься, завести дело. По сто пятьдесят девятой* тебе светит двушка. Речь, разумеется, не о квартире. Флаконы, которые ты дала Михеевой, у наших экспертов. Угадай, что там обнаружат?

Она побледнела, и Олег довольно ухмыльнулся.

- Правильно, не ромашку. Уверен, если покопаться, мы можем наскрести и на сто пятнадцатую**. Плюс сговор с группой лиц. Плюс воспрепятствование осуществлению правосудия... Я могу долго перечислять. Тебе всего-то двадцать один. Не рановато начинать тюремную карьеру?

Упертая девчонка продолжала молча сверлить его взглядом.

- А твои работодатели? Бекзат Турлыханов, например? Будет ли он рад налоговой проверке? И скажет ли тебе за нее отдельное спасибо? Своими крепкими руками массажиста? - Олег поднял бровь. - Ты учти, Волкова. Я вытяну всех, кто с тобой связан. Выставлю все так, что ты сдала их сама. Так что, у тебя найдется минутка ответить на пару моих вопросов?

Она облизала пересохшие губы.

- Хо... рошо.

- Прости, плохо слышно.

- Хорошо! - с остервенением повторила девчонка.

- Так лучше, - Олег положил на стол смартфон и включил запись. - Начнем. Клавдия Ивановна Михеева была твоей клиенткой?

- Да.

- А Светлана Васильевна Лапшина?

- Да.

- А Нина Ивановна Соболева?

- Да.

- Забавное совпадение, не находишь? Кто поставлял тебе клиентов?

- Никто, - она покосилась на окно. - Сарафанное радио.

- Допустим. Но ведь был же первый клиент?

- Так, знакомые...

Олег снова перехватил взгляд в окно, и его осенило. Она пришла не одна! На улице ждет сообщник, и она нервничает. Отлично, можно допросить сразу обоих. Понять бы, кто конкретно... Вот какой толк от оперов? Даже если Савчук сейчас примчится, - а он живет ближе остальных, - это все равно будет слишком долго. Эх, надо было оставить Климова...

Горовой встал, подошел к окну и раздвинул пальцем жалюзи. Светать еще даже не начинало, а дворник уже зычно скреб лопатой асфальт. Кроме дворника был только один человек.

- Пойдите! - окликнула майора девчонка. - Я вспомнила. Когда Соболева пришла первый раз...

Засуетилась! Значит, он на верном пути.

- Очень вовремя, Волкова! Посиди-ка тут пару минут, вспомни что-то еще, - он спешно вышел в приемную, захватил куртку и распахнул входную дверь.

Мужчина, который минуту назад подозрительно мялся под окнами, теперь беззаботно счищал снег с машины. Появление Олега не то, что не спугнуло его, но и вовсе прошло мимо его внимания. Наледь на лобовом стекле: вот, что интересовало незнакомца в данный момент.

Может, все-таки умело прикидывается? Горовой спустился по железной лесенке и огляделся по сторонам: кроме дворника - никого. Сообщник давно бы сбежал или, напротив, попытался напасть. А этот мужчина? Он грел мотор, и его машина явно простояла здесь много часов: об этом красноречиво говорил толстый слой снега на капоте. Или она все-таки пришла одна и просто попыталась отвлечь его? Актерских талантов ей было не занимать...

Олег влетел обратно в салон и тут же услышал шум. Массажный кабинет пустовал, зато из кухоньки доносилась возня. Дважды за сутки?! Ну уж нет!

- Стоять!

Он кинулся на звуки и застал Волкову стоящей на подоконнике. Распахнутое окно, безумная решимость на лице...

- А ну, назад!

Она молниеносно оценила ситуацию, повернулась к нему, по-вратарски расставив ноги... Стоп, она что, собралась прыгать спиной?!

- Вали! - заверещала она так, что у майора заложило левое ухо.

- Стой... - он бросился к ней, но тяжелая подошва толкнула его в грудь.

Равновесие потеряли оба: Олег пошатнулся, схватился за раковину и устоял. А вот она... Да, прыжок она, кажется, не планировала. Долю секунды балансировала, но связанные за спиной руки сыграли не в ее пользу. Волкова пошатнулась, ее глаза удивленно округлились... И она рухнула назад.

Олег подскочил к окну. Вот балда! Да, этаж всего лишь первый, но если лететь затылком, можно... Черт, она все-таки была с сообщником! Громоздкая фигура, неуклюже ковыляя по снегу, стремительно удалялась прочь. С рюкзаком! С тем самым рюкзаком! Олух, как он мог упустить...

Он перевел взгляд на Волкову, и на какое-то мгновение ему показалось, что вокруг ее головы растекается лужа крови. Моргнул: нет, всего лишь ее термоядерные волосы на снегу. Интересно, какой идиот сказал ей, что это красиво?

- Жива? - спросил он мрачно.

Взглянул еще раз на убегающего сообщника. Может, ну ее? Полежит до приезда Савчука, куда денется. Но чертова доброта победила. Или всего лишь неудовлетворенное любопытство?.. Он медленно выдохнул и спрыгнул рядом.

- Плечо... - прохрипела она, сжав побледневшие губы.

- Что ты за идиотка! Что за игры в красных партизан?

- Это из-за волос, да?

Ну, ясно. Она из тех, кто в жизни видел хорошие оценки только по физкультуре.

- Не двигайся, я сниму куртку...

- Эй, я не по этой части!

- Не сомневаюсь...

Вот чем он заслужил такое дело? Олег готов был зуб дать, что в деле о расчлененке в Митино, которое досталось Лаврову, нет ни одного дебильного подростка. То есть формально Волкова была

старше, но детство в ее тшедушной заднице явно играло до сих пор.

Под пухлой желтой курткой пряталось тельце олененка.

- Здесь больно? А так?..

- Вы что, врач? - ее лицо искривилось от боли, но она по-прежнему смотрела на него, как революционер на эшафоте.

- Такой же, как ты - целительница, - отрезал он. - Просто первая помощь. Придется вызывать неотложку.

- Может, не надо? Я разберусь. У меня полис... Он потерян. Зайду к одному... По знакомству, короче. Давайте быстрее, берите свои показания.

И зажмурилась с таким видом, с которым обычно девственница готовится принять мужа в первую брачную ночь. Выходит, он у нее первый? В смысле, следовательно, конечно. Странно, с ее-то видом она должна была не вылезать из детской комнаты полиции.

- Мы приведем тебя в порядок, и ты все спокойно расскажешь.

- А потом куда? В обезьянник?

- Сказал же: поедем со мной в управление, я запишу показания...

- Не надо! Освободите руки, я посмотрю... Где-то у меня был записан номер.

- Правда? А может, мне еще отвернуться, закрыть глаза и сосчитать до десяти?

- Да на здоровье! И что вы скажете врачам? Маленькая ролевушка? Тогда ведь придется меня оформлять, да? Столько бумаги, еще и передавать мусо... Вашим, короче. И пока они...

- Не болтай! - он боролся с желанием встать коленом на ее больное плечо, вытрясти правду и сдать со всеми потрохами в изолятор. - Со мной поедешь. В травму.

- У-у-у, кто-то не хочет делиться с другими дядьками, - девчонка ехидно усмехнулась, и желание тряхнуть ее усилилось вдвое, а терпение лопнуло.

- Слушай внимательно, - процедил он, нагнувшись к ее лицу. - Мне ничего не стоит пустить тебя подозреваемой по делу. И если ты думаешь, что мне тебя жалко, зря. Мне. На тебя. Плевать. Я закрою это дело, будешь ты помогать или нет.

Он погрузил Волкову на пассажирское сиденье своей машины, предварительно отряхнув ей спину и освободив руки. Не для того он неделю назад провел полную чистку салона и купил новые защитные чехлы, чтобы какая-то аферистка превратила все в помойку.

- Ноги отряхни, - посоветовал он.

Девчонка победоносно глянула на него и назло топнула заснеженными ботинками об пол его «лэнд ровера». Олег промолчал, из подобных провокаций давно вырос, а поднимать руку на женщину - или ребенка? - считал ниже своего достоинства. Но в очередной раз утвердился в мысли: он сдаст ее по адресу, как только получит все ответы.

Разумеется, он знал цену честному слову. Но о какой сделке может идти речь, если перед ним - мошенница? С какой радости ему освобождать ее от ответственности, если она должна понести заслуженное наказание? И совесть не беспокоила Горового. Он выполнял свой долг, только и всего. И какие бы жалостливые глаза не делала девчонка, он не верил в этот цирк ни на йоту.

- Что было общего у жертв? - спросил он, включив зажигание.

- Каких? - нахмурилась она.

Олег выразительно посмотрел на нее.

- А, убийства...

Это было сказано таким тоном, будто она, а не он, четырнадцать лет проработала в следственном комитете.

- Они все были старыми, - безразлично произнесла она. - Эй, а нельзя не дергаться так?! Больно же!

Он сам не знал, зачем тронулся резко: специально или просто думал о деле... Возиться с ней было

хуже, чем чистить живую селедку. И он уже пожалел, что не доверял Савчуку и сам потащился на обыск у Михеевой. В награду за рвение не получил ничего, кроме головной боли. Вот что с ней теперь делать? Оформлять задержание – хлопотно, как подозреваемую писать... А ее плечо? Дежурная медсестра в лучшем случае отсыпала бы Волковой аспирин.

Оставалось тащиться с ней под ручку в старую добрую травму и надеяться, что следы от ремня еще не проявились. В идеале бы не выпускать ее из вида во время осмотра...

– Больше деталей, Волкова.

– Я не скажу ничего нового! Видела в сериалах, как это у вас делается. Портрет жертвы и вся фигня. Значит, вы сравнивали и без меня.

Олег покрепче стиснул руль и вспомнил Господа.

– Про внешность и так понятно, – продолжала она. – У всех есть, куда худеть. Я не спец, но ежу ясно, почему у них больные колени...

– У всех?

– Артрит? – удивилась Волкова. – Конечно. А что в этом такого? Если ты дожил до семидесяти, у тебя еще есть ноги, и ты жрешь, как не в себя, у тебя сто пудов будет артрит.

– Ты же в курсе, что говоришь о жертвах маньяка? – Олег вывернул руль после светофора и снова резче, чем обычно.

Как будто ему доставляло удовольствие видеть, как она морщится от боли. Неужели он опустился до мести? Или это игра в воспитателя? Метод естественных последствий, кажется, так называется. Будет знать, как сигать в окно вместо того, чтобы дать показания по-человечески! Да и у него, между прочим, пятно на любимой куртке. И на груди, кажется, будет гематома.

Не то, чтобы он сам верил во всю эту чушь «о мертвых или хорошо, или ничего». Работа в органах – отличная прививка от излишней сентиментальности и чувства такта. Но одно дело – он, старший следователь, который изувеченных тел видел больше, чем уборщица в кинотеатре – фильмов. И совсем другое – она, девчонка двадцати с хвостиком. Что им положено в этом возрасте? Свидания, женихи, кафешки. Так откуда бы взяться такому поразительному равнодушию в том, что касается гибели старушек?

– Только вот не надо меня воспитывать, – Волкова говорила с ним так, будто он был не следователь, а трудовик, застукавший ее с сигаретой в школьном туалете. – Я в курсе, что обманывать бабушек – не кошерно. И надо их уважать. И помогать. Типа через дорогу, сумки до подъезда... Но вы зря думаете, что от старости все резко становятся одуванчиками. Эти три... Ну, жертвы ваши... Они были с характером, ясно?

– В каком смысле?

– От них весь район выл. Совет ветеранов, собрание жильцов дома... Нина Ивановна с первого этажа. В курсе, что это значит?

– Послушаю твою версию.

– Вы же должны помнить, это ваша молодость... Когда Сталин...

Олег призвал остатки терпения и силы небесные. В какой дыре училась эта девчонка?!

– Сколько мне лет, по-твоему? – вкрадчиво поинтересовался он.

– Полтинник?

– Боже, что у тебя по истории было?

Доказывать ей, что тридцать восемь и полтинник – это не одно и то же, было бы ниже его достоинства. И меньше всего Олега волновало, как он выглядит в чьих-то глазах. Тем более – в этих бесстыжих лисьих. Но... Черт возьми, полтинник? Сталин? Seriously?

Олег машинально взглянул в зеркало, чтобы убедиться, не поседел ли он, как старина Гендальф, за последние сутки. Но нет, по-прежнему, ни намек, даже на висках. Зато в ее непроходимой безграмотности был один плюс: он мог угрожать ей хоть камерой, хоть электрическим стулом, в кодексе она наверняка была не сильна.

Притормозив у районного травмпункта, он дернул за ручник и повернулся к Волковой.

- Так что Соболева делала на первом этаже?

- Я смотрю, в следователей теперь берут, кого попало, - она презрительно скривилась. - Следила она. За всеми. Докладывала. Камера наблюдения с палкой и вставной челюстью, ясно?

- Ты-то это откуда знаешь?

- Ви-и-ижу... - замогильным голосом произнесла она.

- Шутить будешь в свои пятнадцать суток! Сейчас вызову оперативника, и катись...

- Хей! Ладно-ладно, шучу, - Волкова вздохнула и смерила его долгим взглядом, будто что-то взвешивая про себя. - Моя публика - женщины. В возрасте. Чаще - в конкретном таком возрасте. Единственное, что они умеют делать, - болтать. Долго, нудно, но главное - обо всех подряд. Хотите нарыть что-то на человека? Идите к старшей по подъезду.

- То есть про Нину Ивановну - информация со слов других?

- Да. Ее не любили - и это еще очень вежливо. Знаете, как она попала ко мне? Выследила свою соседку. Та стала куда-то ходить на ночь глядя. И Нина Ивановна поперлась с обвинениями, грозилась мужу сказать. Ну, мужу этой тетки. А та и сказала, что лечится у меня. Между прочим, Нина Ивановна и на меня хотела жалобу накатать. Или заявление. Или я уж не знаю, она креативная.

- И почему она этого не сделала?

- Дело техники, - Волкова улыбнулась сытой кошкой. - Вы ведь тоже еще меня не сдали. И мы оба знаем, почему.

- На что ты намекаешь?

- Вы же прочли ту бумажку.

- Этот бред?!

- Разве? - она прищурилась.

- Что ты об этом знаешь? Откуда взяла?

- А как вы думаете?

- Прекращай отвечать вопросом на вопрос!

Она смотрела на него как тогда, в кабинете. Не было свечей, таинственной атмосферы и всяких бус. Но ее зрачки расширились, и Олегу стало не по себе.

- Говори! - рявкнул он, чтобы избавиться от неожиданного волнения.

- Поверили, да? - она расхохоталась. - Вы бы видели себя... Конечно, я хакнула базу... Ладно, не я, один товарищ... Просто трюк. Я на рентген попаду сегодня, или подождем, пока руку не ампутируют?

- Да... - спохватился Олег. - Да. Имей в виду, если не хочешь попасть к дежурному врачу при изоляторе: не дури. И если только тебе придет в голову сбежать...

- Ясно все. Меньше бумажек - меньше геморроя, - она подмигнула. - Я буду паинькой.

Ни ее заверения, ни послушный вид не усыпили майора. Он не собирался больше оставлять ее одну. Плевать на туалет, голод и бессонную ночь. Все дела - только после допроса.

Однако план не выпускать Волкову из виду пошатнулся, когда травматолог, скептически взглянув на Горового, изрек:

- Мужчина, подождите снаружи.

- Но ей будет спокойнее со мной...

- Подождите, нечего устраивать здесь толпу.

Олег быстро оценил обстановку: кабинет смежный со смотровой. Врач и медсестра. Железная решетка на окне. Никаких лишних дверей. Нет, отсюда она не сбежит...

- Давай куртку, я подержу, - он бросил на Волкову предупреждающий взгляд и забрал одежду. - Я

буду ждать.

Волновался он напрасно: она появилась в коридоре спустя пару минут.

- Ну что? - поднялся он.

- Перелома вроде нет... Но плечо вылетело. Рентген сделаем на всякий случай, и там скажут, что делать.

Ее глаза подозрительно блеснули. Неужели настолько больно? Или врач ей что-то выкрутил? Олег на собственной шкуре узнал, какими деликатными бывают эти коновалы.

Пришлось снова садиться и ждать. И пока он ждал, все прокручивал в голове ее реакцию. Последние минуты их разговора. «Хакнула базу»? Как-то просто звучит. И что именно она там искала, если даже не знала, как его зовут? И почему сразу поняла, что он - не тот, кем представился?.. Нет, не сходится. Определитель номера, может, так? Или кто-то пробил его машину, когда он подъехал? Секундное дело, но почему тогда она медлила? Зачем просила расстегнуть пуговицу на воротнике? Нет, нет и нет. Она снова запудрила ему мозги. Удивительное дело, но рядом с ней он словно соображал туго, шестеренки вертелись со скрипом...

- Мужчина, пройдемте со мной, пожалуйста, - из рентгеновского кабинета к нему решительным шагом направлялась медсестра.

- Куда?

- К доктору. Нужна ваша помощь.

- А она?.. И почему?

- Не волнуйтесь, на минуту. С ней рентгенолог.

Олегу в корне не нравилась эта затея, но разводить лишних дискуссий не хотелось, и он последовал за сестрой.

- Присядьте, пожалуйста. И расскажите, как именно Волкова получила травму, пока мы ждем полицию.

- Что?! - ошарашено повторил майор и, проследив за взглядом врача, обернулся: в дверях кабинета уже стоял охранник. - Но я же...

- Плечо не вылетает при падении на спину, - врач постучал ручкой по стеклу на своем столе. - И характерные отметины на запястьях, и шоковое состояние пострадавшей указывают на насилие. Сейчас ее осмотрит гинеколог.

Олег закрыл глаза и потер виски. Она все-таки умудрилась обскакать его в третий раз.

*Статья 159 УК РФ. Мошенничество

**Статья 115 УК РФ. Умышленное причинение легкого вреда здоровью.

4. Знакомства из подполья

Сбежать из травмпункта Айя поначалу не собиралась, но никто не мог отнять у нее таланта импровизировать. Лучшие решения она всегда принимала спонтанно, и когда выпал блестящий шанс скрутить следаку фигу, было грешно его упускать.

В кабинет врача она заходила паинькой. Плечо горело: падение назад в позе орла... Хорошо, если она вообще когда-нибудь сможет двигать правой рукой. А ведь она не левша!

Доктор бесцеремонно повертел конечностью, и глаза защипало от слез. Когда она в последний раз плакала? Уж точно не в этой жизни.

- Что это? - спросил он, указывая на запястье.

А там краснели свежие следы от ремня. Даже кожа содралась. И тут идея пришла сама собой: слезы, связанные руки... Зашлифовала дрожащими губами и страхом в голосе.

- Ничего... - пролепетала она и душераздирающе шмыгнула.

- Вы можете сказать честно, ничего не бойтесь.

Пауза. И тут она подняла на него глаза, полные мольбы и отчаяния.

- Не говорите ему... Умоляю!

- Кому? - нахмурился врач и покосился в сторону двери.

Да! Наживка проглочена, дальше богатая фантазия травматолога галопом поскачет в нужном направлении.

- Я не могу... Не могу сказать... - снова всхлипнула Айя. - Он накажет... Сделает это снова...

Врач переглянулся с медсестрой, за этим последовал короткий кивок, и медсестра с бабушкиной заботой обрушилась на хрупкие плечи Айи.

- Пойдем, моя хорошая. Сделаем рентген, доктор разберется. Здесь вы в безопасности. Потом вас осмотрит гинеколог...

- Нет... - Айя была почти уверена, что ей даже удалось побледнеть. - Нет, только не это...

Внутри она готова была расхохотаться от удовольствия. Купились! Как шопоголики на новогоднюю распродажу! Ее отвели в рентгенологический кабинет, бережно и деликатно. Может, теперь каждому врачу намекать на изнасилование? Айя с роду не видела на лице прожженной медсестры такого сочувствия.

- Не вздумай мне здесь падать в обморок! - говаривала тетка в детдоме, которая лечила зубы наживую.

А тут ну просто мать родная... Хотя нет, лучше. От родной матери столько нежности Айя получала разве что, когда подносила похмелиться.

Узнав, что перелома нет, и плечо всего-навсего вылетело из сустава, она снова разыграла карту жертвы. Спросила испуганно, не зайдет ли сюда *он*, и когда медсестра поспешила разобраться с насильником, преспокойно вышла из кабинета, взяла со скамейки куртку и покинула травмпункт.

Когда приезжаешь в столицу из Рыбинска одна, как мамонтенок на льдине, а из багажа - только пара чистых трусов в кармане, волей-неволей начнешь заводить знакомства. Айя готова была лично организовать сбор денег на памятник тому герою, который изобрел вписку.

За последние пару лет она была фанаткой и футбола, и Цоя, и Гарри Поттера, и Властелина колец. Меньше всего ее выручал последний: читать Айя не любила, от фильма сводило челюсти, а любители играть в эльфов, как правило, не утруждали себя заботой о деньгах. Нищие студенты гуманитарных вузов - вот и вся армия Средиземья.

То ли дело адепты «Спартака»! Постоянно ходить на матчи любимой команды, если каждый из них стоит, как неделя в хостеле, может только очень сытый фанат. Сытый, при жилье и готовый порвать за своих.

Прикинуться своей оказалось элементарно. Спертый на Арбате шарф - и готова фанатка, которая ехала поболеть за лучшую команду в мире, пока на вокзале не лишилась багажа, денег и документов. Бесплатная еда, пиво, крыша над головой и навыки рукопашного боя - вот, что дали

Айе сердобольные любители футбола.

А поскольку драки среди фанатов были делом будничным, то и контактами врачей в ту пору Айя обзавелась с избытком. Разумеется, среди них был и травматолог. Одна беда – из двадцать девятой больницы, до которой надо было еще добраться.

Айя особо не спешила: даже если Горовой махнет ксивой, его так просто не отпустят. Мало ли, что майор, нечего распускать руки и все остальное. Нет, по меньшей мере, ему придется долго и упорно объяснять, что к чему. Да и догонять кого-либо на проколотых шинах – задача не из легких.

И все-таки Айя ушла поглубже во дворы, чтобы не искушать судьбу. Куртку натянула наизнанку: желтый цвет был ей сейчас не нужен. Убедившись, что хвоста нет, сунула здоровую руку в карман за телефоном. Пусто! И в правом, и во внутреннем... Чудовищная догадка заставила девушку оцепенеть. Майор Зануда не терял время даром! Стащил смартфон, как какой-нибудь щипач! Но там же все! Контакты, банк, база... И что теперь?! Она не помнила ни одного номера наизусть. Ни Миши, ни кого-либо еще. Налички при себе было всего ничего, на две шаурмы или четыре пирожка с капустой, но даже это оказалось не самым страшным. И даже не тот факт, что Горовой теперь при желании мог ее закрыть серьезно и надолго. Нет... Теперь он получил возможность вскрыть всю ее схему. Мишу, Гульнару из поликлиники... Да к половине телефонной книги можно было преспокойно выезжать с наручниками!

Но паниковать было рано. Не зря она встречалась с Лексом. Человек, который сам промышлял воровством гаджетов, знал толк в безопасности. Он ставил ей какое-то приложение... Как его... Девайс чего-то... Неважно, она помнила, как выглядит значок. Достаточно войти на их сайт с компьютера, ввести свои данные – и можно прямо оттуда заблокировать смартфон и отмыть его от информации, словно макнув в тазик с хлоркой. Горовой получит кирпич: красивый, глянцевый и бесполезный. Вопрос только, кто доберется до памяти раньше.

Компьютер на дороге не валялся, номер травматолога был безвозвратно утерян, а денег хватало только на городской транспорт. Надежный, но медленный и набитый людьми, готовыми оторвать ей вывихнутое плечо окончательно, лишь бы вовремя добраться до офисной каталажки. Радовало одно: на телефоне стоял пароль. Сам майор его, скорее всего, не вскроет, потому что если он и умеет пользоваться техникой, то только кипятивником. А пока он втолкует медикам, что никого не насиловал, и доедет на спущенных шинах до своей конторы, Айя, быть может, уже удалит все, что можно.

Пришлось снова импровизировать. Плечо горело, но важнее было обезопасить себя и Мишу. Идти ловить машину? Проще сразу сдаться с повинной. А вдруг она встанет голосовать ровно в том месте, где проедет разозленный майор? И ведь как нарочно привез ее в самое глубокое Чертаново!

– Деточка, не поможешь спуститься? Так скользко... – дребезжаще-пискливый голос прозвучал, как спасение.

– Конечно, – Айя предложила бабушке здоровую руку. – А не подскажете, как пройти в МФЦ?

– Госуслуги, что ли? – та нахмурилась. Выглядело это так, будто кто-то потянул за невидимую ниточку, и все лицо съехало к носу. – Тут далеко.

– И все-таки?

– Сначала дойди до метро «Южная», оттуда – к торговому центру «Южный». А там спросишь, большие такие дома, белые с коричневым, – старушка беззвучно пошевелила губами, что-то подсчитывая в уме, и короткие волоски на ее подбородке весело всколыхнулись. – Да. Двенадцатизэтажки.

Дорога заняла минут двадцать, и оставалось только надеяться, что Горовой не успеет за это время покопаться в ее телефоне. Весь путь Айя гадала, какой избыточно остроумный человек назвал это место Южным. И с чем он сравнивал район? С заполярьем? Ветер бесстыже покрывал щеки поцелуями жидкого азота, на торговом центре издевательски подмигивала неоновая пальма. «Чуть Менее Северный» – вот подходящее название.

Айе никогда бы в голову не пришло, что в госучреждении можно найти компьютер с выходом в интернет, если бы не ее клиентки. Волны пенсионеров с периодичностью отлива и прилива накатывали туда, как на работу: то квартплата пришла слишком большая, то понадобилось оформить новую льготу. Так или иначе, все они в один голос хвастались Айе, что теперь у бюрократов можно и в удобном кресле посидеть, и кофе бесплатного выпить, и компьютером пощелкать. Им-то компьютеры были без надобности: не каждый знал, с какой стороны подойти к монитору, и куда совать мышь. А вот Айе сейчас такая щедрость городских властей была только на руку. На ту, что еще не успел сломать Горовой.

Она быстро выяснила, куда сидит больше всего народу, захватила себе талон туда же. И потому за

время, пока она блокировала телефон, представляя, как психанет майор, уже заработала на халывный кофе с сахаром за долгое ожидание в очереди. Не завтрак, но хотя бы согреть желудок.

Зашла на почту, написала Мише, чтобы заново выслал свой номер телефона, не паниковал и вечером ждал ее с ночевкой. А заодно заглянула на сайт «Спартака», пролистав результаты последних игр и даты следующих. Это бы упростило разговор со старым другом из травматологии.

Сложнее было с такси, но и тут сказался жизненный опыт: после манипуляций с купонами она уложилась с заказом машины в две сотни. Бог свидетель, доехать от Южной до Лефортово за такие деньги было не так уж просто.

Как белый человек, Айя подъехала к воротам двадцать девятой городской больницы. От денег теперь осталось одно воспоминание, зато в двух шагах в приемном отделении работал человек, который давно продал душу демонам «Спартака».

Пропустив рабочего с гвоздем в ладони, Айя заглянула к травматологу Валере. Тот возился с биксами и не сразу ее заметил.

- Пусть кому-то снится сон, что «Динамо» чемпион... - пропела она.

- Ну а мы во сне видали: наш «Спартак» на пьедестале! - машинально ответил он и обернулся. - Айка! Сто лет тебя не видел! Заваливайся, покажу фотки с последнего матча... Ирочка, идите пока, выложите новые бахилы.

Как только медсестра, скептически сморщив нос, вышла, Валера кинулся к Айе, раскинув руки.

- Где тебя носило?! Пять матчей продули, наши говорят, нужен талисман. Без твоей макушки - не тот расклад... - он по-свойски шарахнул ее по обоим плечам, и у Айи в глазах потемнело от боли, а пол закачался, как парусное судно во время шторма.

- Я по делу... - прохрипела она.

Пришлось мучительно стягивать куртку, рука повисла печальной тряпочкой.

- О, вылетело... - сочувственно протянул Валера. - Ща вправим. Где тебя угораздило?!

- Кони... - она выплюнула пару ругательств, которые бы даже портовой грузчик, удивившись, записал обслуживленным карандашом в блокнотик. - Ехала в поезде из дома... Как раз на новую игру... Ты представляешь? Родители, работа... Полгода никуда выбраться не могла. И тут еду - двое наших. Мы опрокинули, спели, туда-сюда... И, мать твою, кони! Человек десять!

- Вот твари! - Валера презрительно скривился.

- А там как раз была речевка... Ну, знаешь... Я проснулся утром рано...

- В высшей лиге нет «Динамо»...

- Я проснулся чуть поздней...

- В высшей лиге нет коней!

- Ага, вот она, - Айя снова поморщилась. - И главное, даже без мата! А они нам навешали... И один такой... Старпер, рожа гнусная... И длинный, метра два.

- Не переживай, мы их на следующей игре все равно уделаем. Садись, немного обезболю...

- Мне рентген сделали в другой травме, говорят, перелома нет, просто сустав вылетел... Но они просят полис и хотят ментов вызывать. А я... Вот хрен знает, где мой полис. И рюкзак, видимо, в электричке остался... И телефон в крошево...

- Сейчас все сделаем, - успокоил ее Валера.

Пока он возился с ампулами, она размышляла, куда двигаться дальше. Ей кровь из носу надо было пересечься с Мишей, причем сделать это так, чтобы не попасть под танк его квартирной хозяйки. Безумная баба! Сидела дома, боялась чужих, но при этом комнату сдавать не гнушалась. С первого дня поставила условие: никаких гостей. Потому что разврат, сифилис и вообще в коридоре натопчут. Пришлось соглашаться: так близко к салону Миша не нашел ничего дешевле, а далеко ездить он не любил.

Они работали в тандеме: Айя исцеляла, Мишаня шлифовал результат массажем. У него были большие руки с мягкими, чувствительными пальцами. Теорию он нахватал из интернета, а практику наработал быстро. Недовольных клиенток не было: да и откуда? Другие дамы в возрасте готовы

были куда больше заплатить за одно только прикосновение молодых мужских рук. А тут – часовой сеанс общего массажа...

Укол заставил ее вздрогнуть, но скорее от неожиданности. К боли она была почти нечувствительна и уж точно не собиралась давать слабину перед Валерой.

– Сейчас подействует, – подмигнул он, и Айя бодро расправила единственное рабочее плечо.

Изначально она не планировала лезть в историю с целительством. Только подогнать клиентов Мише. По своим знакомым вышла на медсестру Гульнару, та была рада на любую прибавку к зарплате, к тому же, ее не тяготили избыточные моральные принципы. Айя любила прямолинейных людей, готовых честно признаться в том, что остальные трусливо прячут за масками такта и любезности. Работа пошла, массаж стал приносить доход... И как-то Миша за вечерней бутылкой пива рассказал Айе про народную медицину.

– Ты не представляешь, во что они верят! – вещал он. – Какие-то грибы, волшебные притирки, а одна еще и заговоры делает... На полном серьезе!

И в этот момент в изобретательном мозгу Айи звякнуло уведомление: «Большой бизнес отметил вас в своей истории». И закрутилось, завертелось... Да, именно так, как сейчас.

– У тебя голова не кружится? – Валера заботливо заглянул ей в глаза.

– Не... Фигня...

– Смотри, можем подождать.

– Я что, сопляк из «Зенита», чтобы валяться по полу с каждой царапиной?

Валера довольно хохотнул.

– Окей. Вдохни поглубже, будем вправлять.

Она взглянула на него с той смесью скепсиса и снисхождения, с которой обычно армейские дедушки смотрят на наивных новобранцев. Вдохи-выдохи, лютики-ромашки... Делай уже свою работу, мужик, и нечего церемониться. Вслух она этого не произнесла, потому что с теми, кто помогает, надо быть нежнее. И все же молча откинула голову набок, чтобы ему было удобнее работать.

– Готова?

– Давай...

Не успела она договорить, как мир вокруг взорвался ядерным реактором. Тысячеградусная боль ударила в плечо, воздух зазвенел, глаза заволокло кровавой гущей. Будто издалека донесся влажный хруст, и Айе показалось, что она будто на поезде удаляется от платформы, на которой остался и тесная смотровая, и Валера, и ее собственное угловатое тело.

Ее несло все быстрее, мелькали стены, кафель, настольная лампа с красно-белым магнитом «Спартака», пока, наконец, в пляску осколочных картинок не впрыснуло новые цвета. Вдруг появилась зелень, мелкие желтые пятна и большое коричневое, ржавое. Айя хотела крикнуть, позвать Валеру, но ее укачало так сильно, что, казалось, стоит только приоткрыть рот, как рвоту будет не остановить. Глаза жгло от сухости: как она ни силилась, не могла моргнуть. Будто кто-то заставлял ее смотреть.

Внезапно тошнотворный калейдоскоп прекратился. Все пошатнулось и встало, и Айя оказалась на загородной платформе. Люди плыли мимо смазанными пятнами, словно снятые на камеру дешевого телефона. Их лиц Айя разглядеть не могла, зато пейзаж был четким. Рельсы, тропинка между кустарников с мохнатыми желтыми цветами. И низкий домик – то ли станционный, то ли магазин... Но вряд ли жилой: ни забора, ни занавесок, ни горшка с геранью. И крыша, устланная ржавыми железными листами.

Решив, что от боли или наркоза словила глюк, Айя неторопливо осмотрелась. Во всем этом безумии был один плюс, – боли она больше не чувствовала. Внутри вдруг стало легко-легко, хотелось улыбнуться, зажмуриться от солнечного света и, соскочив на шпалы, бежать к траве, улечься на сочный склон...

И тут внимание привлекла знакомая фигура. Валера! Он торопился куда-то, шел, беспрестанно оглядываясь, но Айю не видел. Голос отказывал ей, а хаотичное махание руками не увенчалось успехом. Она как будто попала в его сон и за происходящим наблюдала, как за рыбками в аквариуме.

Между тем, Валера сошел с платформы, двинулся по тропинке к домику, и Айя последовала за ним. Уж если это его сон или побочка наркоза, ей не улыбалось оставаться в этом бреде одной.

Валера ускорил шаг: его взгляд то и дело возвращался к хрупкой женской фигурке в цветастом платье. Айя не могла видеть лицо девушки, да и на месте прически видела рыжеватый туман, но по Валере было понятно: он преследует красотку. Украдкой сложил ладони лодочкой, понюхал собственное дыхание, расправил плечи мясника. И Айя уже хотела вдоволь поржать над незадачливым жеребцом, но около домика Валера поравнялся с незнакомкой.

- Эй, постой-ка! - гаркнул он, и даже у бесстрашной Айи желудок свело судорогой.

- Я тороплюсь... - проблеяла та, ускоряя шаг, но Валера перехватил ее запястье. - Послушайте, мне правда некогда! У меня есть парень, он...

- Думаешь, ты лучше меня? - угрожающе прорычал Валера. - Думаешь, найдешь кого побогаче?

- Ничего такого! - в ее голосе звенела паника. - Мне надо домой...

- Зачем ты мне писала? Подразнить?!

- Валера прекрати сейчас же! - не выдержала Айя и попыталась схватить его за локоть, но пальцы провалились в его тело, как в голограмму. - Стой!

Он не слышал. Его глаза были чужими, лицо злобно искривилось. Ни следа добродушного мужика, который столько раз выручал Айю жильем и деньгами. Он потащил девушку за собой, за угол домика, туда, где безнаказанно кустилась старая, нестриженная сирень. Фигурка в цветастом платье упиралась, старалась воткнуть в землю каблук и удержаться, как альпинист своими крючками, но толку не было. Айя засуетилась: в глубине души она понимала, что все вокруг - просто галлюцинация, но ее не покидала тревога. Ведь если есть хоть мизерный шанс, - один на тысячу, - что это правда, и ничего сделать...

- Айя! - голос Валеры вдруг зазвучал в ее черепе, словно его ввернули туда зубной дрелью. - Айя, ты слышишь меня? А-йя!!!

И снова понеслось. Снова калейдоскоп, карусель, мазня... Исчез домик с ржавой крышей, цветастое платье, платформа, и только на мгновение отпечатались в глазах надпись из больших белых букв: «Малые Вяземы».

- Айя! Черт... Ира! Поди сюда!

- Чего ты орешь? - Айя зажмурилась, поморгала и сфокусировала взгляд на мясистой физиономии травматолога.

- Я же спросил, с тобой все нормально? - его брови соединились в длинную гусеницу, крупные поры превращали нос в клубнику. - Голова не кружится? Тошнота, нарушение зрения? Можешь сфокусировать взгляд?.. Сколько пальцев?

- Работаешь в больнице, научись дозировать наркоту, - пробормотала она, прижала здоровую руку ко лбу и попыталась выпрямиться: кабинет опасно качнулся.

- Сиди уже! Наркоту... Предупреждать надо было, на чем сидишь! То-то я думаю: надо же, какой высокий болевой порог...

- Ни на чем я не сижу! Это ты мне вколлот, не пойми что...

- Будет она рассказывать! - Валера мотнул головой. - А слабо мне в стаканчик сейчас пописать?

- Да хоть на пол... Что ты мне пытаешься навешать?

- Я не помню за свою практику таких зрачков... - он вздохнул и сел рядом на кушетку. - А ведь к нам наркоманов привозят постоянно. Но что бы это ни было, ты бы завязывала! В следующий раз меня рядом не будет, кто знает, как тебя накроет. Хочешь, дам номер одного мужика из наркологии?

Айя раздраженно закатила глаза.

- Да ничего я не... Чтоб наши пять лет в Чемпионате России даже ни разу в полуфинал не вышли! Чтоб Глушаков ногу...

- Тихо! - Валера чуть рот ей не зажал и недоверчиво заглянул в глаза. - Кто такими вещами играет?.. Так что, правда ничего... Но как тогда?..

- А что стряслось-то?

- Потеря сознания, - неохотно пояснил он. - В принципе, ничего такого. Могла не подействовать местная анестезия, болевой шок... У меня тут народ пачками валится. Слабонервные. Но все это время у тебя были открыты глаза. И зрачки... Как будто радужки вообще не было. Не делала МРТ в последнее время? Опухоль тебе не ставили? А на учете по эпилепсии не стоишь? Черепно-мозговых не было?.. Хотя я не припомню, чтобы вот так...

Она попыталась детально вспомнить свое падение... Нет, слишком быстро. Но на земле было много снега, и затылок не болел... Но Валера ее паузу понял неправильно.

- Может, ты все-таки полежишь? - мягко предложил он. - Сделаем томографию.

- Мне сейчас вообще некогда. И полис...

- Придумаем что-нибудь... Или домой позвони, может там есть копия или еще что...

Айя мучительно соображала. После отключки, щедро приправленной бредовыми глюками, мозг работал отвратно. Идти сейчас ей было все равно некуда. Еще и с этим следаком на хвосте... Мутный он. Мутный и нервный. Кажется, она не на шутку зацепила его. Выходит, с видением снова попала в точку. И если он кого-то пришил, то теперь боится, как бы правда не выплыла наружу. Стал бы он так носиться с ней из-за одного расследования? Вот уж ни за какие коврижки. Менты никогда не слоняются по одиночке. И если им стукнет в голову кого-то поймать, то вываливаются на человека всей оравой, с дубинками, наручниками и светомузыкой. Так с чего бы этот сидел и караулил ее всю ночь безо всякого подкрепления?

Уж на что Айя редко сталкивалась со стражами порядка, даже она понимала: мужик темнит. И если он не наврал, что следователь, - ведь если можно подделать паспорт, то почему бы не ксиву, - то ищет ее не для того, чтобы взять показания. Или не только для этого. И даже фокус с лечением бабулек его мало волновал. Нет, он боится, что она знает о нем слишком много... А за свою короткую, но бурную жизнь, Айя успела усвоить: нет никого опаснее человека, который боится за свою шкуру.

- Знаешь, ты прав, - она глянула на Валеру. - Оформляй меня.

- Вот и ладненько. Диктуй.

Она колебалась. Давно не пользовалась настоящим именем, но если уж следак знает подставное, то под своим будет безопасно.

- Пиши: Крюкова Айя Сергеевна.

5. Бумажная забота

Мигрень донимала Олега, как вокзальный цыганенок: прицепилась прочно и ныла, ныла без конца. Звезды сошлись: ночь без сна, муторные объяснения с травматологом, эвакуатор до шиномонтажа и ковер у начальства. Пришлось рассказывать полковнику, который толком не отошел от юбилея, как майора юстиции занесло в травмпункт с какой-то битой девчонкой. Калинин в свою очередь на пальцах донес до Олега, чем стоит заниматься сейчас и почему. Внимание СМИ всегда добавляло начальству нервозности. Нет, с каких это пор трех старушек достаточно для того, чтобы убийства набрали резонанс? Больше нечего показывать по телевизору?

В ящике стола валялся смартфон Волковой. Приобщить его к делу, чтобы отдать штатным ребятам, было нельзя. Нарушение прав... А как было не взять, если он валялся под лавкой после побега девчонки? Не бросать же!

Сам Олег взламывать технику не умел. Вот и получилось, что единственный ценный трофей, вынесенный из разгромной битвы с Волковой, лежал, как бесполезная железяка. Одно радовало: хоть в чем-то вышло насолить этой занозе.

Майор третий час заполнял документы, и половина из них вышла с энного раза. В корзине под столом альпийскими пиками высилась гора испорченных бумажек, компьютер вис, на улице снова и снова включалась чья-то сигнализация. И все бы ничего, но банка кофе пустовала, как и последняя пластина из-под таблеток от головной боли. Меньшее, чего сейчас хотелось Горовому, – это кого-нибудь видеть. Но нет! Как по заказу в дверном проеме возникла матросская рожа Савчука.

– Олег Васильевич, собираем на день рождения Ланышева...

Прежде, чем Савчук успел договорить, его потащил обратно в коридор Климов. Тот работал с Олегом шесть лет и знал, с чем можно заглядывать к майору в кабинет, а с чем не стоит.

– Сань, ты что, дурак? – донесся до майора яростный шепот. – К Горынычу – за деньгами?!

– Да что такого-то?! – возмутился Савчук. – Все собираем...

И это стало его роковой ошибкой. Климов хлопнул себя по лбу, и Олег услышал звук удаляющихся шагов.

– Что такого? – тихо спросил Олег. – По-твоему, это нормальная практика? Я работаю изо дня в день, плачу налоги и идиотские пенсионные отчисления, которые рано или поздно сгорят. Почему я должен давать деньги, чтобы вы купили Ланышеву какую-то дрянь, которую он все равно выкинет? Или дорогой коньяк? Его выпьют всем управлением за пять минут. Один нюанс: я не пью. Так зачем мне оплачивать общую попойку, если я знаю девятьсот девяносто девять способов потратить эти деньги с пользой?!

С каждым словом он прибавлял громкость, и это крещендо к финалу развернулось в такую атаку басами, что у самого же Олега мигрень стрельнула новым приступом.

– Да я просто...

– Допроси медперсонал! – Горовой хотел рявкнуть последний приказ, но вместо этого то ли прохрипел, то ли простонал, держась за пульсирующие виски.

– Какой персонал?

Похоже, жизнь Савчука не учила ровным счетом ничему. Мичман. Из него бы вышел только мичман на тихоокеанском флоте. Мичман со шваброй.

– В сто шестьдесят шестой поликлинике, – устало произнес Горовой, уворачиваясь от слепящего света ламп. – Соберись, Савчук. Бабушки, кирпичи, поликлиника.

– Так по горячим уже опрашивали...

– На какой букве в словах «допроси медперсонал» мне подпрыгнуть?! – Олег стремительно терял терпение. – Мне нужно, чтобы ты взял портреты жертв. Номера их полисов. Пусть они посмотрят, куда ходили все трое. Особое внимание удели мужчинам. Расспроси коллег про Алиева.

– Физиотерапевта?

– Да, Савчук. Физиотерапевта, – Олег вздохнул. – Где жарче всего в поликлиниках?

– В гардеробе?

Один. Два. Три. Ме-е-едленный выдох.

Дверь в кабинет снова распахнулась, и к майору, отодвинув Савчука, пролез Климов. Сорок лет жизни себе в удовольствие превратили его тело в пугалку с плакатов Здравпросвета. Брюшко, сделавшее бы честь роженице, уныло покачивалось над ремнем вытертых штанов, посеревшее лицо предупреждало о вреде курения. Лысина образовалась не надо лбом, как у солидных мужчин, а ровно по центру макушки, будто он не сегодня-завтра намеревался посвятить себя служению Богу в каком-нибудь тихом аббатстве. Зато остатки волос, включая богатую челку, капитан Жора Климов носил с достоинством.

- Взял на охране, - просипел он и издали потянулся, чтобы бросить на стол Олега серебристую пластину таблеток. Так обычно дают лакомство собаке, когда не знают, примется она за угощение или за руку дающего.

Горовой взял лекарство, поднес поближе к глазам: от мигрени крошечные букочки сливались друг с другом и нагло подмигивали.

- Хорошая штука, Федоскину импланты ставят, - пояснил Климов. - Он только на них и держится.

Олег высыпал в ладонь две штуки и закинул в рот. Только с Климовым тут и можно иметь дело...

- Пойдешь с ним в поликлинику, - хрипло произнес майор: сухими таблетки не прошли, и он встал, чтобы плеснуть воды из кулера.

- В сто шестьдесят шестую?

- Ты понял, Савчук? - Олег стряхнул стаканчик и поставил на стол, не выбрасывать же. - Так, ну и где у нас в больнице самое жаркое место?

- В очереди, - пожал плечами Климов и стрельнул в Савчука взглядом превосходства.

Ну, ясно, этот, наверное, чем дальше, тем чаще пасется в поликлинике.

- Так сейчас электронная запись... - возразил Савчук.

- Есть поликлиника, есть очереди, - разжевал Олег. - Классика. Так что выясните, где еще бывает толкучка. На анализ крови, это даже я тебе скажу. На процедуры какие-нибудь. На уколы... Посмотрите, не работает ли там мужчина. И попробуйте узнать, не было ли скандалов в последнее время. Многие ходят туда, как на работу, особенно, пенсионеры.

- А что с Алиевым? - Климов расстегнул тугую верхнюю пуговицу и с облегчением повертел головой. - Из Минздрава подтвердили, что на него поступали жалобы. И не только от Михеевой. Собственно, я это и шел вам сказать...

- Хорошо бы мне его на допрос, - кресло жалобно скрипнуло, когда Олег снова опустился в него. - Но все-таки поищите другие зацепки. А! И поговорите с народом в регистратуре... Или... Хотя нет, знаете что? Просто поговорите с отделом кадров. Не было ли текучки среди медсестер. Что изменилось в последнее время. Официальные запросы я им скинул по электронке. Но оригиналы захватите, - он протянул Климову файл. - И если попадутся пенсионерки, - а они попадутся, там их шабаш, - спросите про целительницу Амалию.

- Кого? - нахмурился Климов.

- Просто спросите, ясно?

Олег уже не знал, стоит ли тянуть эту версию дальше. С Алиевым все было гораздо проще: хотя бы мотив. Горячая кровь, старые доносицы... Готовая формула маньяка. Признаться, было бы странно, если бы Алиев ограничился кирпичом. Слабовато для человека, которого довели до ручки. Тесак, кинжал... Топор, в конце концов, Раскольников он или нет? Тем более, врач. Как минимум, не слабонервный. А может, и вовсе замаскировал садистские наклонности медицинским дипломом. Был у Олега один такой случай... На месте преступления, помнится, блевали даже опера. А тут - кирпич... Нет, версия получалась ровной, но что-то в ней разочаровывало.

В прошлый раз, когда они вели дело врача, тот все объяснял логично. Там никто не писал доносов, зато ему ставили плохие оценки. Новая система превратила лечение людей в услугу. И вместо благодарности за спасение жизни из пациентов попер кракен-потребитель. «Понравился ли вам прием? Оцените качество работы специалиста по шкале от одного до пяти...» Где-то в глубине души Олег сочувствовал доктору-потрошителю. Он знал: медиков швырнули на баррикады первыми, а дальше пойдут остальные. Полиция, следственный комитет... «Оцените тактичность сотрудника при задержании... Довольны ли вы условиями в камере административно задержанных? Достаточно ли красиво был оформлен протокол допроса?» Да, мир сам дает людям в руки топор и шепчет: «Ты - не

тварь дрожащая, ты имеешь право...»

Боль отступила, Олег подготовил бумаги, чтобы отправить флаконы на экспертизу, и вернулся к изучению вчерашней писанины Савчука. Допросы соседей... Ошибок было столько, что майору грозила слепота даже без мигрени. Да и эта девчонка, Волкова, никак не шла у него из головы. Пожалуй, теперь Олег бы предпочел боль.

Она мельтешила у него перед глазами, как красная тряпка, и ловко уворачивалась тореадором. Давно пора было сдать эту историю оперативникам. Но клочок бумаги со словом «убийца» не давал покоя. Как простая мошенница сумела узнать то, о чем он даже родным не рассказывал? Или она – компьютерный гений? Ладно, медицинская база. Но следственный комитет?! Олег не мог найти внятного объяснения, а когда он чего-то не понимал, то рыл носом до последнего.

Девчонка, может, и попала пальцем в небо, но Горовой вспомнил то, о чем предпочитал не думать. К тому моменту он работал следователем от силы пару лет. Молодой был, искал приключений. Брали несколько человек за убийства и разбой. Олегу не надо было там присутствовать: оперативники, подкрепление. Но любопытство, гордость за раскрытие крупного дела... И он полез. Смотрел со стороны, как лейтенант Коломбо, донельзя довольный собой.

Но просчитался: сообщников оказалось больше. Парнишка лет двадцати выскочил откуда-то, словно у него к заднице была приделана пружина, пальнул, сам того не ожидая. И попал в Сапрыкина. Не насмерть, в правое плечо. Тот сполз по стене, уронил пистолет. А стрелок ломанулся прочь, к гаражам, и Олег среагировал на автомате. Сам не понимал потом, зачем. Бросился к Сапрыкину, подхватил его табельное и сдуру погнался за мальчишкой. Кричал что-то... Тоже стал палить... С чего, спрашивается? Не пристрелянный был, без практики в тире... Нажал на спусковой крючок, руку шарахнуло отдачей. И парень лег. Оглянулся удивленно и лег. И Горовой подошел, не веря себе. Как будто все происходило не с ним. Да нет же, он ведь не убийца! Приедет скорая, стрелка зашьют, и тот пойдет с товарищами под суд... Но парень так и остался лежать с удивленно распахнутыми глазами.

В итоге ничего Горовому не вменили. Тогда он работал под началом полковника Маркова, а тот за своих стоял горой. Прокуратура пошуршала, не без этого, внутреннее расследование... Чин чинарем. Но никакого наказания Олег не понес. Если, конечно, несколько лет ночных кошмаров не считать наказанием.

Умом он понимал: бумажка «убийца» могла быть простым трюком. Попыткой напугать, отвлечь, блефом или совпадением. Ведь даже сломанные часы показывают правильное время дважды в день. Или, к примеру, кто-то из жильцов дома Михеевой предупредил Волкову о визите следователя... Те две понятые из соседней квартиры... Да нет, глупость какая-то. Наверняка, логичное объяснение есть, и оно проще, чем кажется, но Олег должен был его услышать. Лично от нее.

Терять рабочее время на собственные заскоки Горовой не хотел. Поэтому полез в Интернет искать разработчиков медицинской информационной системы. Той самой, где хранятся все записи к врачу и истории болезней. Через пару минут Олег уже дозвонился в центр поддержки, а там его переключили на специалиста. Представившись, майор смог приступить к вопросам.

– Скажите, в каждой поликлинике своя база, или из любого компьютера с программой можно получить доступ к любой информации? – поинтересовался он у безликого консультанта. – К примеру, врач из поликлиники А может узнать список назначений пациента из поликлиники В?

– Теоретически – может, – специалист задумался на мгновение. – Уровень доступа, конечно, разный, каждый врач имеет электронно-цифровую подпись... Есть доступ младшего медперсонала, есть – специалистов, есть – администрации... Но в целом – да, сеть одна.

– Я правильно понимаю: любой человек, воспользовавшись флешкой с подписью, может узнать диагноз, назначения и результаты анализов любого пациента? – уточнил Олег.

– Теоретически... – снова затянул тот.

– Нет, вы мне скажите практически, пожалуйста.

– Да... – парень помедлил. – Да, может.

– А если взять эту флешку, принести домой, включить у себя на компьютере? Так можно?

– Нет, – на сей раз ответ был твердым и быстрым.

– И в чем разница?

– Мы сами устанавливаем программное обеспечение на каждый компьютер. Лицензионная версия имеет ограниченное число установок, поэтому даже если поликлиника, скажем, расширяется или

нанимает новых специалистов, они всегда вызывают нас. Есть серийные номера, сертификаты и...

- Послушайте, если можно взломать Пентагон, то неужели вы думаете, что систему записи к доктору - нельзя?

- Ну... - видимо, к такому вопросу в центре поддержки не готовили. - У нас еще не было подобных случаев. Кроме того, каждый расписывается в получении персонального ключа. Если ключ утерян, об этом надо заявить, и его аннулируют.

Положив трубку, Олег задумался. Хакера нельзя было исключить наверняка, но лучше начинать с того, что напрашивается само. Искать через сотрудников бесполезно: вряд ли кто-то сдаст крысу, которая сдавала бабулек «Амалии», а с ней, возможно, и убийце. Но можно потянуть за нитку из тетради Михеевой. Получить детализации звонков всех жертв проще простого. А совпадение, что там найдется, - номер целительницы, который и раньше был у Олега, - позволит сделать официальный запрос и на ее историю разговоров. Возможно, выйдет даже получить переписку через мессенджеры... Но эти ведут себя по-разному. Одни шлют все и всем, другие воротят носом даже с ФСБ, прикрываясь иностранными владельцами и прочей либеральной ерундой. А если понадобится постановление суда... Черт, столько возни, когда можно было бы просто как следует допросить Волкову!

Он снова взялся за телефон и набрал Климова.

- Да, Олег Васильевич? - отозвался тот и закашлялся.

- Мне нужен список мобильных номеров всех сотрудников поликлиники. И обрати внимание, кто занервничает, кто будет прятать телефон... Ну, ты понял.

- Добро, - ответил Климов. - Еще что-то? Мало заряда осталось.

- Да. Пусть они распечатают всех, кто в последнее время лечил ревматоидный артрит. В идеале - еще и посещал физиотерапевта.

- Добро.

Расследование расследованием, но неизвестно, мстил маньяк только этим трем, или у него далеко идущие планы. И по какому принципу он выбирает жертв, как варит его дырявый котелок... В любом случае, если найдут четвертый труп, полковник Калинин изойдет пеной.

Закончив с оформлением запросов мобильным операторам и прочим властителям современных коммуникаций, Олег пробил прописку Волковой. Решил навестись к ней лично, пусть и не сомневался, что вряд ли застанет ее дома, раз уж она не брезговала ночевать в казахском массажном салоне.

Все выглядело типичным: в прошлом - трудный подросток, сбежала от родителей, учиться и нормально работать - лень. Вот и шляется, где ни попадя, деньги пытается отжать то здесь, то там. Судя по тому, как лихо она наплела травматологу про изнасилование, - даже не наплела, намекнула! - опыт у нее знатный, а фантазия - богатая. И целительница Амалия - только один из возможных вариантов заработка.

Надежды, что родители подскажут, где искать свое заблудшее дитя, было мало. Но Олега бы устроило, что угодно: информация о школьных друзьях, о любимых подружках... О том, где эта девчонка училась и нет ли у нее за плечами циркового училища или продвинутых компьютерных курсов.

Он не знал, стоит ли возиться с делом по статье о мошенничестве. Направлять запрос в прокуратуру... А если вдруг там решат, что это не его подследственность? Договориться с теми, кому поручат дело? Олег не пил, и друзей у него было мало. Да, много лет работы в органах - и ни одного друга. Что ж, не очень-то и хотелось. Горовой ненавидел кумовство и все эти «ты - мне, я - тебе». Получится ли работать в связке? Помогут ли они прижать Волкову по ее делу? Или она будет рада отделаться сто пятьдесят девятой, потому что скрывает что-то большее? Вон, врач в травме: с виду опытный, здравомыслящий, а поверил большим испуганным глазам. Кто знает, какой лапши она наварит для тех, кто будет вести ее за мошенничество. Мелкие дела дают обычно людям не за большой ум и заслуги перед отечеством...

Когда рабочий день закончился, Олег отправился по адресу, где была прописана Волкова. В конце концов, он имел право тратить свободное время так, как вздумается.

Дверь открыла уютная женщина. Все в квартире было умильно-женским: от чирикающего соловьем звонка до пушистого коврика у двери, от теплого запаха корицы до бархатного спортивного костюма хозяйки, который переливался блеском страза, как дискотечный шар. У ног дамы подскакивала и истошно повизгивала крохотная собачонка. Догадаться о том, что это собака,

можно было только по звукам, – животное двигалось так быстро, что превратилось в мельтешашее пятно. Чтобы не спровоцировать новый приступ мигрени, Олег перевел взгляд на женщину.

– Вы – курьер? – доверчиво спросила она. – Я приготовила без сдачи, как вы просили.

Даже голос у нее звучал мягко, как банановый пудинг. Ну как у такой дамы, приятной во всех отношениях, могла появиться красноголовая оторва?

– Нет, я бы хотел поговорить с Волковой Анастасией Сергеевной.

– Ой, – спохватилась. – А я снова открыла и не спросила... Муж ругает меня, а я забываю и забываю... Вы из института, да?

Интересное дело... Девчонка и правда учится или просто навешала маме первосортного вранья?

– Скажите, у нее что, проблемы? – на лице женщины отразился такой ужас, что на какой-то момент Олег испугался, что та рухнет в обморок и придавит собачку. Впрочем, в таком случае стало бы значительно тише.

– Не по учебе, – уклонился Горовой и, вытащив удостоверение, представился. – Мы расследуем убийства, и ваша дочь может оказаться ценным свидетелем. Так можно мне с ней переговорить?

– Да-да, – засуетилась хозяйка. – Минуточку... Она у подружки на шестом этаже. В сто тридцатой...

Женщина достала телефон, щедро сдобренный блестками, и дрожащими пальцами постучала по экрану.

– Настя, поднимись сейчас же... Нет, слышать ничего не хочу. Сию же секунду. И не дай Бог... Все, отсоединилась. Никогда не дослушает до конца! Да вы проходите, можете не разуваться...

Но Олег предпочел коврик. Он и у себя дома не терпел, чтобы кто-то следил в уличной обуви, а разуваться не хотел, чтобы не собирать собачью шерсть. Пусть с виду дамочка казалась аккуратной, он не сомневался: если в доме животное, то повсюду будут волосы.

– А, вот и она! – с облегчением выдохнула женщина, когда послышался шум лифта. – Насть, иди быстрее, тут следователь!

Олег обернулся и нос к носу столкнулся с худенькой девушкой. И она была кем угодно, но только не его вчерашней целительницей.

– Простите, вы кто? – Горовой, отстранившись, как художник от своего полотна, изучал незнакомку.

Что-то общее с Амалией, конечно, было. Глаза, форма носа, острый подбородок... Но у этой волосы имели нормальный русый оттенок, а лицо казалось нежным и невинным. Ни капли наглости и издевки. Не лиса, а домашний такой цыпленок. Вблизи были заметны различия: высота бровей, полнота губ... И движения разные, и эта выше... На мутной черно-белой копии паспорта их еще можно было перепутать, но живьем? Абсолютно разные люди.

– Волкова Анастасия Павловна, – девушка переводила взгляд с матери на майора.

– А можно взглянуть на паспорт?

– А на ваши документы? – насторожилась та.

– Настя, ну что ты... Това... Гражданин следователь все уже показал. Сейчас принесу...

Пушистые тапочки зашлепали по ламинату, и спустя несколько мгновений радушная хозяйка принесла Горовому паспорт дочери. В предсказуемо розовой обложке. Данные не совпадали с теми, что запомнил Олег. То есть нет: имя, отчество, фамилия и прописка, – с этим было все в порядке. А вот серия, номер и дата выдачи не совпадали. Проведя в уме нехитрые подсчеты, майор обратился к девушке:

– А почему вы получили паспорт в двадцать один, а не в двадцать?

– Так она получала в двадцать, – встряла мать. – А потом посеяла где-то... Теперь вот храним дома, в секретере.

– Не посеяла, а украли! – настоящая Волкова забрала у майора документ. – Я же говорила: в клубе...

– Ой, знаю я, что творится в этих клубах! – хозяйка махнула рукой и нагнулась, чтобы взять на руку

дрожащую животину с выпученными от ужаса глазами. Лаять собака перестала, но дышала, как туберкулезник на последней стадии.

Олег не стал больше мучить ни псину, ни ее плюшевых хозяек. Вышел на свежий воздух, нащупал в кармане ключ от машины. Что ж, он не зря сходил в гости. Теперь он знал: ушлая целительница пользовалась украденными документами. И ведь надо, как повезло найти себе двойника! С подделками Горовой сталкивался сплошь и рядом, но такая редкая удача... Выходит, девчонка промышляет еще и карманным воровством? Или просто умеет правильно выбирать друзей?..

Как бы то ни было, искать ее становилось все сложнее. Вряд ли она снова воспользуется этим именем. И что в сухом остатке? Олег понятия не имел, как ее зовут, где она может жить, и кто она, черт побери, такая. Чувствовал, что теперь просто обязан ее найти, но впервые в жизни не представлял, с чего начать.

6. Сон в руку

Больничная еда была пресная и чуть теплая, но Айя набросилась на нее с таким рвением, что соседки по палате удивленно переглянулись.

- Добавку хочешь? - с легким оттенком брезгливости спросила девушка модельного вида.

В любой другой момент Айя нашла бы повод с ней сцепиться и в лучшем случае - на словах, но сейчас балом правил желудок. Поэтому она благосклонно приняла вторую порцию. Все равно Цапля питалась хлебцами и черт знает какими фитнес-коктейлями.

Палата оказалась неплохим временным пристанищем, и Айя даже пожалела, что раньше не додумалась устраивать себе периоды санаторно-курортного лечения. Один раз она, правда, пробралась летом в загородный отель, подтибрила браслетик на «все включено» и пару дней плавала, ела от пуза и грела косточки в модных саунах. Ночевала в свободных номерах. Сложнее всего в этой истории было заново лепить после себя лебедей из полотенец. Выходили какие-то кукиши, но погубили Айю не они. Она примелькалась сотрудникам, те, наконец, сообразили, что к чему, и ее поймали. Дальше она предпочитала не вспоминать, а выбравшись на свободу, решила с отпусками покончить.

Двадцать девятая больница была унылой тенью, забитой падчерицей по сравнению с тем отелем. И все же Айя получила трехразовое кормление, горячий душ, чистую широкую кровать, которая забавно складывалась при нажатии кнопки, и четырех храпящих соседок. Впрочем, последнее обстоятельство почти не мешало: человека, который провел несколько лет в детдоме, убаюкает даже перфоратор.

Наевшись, Айя одолжила телефон у Цапльи, сообщила по электронке Мишане, что визит переносится, и улеглась слушать истории свежееиспеченной бабушки. Та вещала на всю палату про то, что если бы ученые изобрели способ измерять IQ у полугодовалых младенцев, их айкьюметр разорвало бы в клочья от одного приближения к маленькому Альбертику.

Вечером в палату заглянул Валера и вытащил Айю в коридор.

- Ну что там с МРТ, Костоправ? - она назвала его старой фанатской кличкой: от сытости впала в благодушие и почти забыла про странное видение в смотровой.

- Вроде чисто, - они сели на свободную лавочку. От Валеры пахло сигаретным дымом и то ли селедкой, то ли скумбрией. - Ни опухоли, ни аневризмы...

- А почему у тебя такой тон, как будто это плохая новость?

- Я поговорил с неврологом, - Валера неохотно посмотрел ей в глаза. - И он считает, что симптом... Не очень хороший. В общем, завтра сделаем КТ, энцефалограмму... А потом он сам заглянет к тебе, посмотрит. Не волнуйся, он свой мужик. Из наших.

- Спартаковец? - Айя изобразила радость. - Тогда не вопрос. Пусть смотрит. Но говорю сразу: башка у меня крепкая. Всякое прилетало, но тьфу-тьфу-тьфу...

- Вот меня и беспокоит, что прилетало. Ты бы поаккуратнее. Я понимаю, за наших сам готов порвать. Но у меня весовая категория другая. Одна драка с мужиком вроде меня, тем более, если он за коней и принципов у него нет вообще... Кровоизлияние в мозг - и все, - он участливо положил руку ей на здоровое плечо, и Айю будто шарахнуло током.

Фотовспышкой перед глазами появилась картинка из видения: домик, сирень, платье... От прикосновения? Или его слов про драку? Но стрелка настроения мгновенно упала к нулю.

- Не волнуйся, - Валера неверно истолковал ее замешательство. - Главное - вовремя найти проблему. Выбрать тактику. У тебя случались галлюцинации? Я не спрашиваю про всякие препараты, или чем ты могла баловаться... Но вот так, на ровном месте, были?

Слова прилипли к небу старой ириской. Крюкова с сомнением смотрела в его серые, с желтыми подпалинами на радужке, глаза. Сказать? Ведь говорят же, что правду надо говорить в двух случаях: на исповеди и у врача. И Айя, чей язык плел вранье быстрее, чем она его сочиняла, впервые не могла решиться. Просто на исповеди она не была никогда, а единственной фразой, которую раньше слышала от врачей, была: «Дышите, не дышите».

Она смирилась со своими видениями, привыкла к ним. Тем более, всегда их контролировала: не хочешь трепать себе нервы - просто не зажигай свечу. Но там, в смотровой... Такого не случалось прежде. И хорошо, если это был просто глюк от болевого шока или неправильной дозировки. Но внутренний голос назойливо шептал: «А вдруг нет? А вдруг правда?..»

Валера своими плечами вышибалы и умными словами внушал доверие. Он – врач. Он – друг. Он никогда не сделал бы человеку плохо... Айе хотелось стиснуть виски ладонями, чтобы унять сомнения и прекратить муки выбора. И она бы стиснула, если бы одна из рук не висела бесполезной тряпкой в повязке. Поэтому голову разрывало, и ничего с этим поделать не получалось.

В конце концов, в схватке разума и смутных сомнений победил первый. Уложил интуицию на обе лопатки одним сокрушительным ударом логики. Ведь медицина – вот она. Выпил таблетку, и боль прошла. Помазал прыщ, и больше его не видно. Вдруг и у странных видений Айи есть простое объяснение? Вдруг это всего-навсего глюки? Какая-нибудь крошечная фиговина в ее мозгу сместилась, уткнулась куда-то, как чужой локоть в автобусной давке, и от этого появились цветные фильмы без кинотеатра? Ведь у алкоголиков часто рождаются дети со всякими отклонениями.

Вдруг где-то есть таблетка от всего этого? Невролог найдет причину, ее вылечат, и больше никаких тайн, от которых сама себя считаешь сумасшедшей. Да и тот майор... Горовой. Вдруг, померещилось? Ну какой из него убийца? Ни пистолета, ни наручников. Просто старый брюзга. И ловит он ее только ради расследования.

– Слушай, Валер... – начала она осторожно, ведь не скажешь в лоб: «Я вижу мертвых», окатив облаком пара.

– Значит, все-таки были?

– Да нет, я не об этом... Я одну вещь хотела спросить... Тебе что-нибудь говорит название «Малые Вяземы»?

Валера изменился в лице. Будто кто-то стер улыбку мокрой тряпкой. Взгляд стал колючим, сжатые губы побледнели, а под щетиной на скулах заползали желваки.

– Что ты сказала? – спросил он тихо, и от этого тона ей захотелось просочиться через стену в палату и спрятаться в тумбочке.

– Я просто... Забей. Перепутала.

– Нет, погоди! Где ты это слышала?

– Валер, говорю же... Я... Я просто... Ты же в курсе, мне негде перекантоваться сейчас в Москве. А домой как-то беспонтово тащиться, – она включила развязность. – И наших напрягать... Вроде сейчас дешево снять дачу. А там протопить, вся фигня... Я думала, ты знаешь...

– Нет. Не знаю. А почему Малые Вяземы? – он не сводил с нее тяжелого взгляда.

– Да так... От девчонок в палате слышала. Ты чего завелся-то?

– Ладно. Мне пора. Завтра тебя заберут на КТ.

Он резко встал, и стоило ему отойти и свернуть за угол, как Айя смогла, наконец, глубоко вдохнуть. Что за черт?! Это все-таки была правда? Не нужны были особые способности, чтобы заметить, как он очерился. Словно кто-то решил разбить клумбу там, где у собаки зарыта кость. А если и правда зарыта? И что? Ехать теперь в эти несчастные Вяземы с лопатой и проверять? Или он просто изнасиловал... Или это была ссора? Или вообще, мать его, глюк, и пора бы перестать об этом думать?

Айя была бы счастлива не воспринимать видение всерьез. Но едва она забралась под одеяло и отвернулась к стенке, как перед глазами вновь замелькали тошнотворные желтые цветы. И круговорот затягивал, не позволяя проснуться.

Цветы вращались перед глазами, вращалась ржавая крыша домика...

– Хватит! – заорала Айя, и все вдруг прекратилось.

Вот только перед ней были не цветы, и не платформа, как в прошлый раз. А здоровенный плакат про травмы. Красно-коричневым были раскрашены мышцы, желтым выделены подзаголовки. Она стояла в пустом коридоре, жужжали лампы, холодный свет отражался от бугорков на линолеуме. Да, это был больничный коридор.

Айя осмотрелась, сделала пару шагов в одну сторону, потом в другую – никого. Хотела уже поискать выход, но вдруг услышала приглушенные голоса. Мужские. И доносились они из-за двери с табличкой «Ординаторская». Айя подошла ближе, придвинула ухо к самой щели.

– И как ты себе это представляешь?

– Не мое дело.

- Валер, давай лучше не ко мне с этим...
- А по-моему, к тебе. Дел всего ничего. И считай, ты мне ничего не должен.
- Это что, шантаж?
- Называй, как хочешь. Но чтобы завтра она была в психиатрии.
- Да я не могу так быстро! Даже если сажать на препараты, там накопительный эффект...
- Похоже, что я хочу это слушать?
- Да что она тебе сделала?
- Я тебя не спрашивал про того парня, Теймураз. Просто убери ее.
- Да как?!
- Пусти по вене.
- Подотчетное?..
- Меня не волнует, какое.

Собеседник Валеры тихо выругался на незнакомом Аие языке, потом на какое-то время стало тихо.

- Ладно... - сказал Теймураз. - Еще раз: какая палата?

- Тридцать четвертая. Крюкова. Не перепутаешь: у нее волосы красные, - Валера помолчал и добавил уже более дружелюбно: - Да что ты паришься на пустом месте? Влей ей в капельницу с утра, когда их будут готовить. У нее в карте стоит глюкоза. А если что, виновата будет сестра. Уже такое было...

Айя пришла в себя от первого испуга, и ей овладела злость. Вот, значит, каково футбольное братство? Она только намекнула на Малые Вяземы, и он сразу решил сбегать ее в дурку? Вот уж не выйдет. Если бы он просто рассмеялся в ответ, она бы поверила в то, что видение было обычным бредом. Теперь же не сомневалась: Валера сделал что-то ужасное с той девушкой. И не в какой-то галлюцинации, а в реальности. В самой, что ни на есть, всамделишной реальности. Ну, Валера...

Ей вдруг стало плевать на все. На последствия, опасность и маньяка-травматолога. Она толкнула дверь изо всех сил, обеими руками, шагнула внутрь, готовая выцарапать ему глаза... Стоп. Обеими руками? Но ведь ее плечо...

В сознании будто выключили свет. Айя моргнула и проснулась в своей палате. Сопела Цапля, коротко всхрапывала новоиспеченная бабушка. За окном поблескивали в свете фонарей трамвайные пути, белел на тротуаре нечищенный снег. И не было видно ни единой машины.

Часов пять, не больше.

Нужда подняла Айю в туалет, а любопытство заставило потом аккуратно выглянуть в коридор. Сестринский пост пустовал, еле слышно гудели лампы, и в их свете все неровности линолеума казались еще более выпуклыми.

Нет. Она будто снова оказалась в собственном сне. Но ведь проснулась уже! Или это продолжение? Как замкнутый круг? Как зеркало в зеркале? Айя оглядела себя: мятая больничная ночнушка, повязка на правом плече. Ткнула для верности в то место, где вылетел сустав, и чуть не взвыла. Так сильно прикусила губу, что тут же ощутила металлический привкус. К тому же, было зверски холодно после теплой постели, кажется, кто-то из сестер решил проветрить.

Она могла бы вернуться назад, укрыться и спать дальше. Но сон не давал покоя. Если постоянно видеть жертв в чужих зрачках, начнешь поневоле опасаться всего подряд.

Айя обошла весь коридор в поисках того плаката. С мышцами. Она не помнила точно, что было на нем написано, но не сомневалась, что узнает, как только увидит. Однако плаката не было. А в ординаторской мирно дремала женщина в голубом костюме. Выдохнув, Айя уже собралась вернуться в палату, как вдруг наткнулась на пожарные планы здания. Вот же! Отделение неврологии! Ведь Валера говорил, что его друг - невролог! Значит, на два этажа выше...

Она снова огляделась - никого. И решилась. Нашла дверь, торопливо взбежала по лестнице, изо всех сил надеясь ни с кем не столкнуться. Но ей поразительно везло. Повсюду было тихо и чисто, будто это была не больница в центре Москвы, а заброшенный госпиталь из фильма ужасов.

К счастью, ни один зомби не покусился на нее по пути, поэтому уже через минуту Айя толкнула перед собой дверь неврологического отделения. Оно было похоже на травматологию, как брат-близнец, но с одним исключением: Айя сразу увидела плакат. Огромная стенгазета с коричневыми пятнами, которые издали напоминали засохшую кровь.

Айя облизала губы и сглотнула, до того жутко ей стало. И даже не от дурацких рисунков, а от понимания: что ее сон сбывается, не прошло и пяти минут после того, как она вылезла из кровати. Но сказал «Спартак» – говори «чемпион». И сбросив оцепенение, как несколько мгновений назад одеяло, Айя подошла ближе.

Рядом с плакатом была дверь в ординаторскую. Девушка прикрыла глаза, глубоко вздохнула. Отчаянно захотелось проснуться. Зажмурилась изо всех сил – нет. Не помогло. Плакат, табличка... И, черт бы их побрал, тихие мужские голоса.

Она обреченно прислонилась лбом к прохладной двери и услышала то, что должна была услышать.

– И как ты себе это представляешь?

– Не мое дело...

Слово в слово. То есть она знала, что бывают вещие сны. Вроде даже в Библии про это вагон всего написано. Но чтобы слово в слово?! Нет, этого просто не может быть...

Айя не стала кричать и не полезла разбираться с Валерой. Нет, как только до нее донесся звук шагов, она рванула к лестнице с такой скоростью, что будь рядом хоть кто-то из олимпийского комитета, ее бы мгновенно завесили медалями. Сердце колошматило по ушам, в глазах заплескались черные мошки.

Это уже чересчур! Какого лешего все посыпалось на нее именно сейчас?! Ведь только-только наладила бизнес, жила себе, никого не трогала! Нет, надо было какому-то маньяку убить ее клиенток! И чем дальше – тем хуже. Следак, плечо... Теперь еще Валера. И что? Лежать и ждать пока его дружок придет и вколет ей такую заразу, от которой она резко станет невменяемой? И коротать потом преспокойно старость в занюханной психушке? Нет, детдома ей хватило за глаза. Выходит, опять бежать?

Айя прислонилась к стене на лестничном пролете. Позволила себе несколько секунд тишины. Да, ей тоже иногда хотелось махнуть на все рукой и плыть по течению. Кому же не хочется? Но если бы она сдалась хоть на йоту, хоть на крошечную грамулечку, мгновенно оказалась бы там же, где и десятки ее собратьев по приюту. А выбор был невелик: трасса, теплотрасса или тюрьма. Нет, такой участи Айя себе точно не желала. Значит, барахтаться до тех пор, пока дерьмо вокруг нее не превратится в масло, и она не выберется наружу.

Хлопнув себя для бодрости по щеке левой рукой, она вернулась в палату.

– Прости, Цапелка, – шепнула она в спину соседки и залезла в ящик ее тумбочки.

Хотела взять телефон, но вовремя сообразила: так только легче будет ее найти. Кто знает, что за навороченный GPS там стоит... Зато свистнула из кошелька несколько бирюзовых купюр. Ничего, если уж кошелек весь из себя итальянский, пропажа Цапле погоду не сделает.

Модель завозила в сне, и Айя резко присела. Убедилась, что снова тихо, стрелой метнулась в туалет. Там при свете изучила содержимое кошелька. Так. Транспортная карта. Карта фитнес-клуба, там можно помыться и погреться. Да, пожалуй, хватит. Все остальное – барахло.

Вернула кошелек на место, наугад выхватила из тумбы пару тряпок и пошла в душ. Переделалась, чтобы не так мерзнуть на улице. Есть ведь разница: спортивные штаны Armani или ночнушка, через которую видно больше, чем без нее?

Потом была сестринская. Халат, перекинутый через спинку стула. И, наконец, последний рывок до гардероба на первом этаже. Трудность была лишь в одном: повязка могла насторожить охрану. Но Айя и тут выкрутилась: повесила на плечо сорочку, будто нужно было ее куда-то отнести.

– Что, поспать не дают? – окликнул ее сочувственный голос.

Охранник лет шестидесяти сидел за стойкой, и весь его вид говорил о том, что он сам изо всех сил пытается не заснуть.

– Да вот... Привезли вчера одну буйную. С миалгией, – Айя ляпнула первое, что всплыло из памяти по медицинским фильмам.

– Ужас... – протянул охранник, старательно изображая, что и сам порядком подустал от случаев

буйной миалгии. – И что, сильно там?..

– Да кошмар какой-то! Пролапс, все дела... – Айя поджала губы и покачала головой. – А вы новенький? Что-то я первый раз вас тут вижу.

– Да нет, второй год...

– Вот, какая работа пошла! – пожаловалась она. – Крутимся, как белки в колесе... В одном здании который год – и толком не поговорить... Ладно, извините... Как вас?

– Михаил, – осклабился тот.

– А я Полина, – она кокетливо потупила глазки. – Так где, говорите, вещи из тридцать четвертой палаты?

– Вон же!

– Ах да... Совсем замоталась...

– Да что вы мучаетесь? Давайте помогу, – он подскочил к ней, и Айя поняла, что с любезностями перестаралась. – И тряпку эту таскаете...

– Не надо! – отпрянула она. – Я... Мне она нужна. Я сама.

– Сказали бы сразу... – охранник заметно обиделся.

– Ну... Вы же понимаете: стерильность. Мне потом заново менять форму, а я только взяла чистый халат. Столько крови было! – она закатила глаза.

– Да... Да, конечно... – он отступил, и Айя, повернувшись к нему спиной, чтобы он не видел, как дрожат пальцы, взяла пакет и направилась к выходу.

– Стойте, вы куда?

– Я это... Покурю только.

– А стерильность?

– А вы не слышали, что табачный дым убивает микробов?

– Да? – он прищурился. – Погодите, я с вами...

– Конечно, я... На улице подожду...

От свободы ее отделяли какие-то жалкие несколько шагов. И она не удержалась от искушения преодолеть их побыстрее. В этом был ее тактический просчет. Охранник встрепенулся разбуженной спящей красавицей и ломанулся следом.

Черт, Айя! Что с тобой?! Никогда в жизни она не попадалась на вранье, ложь была ее талантом, суперспособностью, профессиональным навыком. А тут посыпалось... Мялась, как школьница, которая впервые сочиняет, как соседская собака жевала домашку по математике. Откуда волнение? Откуда страх и глупые промахи?

Если бы единственная рабочая рука не была занята увесистым мешком с одеждой и обувью, Айя непременно врезала бы самой себе. Но она неслась, летела так, что горло обжигало морозным воздухом, а уши закладывало. Штаны Цапли сползали, тапки скользили, вязли в снегу и норовили соскочить...

– Стоять! – доносилось откуда-то издалека.

Охранник бегал плохо, зато оказался не дурак и вызвал коллегу из пропускной будки. Тот выполз в предрассветную темень, встал у выезда, по-идиотски вытянув руки, словно собираясь поймать ее в балетном прыжке.

На ходу Айя гипнотизировала красно-белую палку шлагбаума. Она подпрыгивала перед глазами в такт шагам. Сверху или снизу? Сверху или снизу? Для прыжка бы пригодилась опорная рука, но жертвовать теплой курткой Айя не собиралась. Пригнулась, проскочила снизу, поскользнулась и проехала на заднице, потеряла тапок... И снова припустила бегом, прихрамывая на босую ногу.

Пустые трамвайные пути, черный парковый забор. Она совершенно не ориентировалась в этом районе, просто ритмично переставляла ноги. Остановилась лишь в пустом дворе, когда сердце уже по-боксерски отбивало ребра. Голую ступню она не чувствовала от холода, та уже покрылась грязью

и царапинами, плечо ныло, но главное – Айя снова оказалась в безопасности.

Ей изрядно трянуло нервы в последние дни. Но страшнее всего было не от встречи с темной изнанкой Валеры. Айю до чертиков пугала она сама. Ее дар. Или болезнь? И без того уйма времени ушла на то, чтобы привыкнуть к фокусу со свечками. Да, крипота, достойная Стивена Кинга. Но тут она могла сама решать, нырять в чужую грязь или плавать пока в своей. А теперь? Видения, вещие сны... Что дальше? Она начнет лечить людей взглядом и предсказывать будущее по щелчку пальцев? А потом, когда следак или Валера, – неважно, кто, – найдет ее, на могиле ясновидицы Крюковой станут собираться толпы, чтобы зарядить воду от фотографии?

Айя влезла в теплые сапоги, застегнула куртку и отряхнулась. Нет, не сейчас. Уличная философия – опасная штука. Только остановишься, заглянешь в небо, подумаешь о вечном, и вот уже ты запиваешь великую идею этилом и подстилаешь себе картонку. А там не успеешь оглянуться, как у тебя борода, три зуба и рой насекомых в качестве питомцев. Нет-нет. Сначала – ночлег, еда и безопасность.

Трамвайные пути должны были ее куда-то вывести, таков был план. Ведь не могли же они, в конце концов, начинаться из ниоткуда и уходить в ад. Айя шагала, надвинув шапку на нос, и размышляла, как быть дальше. Связываться со впиской желание исчезло так же стремительно, как нелегалы во время полицейского рейда. Ей вообще казалось, что не осталось ни одного человека, у которого бы не покоилось под дачной грядкой пары трупов. И то, что сейчас ей не подалось ни одного прохожего, только радовало. Она боялась снова смотреть людям в глаза.

По этой же причине пришлось отместить вариант ночевки на чердаках. Красивое место, романтическое. В центре, в старых домах, под самой крышей было сухо и тепло, и Айя смогла бы по памяти перечислить около десятка свободных гнездышек. Но похолодало, бомжи поднялись туда. А оказаться снова среди чужих... И в хостелах навалом всякого сброда...

За спиной бодро звякнул трамвай, и Айя ускорила, чтобы его догнать. Одно касание транспортной карты, – спасибо, Цапля! – и она практически в лимузине. Запотевшие стекла напоминают о тонировке, длинный салон – только для нее одной, и батарея жарко греет задницу.

Расслабившись окончательно, Айя откинулась на спинку. Она могла бы поехать к Лексу, к бывшему. И он не выгнал бы ее. Но новая девушка помноженная на половой темперамент карманника... Нет. Это чересчур. Оставался только один человек – Мишаня. Да, пока он держался за свою взбалмошную хозяйку, но Айя твердо намеревалась покончить с этим прямо сегодня. Она поскандалит с теткой всласть, благо как раз хотелось выплеснуть куда-нибудь пару кило обиды и ярости, потом Миша соберет вещи, возьмет Джека, и они поедут искать новое жилье. Денег от целительства осталось немного, но этого должно хватить на комнатку, пусть даже в Подмосковье. Возможно, придется усилить флирт... Подналечь на парня, обстряпать отношения... Он был бы счастлив и покладист. Милый пухлый очкарик. Не худший вариант! А ей сейчас так не доставало тепла!

На остановке Айя выскочила из трамвая, полная решимости. К черту следака. К черту Валеру. Пора начинать новую жизнь.

7. Рвение наказуемо

Рабочее утро встретило Олега распечаткой телефонных звонков. Целая кипа: разговоры трех жертв и целительницы Амалии. Предстоял муторный марафон, и Горовой вооружился цветными маркерами и полулитровой кружкой крепкого кофе.

Он знал, конечно, что современная молодежь не расстается с телефонами. Что греха таить, и сам установил себе несколько занятных приложений. Но Михеева своим количеством звонков уделала бы целый студенческий поток. Олег только удивлялся, когда у нее оставалось время на еду и сон. Да-да! Словоохотливая бабулька звонила даже по ночам.

Среди тонны городских номеров майор выделил несколько мобильных. Выписал каждый на отдельный листочек, чтобы проще было искать нужные комбинации цифр в других файлах. Потом двинулся с маркером по спискам целительницы. Ее собственный номер был корпоративным, девчонка снова показала навыки изворотливости. Выяснить через ООО «Промстройинвестфинанс и копыта» имя владельца было невозможно. Классика.

Ничего, и не таких раскалывали. Главное – Олег получил список звонков Амалии. Ясно, что это был псевдоним для пафоса, но поскольку имя оставалось загадкой, Олег про себя продолжал называть девчонку Амалией.

– Можно? – после короткого стука в кабинет заглянул Савчук. – Я по поводу вчерашней поездки в поликлинику.

– А Климов где? – майор предпочел бы иметь дело с кем-то постарше и посообразительнее.

– Колики у него. Желчные... Или желудочные... В общем, говорит, скорую вызывали... Представляете, а его жена говорит, что...

– Избавь меня от сплетен, Савчук. Что удалось выяснить?

– Начну с главного: физиотерапевт Алиев пропал.

– В смысле?

– Он уже два дня не появлялся на работе. Сообщил, что берет больничный... Забавно, да?

– Что тебе забавно? – Олег старался совмещать два дела: слушать лейтенанта и выискивать знакомые номера, но путь в цезари был ему заказан: Савчук сбил, и Горовой взял не тот цвет. – Вот зараза...

– А что это вы делаете? – опер вытянул шею и, не дождавшись приглашения, обошел вокруг майорского стола и заглянул Олегу через плечо. – Это что, детализации звонков?

– Да, лейтенант очевидность. Они самые.

– А почему в распечатке? Почему не прогоните их через программу?

– Мне так удобно. И глаза не болят...

– Олег Василич... Ну это же в сто раз дольше! Давайте, покажу. Где у вас файл?

Горовой молча щелкнул мышкой и отодвинулся от стола. Препираться охоты не было, да и проще дать дитю игрушку, чем рассказывать, почему нельзя.

– Отлично, – воодушевился Савчук. – Смотрите. Сейчас мы это переведем в эксель... Так, какие номера ищем?

– Нужны совпадения вот по этим, – Олег указал на свои бумажки.

– Ну вот, сейчас... Так, смотрите... Здесь был звонок девятнадцатого в два часа дня, потом двадцатого...

– А сделай-ка мне отдельным файлом, – Олег прищурился. – Вот так. И распечатай.

– Так все же и здесь...

– Распечатай, – Горовой встал, чтобы подхватить из принтера новые бумажки.

Похвалить бы Савчука... Но он с такой готовностью ждал признания, что было тошно смотреть.

– Так что в поликлинике? – Олег задумчиво разглядывал ровные столбики цифр.

- Я же говорю: Алиев на больничном! - Савчук вернулся на стул и возбужденно округлил глаза. - Все же очевидно!

- Просвети, будь добр.

- Смотрите, - нетерпеливо поерзал опер. - Жертва номер три, Михеева, писала на него заявление в Минздрав. Жертва номер два, Лапшина, ходила к главному врачу. А самая продвинутая, Соболева, угрожала обратиться в приемную президента. Этот скандал не слышал только ленивый.

- И чем, интересно, Алиев такое заслужил?

- В том-то и дело. Медперсонал про него ничего плохого не говорит. А пенсионерки, - все, кого удалось допросить, - хором его ругают. Якобы он пытался мухлевать с аппаратурой, включал старую, хотя в кабинете стояли новые приборы. Намекал на дополнительную плату, хамил, своих пропускал без очереди... Помните, вы спрашивали, где там самое горячее место? Говорю вам на двести процентов: физиотерапия. Дело в том, что записи электронной на сеансы нет. Выдается направление - и все. Без времени. И выписывает процедуры сам Алиев. Может назначить пять сеансов прогревания, когда нужно пятнадцать.

Горовой задумался. Ясно, что половину проблем высосали из пальца пациенты. Когда заняться нечем, нужно же придумать себе развлечение. Тем более, очереди почти исчезли, а потребность драться на зубных протезах осталась. Неизвестно, был ли Алиев виноват сам или просто пал жертвой главного старушачьего инстинкта, но его больничный и правда выглядел подозрительно.

- Теперь - самое главное! - торжественно сообщил лейтенант. - Видеозаписи. Я чуть позже скину вам, файлы у меня в телефоне...

- Что за записи?

- Камеры в поликлинике. В день, когда убили вторую жертву, Алиев пришел на работу ровно в шесть пятнадцать! Хотя прием у него только с восьми! - Савчук сиял и ждал овец.

- И?

- Это тянет на косвенное доказательство, Олег Василич! Сами посудите, зачем ему приходиться за два часа до работы? Он как раз мог убить по дороге...

- Ага, и тут же засветиться в поликлинике, которая напичкана камерами! - Горовой скептически хмыкнул. - А номер телефона вы его выяснили?

- Да, как вы просили. Весь список из отдела кадров, - Савчук пододвинул к майору папку. - С утра у вас на столе.

Олег пролистал бумаги, пока не наткнулся на нужную ксерокопию. Алиев, слава алфавиту, был первым. Но ни в одной детализации этот номер не значился. Так был ли он тем, кто выводил людей на целительницу? В этом Горовой сомневался. Потому что ни один человек не воспользуется советом того, на кого сам же регулярно строчит жалобы.

Пока версии получалось две: или убийства связаны с Алиевым, или с Амалией. Конечно, версия с физиотерапевтом была гладкая, как очищенное яйцо. Но и пахла так же. Потому что какой идиот станет убивать жертв в ста метрах от своего рабочего места? И если уж он врач, пусть даже самый бесполезный, то в морге бывал. И обязан знать, что травма от удара отличается от травмы при падении. Чтобы так пробить голову о лежащий на дороге кирпич, надо было старушку в него как минимум кинуть. Да что уж там: хорошенько эдак швырнуть. А жертвы отличались внушительными весовыми характеристиками. Значит, убийца либо рассчитывал на некомпетентность и пофигизм районной полиции, - и не сказать ведь, что так уж безосновательно, - либо понятия не имел, что расколотый череп расколотому черепу рознь.

Но Савчук возбудился, как лось во время гона, и уже чувствовал скорое закрытие дела.

- Зря вы возитесь с этой колдуньей, - беспардонно бросил он Олегу.

- Она целительница.

- Какая разница? Ей никакого смысла убивать не было. Она там фигура известная, те, кто старше шестидесяти, про нее наслышаны. Мы поспрашивали: я говорил с населением, Жора с персоналом. Персонал хором говорит, что не знает о такой, пациенты - хвалят. Кто запустил сарафанное радио, неизвестно, но вряд ли была какая-то сложная схема...

- Как хорошо ты рассуждаешь, Савчук, - прищурился Горовой.

- Правда? - лейтенант улыбнулся до того бесхитростно, что Олегу на минутку стало его жаль.

Парень так и не научился распознавать сарказм.

К счастью, приступ жалости прошел, стоило Савчуку самодовольно раскинуться в кресле.

- Нет, - отрезал Олег. - Мне нужен отчет, а не твои домыслы.

Савчук смотрел на майора обиженно и молчал.

- Ладно. Сходи к Алиеву, расспроси, выясни, было ли у него алиби и действительно ли он на больничном. И вызови на допрос ко мне. Ах, да... И вот еще. Ты не знаешь, как взломать пароль на телефоне? Или подобрать...

- А вам зачем?

- Целительница обронила...

- Обронила? - Савчук снова заулыбался, как подросток, впервые увидевший женскую грудь. - Нарушаем, гражданин следователь?

Олег не знал, чем ответить на эту махровую фамильярность. У парня начисто отсутствовал инстинкт самосохранения, и это обезоруживало. Майор привык ставить людей на место, но это опер был слабоумен настолько, что ему все хотелось простить. Ну, как юродивому у храма... Хотя нет, эти Горового тоже раздражали.

- Забудь, - просто ответил он. - Попрошу кого-то другого.

- Да нет же, я шучу! - тут же спохватился Савчук. - Поговорю, никаких проблем! У меня ребята есть хорошие... А что именно нужно?

- Просто включить и снять блокировку. Дальше я сам.

- Зацепила она вас, а, Олег Василич? - опер игриво подмигнул.

- Просто. Убери. Пароль. - Горовой даже привстал и готов был изрыгать пламя, оправдывая рабочую кличку «Горыныч».

Хорошо, что хоть этот сигнал Савчук считал и моментально растворился в коридоре.

А Олег пару раз досчитал до десяти и вернулся к работе. Он не хотел упускать версию с целительницей. Нет, вовсе не потому, что хотел ее поймать и вытрясти из наглой девчонки правду. И не потому, что мечтал отомстить за историю с изнасилованием. Просто она задолжала ему пару разъяснений.

Нет, и как ей только в голову пришло?! Глупость какая! Даже подумать, что он ее... Амалия была явно не в себе. Он ведь не из тех, кто, перевалив за тридцать, пялится на малолеток. Да и на что там смотреть? Мелкая, худенькая, не за что подержаться. А поговорить? О чем с ней разговаривать? Единственная книга, которую она прочла в своей жизни, была из разряда «Колобка» или «Тараканища».

Олег не увлекался пустыми перепихонами. Брезговал. Во-первых, достаточно повидал по долгу службы проституток, в том числе и мертвых, читал отчеты о вскрытии и знал, какие заповедники хламидий они взращивают в своих потасканных телах. Во-вторых, не питал иллюзий относительно своей персоны. Грубый, нелюдимый, сутулый... Вряд ли он бы стал объектом чьей-то внезапной страсти. Разве что, страсти к деньгам и к московской прописке. А если так, то разовые встречи ничем бы не отличались от древнейших услуг.

Пару лет назад он встречался с одной. Марина. Приличная женщина, адвокат. Учились вместе в юридической академии, дружили. Потом не виделись несколько лет, и за это время она обзавелась мужем и дочкой. И незадолго до встречи выпускников подала на развод.

В ней было хорошо все: фигура, что называется, в самом соку, интеллект. Говорили на одном языке, она не шарахалась в ужасе, когда он рассказывал про рабочие дела. Но глупая бабская вера в семью все испортила. Виделись по выходным на его территории, иногда выбирались куда-нибудь. Пока Марина не воткнула в него ультиматум предательским клинком: или живем вместе, или расходимся. Я, мол, не хочу тратить время на бесполезные отношения. Какие же они бесполезные, если всем хорошо? Зачем все портить?.. Но с террористами в переговоры вступать нельзя, поэтому Олег отрубил прошлое, как будто ничего и не было. И, если уж начистоту, даже дышать стало свободнее.

С тех пор он жил так, чтобы ни одна женщина не сумела нарушить его распорядок. Пока не появилась Амалия. Две встречи, которые в общей сложности потянули бы часа на полтора. Жалкие две встречи - и у него уже проблем полный багажник.

Что ж, ненадолго. Савчук, надо отдать ему должное, сумел-таки быстро найти совпадения в телефонных номерах. Нашелся джекпот, та заветная комбинация цифр, которая объединяла целительницу и трех жертв. Один единственный номер, по которому звонили все. И не просто так, по ошибке. Здесь – две минуты разговора, тут – пятьдесят секунд, тоже немало. И явно не абонентская служба, а обычный частный мобильник. Кажется, сообщник был не так хитер, как Амалия.

Мобильный оператор ответил на запрос быстро: симка, купленная на имя Фельдмана Михаила Борисовича девяносто пятого года рождения. Ровесник целительницы. Может, одноклассник? Земляк?.. Так... Место рождения – Рыбинск, Ярославская область. Но код именно московский. А что, вдруг это тот самый убийца? Мужчина, товарищ Амалии, знал всех жертв. Чем не идеальная кандидатура?

У Олега были паспортные данные, а это уже очень много. С местонахождением сложнее, все равно сообщают только по локации последнего звонка. Это даже не GPS, всего лишь ближайшая базовая станция...

Олег взялся за городской телефон и бодро заклацал кнопками.

– Горовой. Чуканов или Дронов есть на месте? Да, подожду... Толь, это Горовой. Пробей мне данные... Все, что есть. Штрафы, транспортные средства, брак, регистрация... Все, что выяснишь.

Проще всего было, конечно, позвонить Фельдману Михаилу Борисовичу, рискуя его моментально спугнуть. Целительница должна была предупредить подельника, и он мог выбросить сим-карту при первом тревожном сигнале. Удача, что он не сделал этого до сих пор. И с ним не пройдет даже история с выигрышем в лотерее или бесплатными пластиковыми окнами. Если человек сам мошенник, то подобную ерунду раскусит моментально... Нет, действовать надо осторожнее... Кто знает, может, Амалия скрывается у Фельдмана... Да, это определенно был бы джекпот.

Телефон пискнул новым письмом: весточка из лаборатории. По поводу тех самых флакончиков, найденных в квартире третьей жертвы. Результатов пришлось бы ждать на бумаге, к счастью эксперты все-таки выслали Олегу предварительные выводы, как он просил. Горовой кликнул на вложенный файл. Да, именно так он и думал. Нашлось двойное дно в шляпе фокусника. Нимесулид и фолиевая кислота.

Он полез в трофеи Савчука, спасибо, поликлиника предоставила карты жертв. Ортопед назначал жертвам метотрексат. Стало быть, нимесулид – находка целительницы. Нашла в интернете? Или давала его всем подряд? И если есть таблетка, от которой сразу наступает улучшение, то почему ее не прописал врач? Или он просто не умеет пользоваться Гуглом?..

Вот же, написано: нестероидное противовоспалительное... Пятьдесят рублей... Неужели такая простая штука вылечила то, от чего старушки мучались без малого сто лет, пробиваясь через адаво пекло к физиотерапевту и заваривая невообразимые травы?

Олег покопался в контактах и нашел врача, у которого консультировался по делу травителя из Битцы.

– Юрий Владимирович, это следователь Горовой. Удобно говорить?

– Да, слушаю, – отозвался прокуренным голосом пожилой медик.

– Меня интересует эффект от нимесулида при артрите.

– Эффект элементарный – анельгетический. Неплохой выбор по сравнению с тем же ибупрофеном или кетопрофеном, но пользы никакой.

– То есть?

– Если бы артрит можно было вылечить таблеткой, то все бы давно выздоровели, – врач усмехнулся, буквально озвучив мысли Олега. – Можно приостановить развитие болезни. Облегчить симптомы. Вы же не лечите больные зубы анальгином!

Разговор оставил Горового в смешанных чувствах. С одной стороны, он подозревал, что во флакончиках не только чудодейственные листочки. С другой, все, кого успел допросить Савчук, в один голос нахваливали целительницу и хвастались улучшением. Но как такое могло быть? Настолько большая доза обезболивающего или настолько мощная сила внушения?

Признаться, Олег и сам после встречи с Амалией чувствовал себя мутно. Нет, дело было не в гипнозе. Просто она притягивала к себе внимание, концентрировала на себе все чувства разом: зрение, слух, обоняние... И эти ее прикосновения... Какие-то цыганские техники?

Олег составил запросы в налоговую, департамент образования Москвы и Ярославской области, пенсионный фонд, чтобы как можно больше выяснить насчет этого Фельдмана. Возможно, место работы или учебы приведет его к Амалии... Хотя кому она теперь нужна? Если потенциальный подозреваемый почти найден?

Можно было бы, конечно, дождаться результатов... Но в каждом маленьком кабинете сидит человек, которому суета ни на какое место не упала. Ответит он без судебного постановления? Станет шевелиться и отрываться от пасьянса? Или сделает одолжение через месяц-другой?

У Горового была и другая идея. В конце концов, если жертвы звонили поделнику Амалии, значит, он тоже с ними работал. Вопрос только – как именно. Олег взял бумажку с номером телефона и направился в столовую. Только там можно было найти женщину пенсионного возраста.

– Алла Федоровна, можно попросить об одолжении? – он с максимальным усердием вылепил на своей небритой роже подобие любезности.

– Олег Васильевич... – процедила та, окатив его вселенским презрением поверх очков.

Не забыла, старая, как он в последний раз поймал ее на недостатке и потребовал положить порцию грамм в грамм.

– Это для дела.

– Что, больше в здании не осталось оперативников? – она задрала подбородок, тряхнув дряблой шеей.

Наверняка сейчас торжествует. Еще бы: когда выдастся такая роскошная возможность поквитаться! Олег стиснул зубы, не выпуская сарказм на волю. В любой другой день он бы нашел, как поставить ее на место. Но ничего, сегодня пусть позлорадствует. Пока.

– Позвоните по этому номеру, пожалуйста. Этот человек – подозреваемый. И он оказывает услуги женщинам... – он замялся, выбирая наименее обидный эпитет, и с непривычки это было дико трудно. – Пенсионного возраста.

– И что нужно от меня? – она перекинула полотенце через плечо, будто замахаясь кнутом.

– Представьтесь. Скажите, что ходите в сто шестьдесят шестую поликлинику, – терпеливо разжевывал Олег. – Мол, вам его хвалили. Договоритесь о встрече. Только он не должен заподозрить...

– Дальше я сама. Давайте свой гладжет.

– Он га... Неважно. Вот, я уже нажал. Только не спугните...

Но она уже мотнула головой и предупредительно подняла руку.

– Алло, молодой человек? – в этом голосе Олег бы ни за что не узнал буфетчицу: она журчала, как канарейка, даже изменилась в лице, превратившись в бабульку, которая все свободные вечера проводит в концертных залах и музеях. Того и гляди достанет из-под полы лисью горжетку и шляпку с вуалью. – Да... Меня зовут Алла Федоровна, мне вас порекомендовали... Дело в том, что я наблюдаюсь в поликлинике сто шестьдесят шесть, и... Да-да, именно. Правда?.. Нет, цена совершенно не беспокоит. Видите ли, экономить на здоровье...

Горовой наблюдал за этим цирком, не находя слов. Что ж это получается: вранье у всех женщин в крови? Кому-то вообще можно доверять в этом мире, если в эпицентре легитимности, в следственном комитете РФ, буфетчица успешно скрывает вторую личность?!

– Скажите, а можно встретиться? Хотелось бы приступить как можно раньше... Завтра? У меня? – она выразительно посмотрела на Олега. – Конечно-конечно, вы готовы записывать?

Олег лихорадочно похлопал себя по карманам, выхватил ручку и записал на бумажке первый адрес, который пришел в голову: проезжал, когда мотался на обыск у Михеевой.

– Улица Бехтерева, дом пять, – продиктовала Алла Федоровна. – Первый подъезд, пятнадцатая квартира...

Она импровизировала, и Горовой вынужден был признать: неплохо. Сколько бы этажей ни было в этом доме, там наверняка есть первый подъезд и пятнадцатая квартира. Меньше просто не бывает. Пусть парень только приедет – там его уже будут ждать.

– Хорошо, благодарю вас... Замечательно. Буду ждать.

Буфетчица вернула телефон Олегу, едва не сопроводив это торжествующим «Выкуси!»

- В два часа, - сообщила она вслух, поджав губы. - Он - массажист. Между прочим, очень воспитанный парень.

- О, не сомневаюсь, - кивнул Горовой. - Возможно, он от излишней воспитанности убил трех пожилых женщин кирпичом. Спасибо, Алла Федоровна, это было гениально.

Пообещав себе сменить столовую, Олег поспешил выйти. Конечно, его гипотеза насчет Фельдмана была пока только гипотезой. Более того, теперь он сильно сомневался в его причастности. Массажист, воспитанный... Ему, как и Амалии, нет смысла косить клиентуру. И все-таки майор не удержался от искушения поддеть буфетчицу, уж слишком нагло она демонстрировала свое превосходство. Пусть теперь думает, что разговаривала с кем-то вроде Балашихинского потрошителя.

Впрочем, веселиться Олегу долго не пришлось. Из размышлений его вывел звонок. И кого же, интересно? Ну, разумеется. Савчука.

- Олег Василич! - горячо затарахтел он в трубку. - Алиев пропал! Квартиру никто не открывает. Соседи говорят, что не видели его... Он сбежал! Он может быть на пути куда-то... Я не знаю. В Махачкалу. В страну, откуда нет экстрадиции! Надо объявлять в розыск... Или взламывать... Сделайте запрос, оформите постановление...

- Савчук, охолопись! - перебил его Олег. - Твои видеозаписи - недостаточное основание для розыска. Да и человек мог просто выйти за хлебом. Постой, подожди. Может, объявится. Попроси соседей... Особенно с первого этажа. Узнай, была ли у него машина...

- Но Олег Василич! Мы же теряем время!..

- Ты меня слышал?

- Да, - с неохотой отозвался лейтенант.

- Значит, ты знаешь, что делать.

Горовой отключился. Всю жизнь он думал, что нет на свете ничего хуже идиотов. Но то, что произошло спустя пятнадцать минут после звонка Савчука, заставило его понять: хуже обычных идиотов могут быть только идиоты упертые. Потому что не успел Олег устроиться за рабочим столом с очередной кружкой кофе, телефон затрезвонил снова. И не просто затрезвонил, еще и замигал зловещей надписью «Калинин». Полковник буйствовал и немедленно требовал Горowego к себе.

- Закрой за собой дверь, - с тихой угрозой потребовал Калинин.

Он мерил шагами кабинет, его лысая макушка поблескивала от пота и напряжения, усы с проседью воинственно топорщились.

- Ты слышал, что в «Криминальных вестях» уже подготовили сюжет про Каширского Раскольникова? - полковник остановился и облокотился обеими руками на стол, будто там была карта грядущего сражения. - А я тут выясняю, что ты копаешь под какую-то мелкую аферистку, вместо того, чтобы бросить все силы на настоящего подозреваемого. Но ты хоть представляешь, чего мне стоит отбиваться от начальства и прессы?

Савчук. Это он полез к полковнику через голову Олега... Наябедничал, как молокосос.

- Догадываюсь, - Олег стиснул зубы.

- Догадываешься, Горовой?! - взорвался Калинин. - Чем ты, мать твою, занимаешься?!

- Дело в том, что та целительница...

- Я уже слышал этот бред! Который к реальности не имеет никакого отношения! - на лбу полковника вздулась вена. Плохой знак. - Ты будешь играть в бирюльки с малолетками или вести дело?! Хочешь, я отдам Раскольникова Ланышеву или Лаврову?

- Нет.

- Тогда возьми себя за задницу и занимайся своей работой. У тебя есть подозреваемый! Есть видео, есть мотив. Так вот возьми его и раскрути до конца! Сделай все, что надо. Поставь его на контроль: вокзалы, аэропорты... Если он сейчас уйдет, нас смешают с дерьмом.

- Но нет никаких...

- Это приказ, Горовой. Ты знаешь, кого надо брать, и чтобы я больше не слышал про эту несчастную колдунью! Пусть кто-то другой ведет ее по сто пятьдесят девятой. А у тебя три трупа, и больше слышать ничего не хочу. Это понятно?

- Вполне.

Вполне. Понятно, что справиться с идиотом-лейтенантом еще как-то можно. А вот с полковником...

Олег вышел из кабинета начальства в таком состоянии, что подкинь ему сейчас кто-нибудь старушку и кирпич, он бы не растерялся. Но вместо этого его ждали бумаги. Тонны бумаг.

8. Внимание, на арене...

Айя решила брать вершину под названием «Миша» с типичным для себя нахрапом. Она подготовилась основательно: бесплатно подкрасилась пробниками в косметическом магазине, купила горячих пончиков с сахарной пудрой, которые вызывали в нем ту же сладостную дрожь, что и в других парнях – танец обнаженной женщины. Конечно, Миша был давно и безответно влюблен в Айю, но она не стала бы спорить на большие деньги, что бы он выбрал между ней и пончиками.

Чем дольше она думала, тем сильнее убеждалась: Мише нужен волшебный пендель. Сам он слишком амебный, чтобы действовать. Привык к этой комнате, обжился, радуется, что не надо далеко ходить за деньгами. И даже смирился с барскими замашками этой мерзкой тетки, квартирной хозяйки... Что ж, для него это не проблема, а для Айи компромисса бы не нашлось. Поэтому она не видела иного выхода, кроме как заставить каргу выставить Мишу со всем его немногочисленным барахлом.

Айя возвестила о своем приходе автоматной очередью звонков. Могла бы еще постучать ногой в дверь, но не стала. Рассчитывала, что злыдня выскочит на лестничную клетку, ополоумев от возмущения, а там Айя ей с три короба нахамит, и уже через полчаса будет искать новое жилье вместе с Мишей. В бесплатной газете, к примеру, были неплохие варианты в Мытищах.

Однако спектакль не возымел нужного успеха. Вместо хозяйки из квартиры выглянул Миша с круглыми от испуга глазами.

– Ты что творишь! – зашипел он. – Почему так рано?!

– Решила порадовать тебя сюрпризом, – она помахала перед его носом промасленным бумажным пакетом. – Так что,пустишь старушку или мне тут помирать, как собаке?

Миша сердито поджал губы, с опаской оглянулся назад, будто там стояла его хозяйка с топором, и отступил внутрь.

– Только тихо! Мне не нужны проблемы! – предупредил он. – Еще повезло, что у нее там сериал...

Действительно, из закрытой комнаты на максимальной громкости слышались голоса Луиса Альберто и доньи Анхелики. Айя разочарованно фыркнула: уж больно ей хотелось скандала... Остались только пончики и женское обаяние.

– Фу, ты носки вообще стираешь... – поморщилась она, едва войдя в Мишину спальню. – Как мой Джеки?

– Нормально. Ест и спит, – Миша клубным вышибалой встал у двери.

– Значит, скучает без мамочки, – Айя распахнула форточку. – Да ты расслабься! За мной не гонится конвой с мигалками. Садись, покушай.

Он недоверчиво взглянул на нее, взял пакет и сел на край кровати. Все его движения были скованными и напряженными, и Айя никак не могла понять, почему.

– У меня идея, – она плюхнулась рядом и поплотнее прижалась к нему. – Тех денег, что я тебе тогда оставила, должно хватить на комнату. Задаток за два месяца. Снимем что-нибудь... Может, подальше отсюда, какая разница? Сменим район, делов-то. Как будто в Мытищах люди не болеют.

– Слу-у-ушай... – затянул он привычную песню.

– Да подожди ты! – она кокетливо прижала палец к его губам. – Сам подумай! Будем жить вместе, расходы пополам. Нормальная хата, у Джеки большая клетка... А там кто знает... Что из этого может выйти...

– Айка, перестань!

– А что «перестань»? Может, мне нравятся мужчины в теле... – ее палец продолжил путешествие по Мишиному телу: шея, плечо, грудь... А там уже двумя пальчиками, как маленькими ножками, ниже и ниже...

– Хватит! – он вскочил, как будто это была гремучая змея, а не девичья ручка. – Нам надо поговорить.

– Вот! И не жалуйся потом, что ты до сих пор девственник.

– Я не... – пухлые щеки вспыхнули стоп-сигналами.

- Ты зубы чистил сегодня? - Айя тоже встала и снова перешла в наступление.
- В смысле?
- Кто знает, глядишь, тебе перепала бы парочка моих фирменных поцелуев...
- Так, Айя. Нам правда надо поговорить.
- Да говори уже... Зануда... - разочарованно протянула она, плюхнулась на кровать и в отместку за стойкость вытащила из пакета самый большой пончик.
- Ирина Сергеевна запретила мне держать хорька, - выпалил Миша, и Айя резко села.
- Что?!
- У него гон или течка или как эта фигня называется... Короче, от него несет, как от потного старика.
- Так это не твои носки?..
- Нет, конечно. Я почитал в интернете: хорькам делают операцию...
- Он хонорик!!!
- Какая разница, Айя? Ему надо удалять эти железы, из которых исходит запах. Или держать там, где в радиусе сто метров нет живых людей. Потому что это бесчеловечно...
- Бесчеловечно вышвыривать зверушку на улицу! - рявкнула она. - Ты что, не мог дать ей отпор? Сейчас я сама с ней поговорю...

Айя рванулась, чтобы встать и устроить разнос этой гадине, но Миша удержал ее за плечо.

- Слушай, - сказал он умоляюще. - Пожалуйста. У меня деньги внесены еще за два месяца вперед. Я сразу заплатил, мало ли, потом будет глухо... Не подставляй меня.

- И что теперь? - Айя свирепо уставилась на него, но все же осталась сидеть.

- Надо, чтобы ты забрала Джека. Я не потяну сейчас операцию. Ни по деньгам, ни по уходу... Короче, вообще не вовремя.

- А я?

- Что ты?

- Меня ты тоже не потянешь? Ты в курсе, что мне некуда пойти? И рука?

- Слушай, Айка... Ну ты ведь и так не пропадешь, да? - он старательно отводил взгляд. - Я же не виноват, что ты спускала свои заработки на всякую ерунду. То тебе приспичило в аквапарк, то потащила ребят в ресторан... Лучше бы копила на комнату!

- Не всем же быть такими жмотами! - она вскочила. - Вот же блин... Я от кого угодно ждала. Но не от тебя... За мной носится следак, еще один... Неважно... И Джек. Его-то я куда дену?

- Я же говорил: зачем тебе зверь? А ты заладила: хочу и все! Вот и выкручивайся теперь, я-то здесь при чем?

- И все, да? Вот так? Я ему подгоняю клиентуру, пасу его, как гигантского младенца... А он мне - хрена лысого? Пинком под зад?

- Ай, я вот подумал... - он торопливо отошел к столу и зашуршал в верхнем ящике. - Ты те деньги забирай все. Снимешь что-то, выкарабкаешься...

- Ну ты и чмо! - она больно ткнула его в солнечное сплетение и выхватила деньги. - Попробуй только, попадись мне еще...

Глаза жгло, будто кто-то щедро сыпанул в них острого перца. От обиды сводило кулаки, хотелось покрушить ему всю комнату, чтобы знал... Пусть потом до пенсии выплачивает штраф за испорченное имущество. Но она посмотрела на него: он стоял испуганной кучей желе, пялился на нее, как ребенок на дядю-милиционера. И ей стало его жалко. До презрения, до отвращения жалко. Он всегда был трусливым. А трусливые подводят в самый важный момент.

Что ж, в конце концов, он прав. Она выкрутится. И еще приедет к нему однажды на «майбахе», прокатится мимо этого подъезда, потому что Миша вряд ли съедет отсюда еще лет -дцать, и плюнет

ему в лицо. И уж тогда у нее будет такой парень, который обязательно начистит эту пухлую очкастую репу.

- Пойдем, капитан Джек, - она закинула на спину рюкзак, который ее бывший друг спас от следака, схватила ручку клетки здоровой рукой. - Мы сюда больше не вернемся.

- А пончики? - зачем-то глупо спросил Миша.

- Оставь себе, - процедила она сквозь зубы не столько от злости, сколько оттого, что зверски неудобно было держать клетку, но гордость не позволяла ее поставить. - Комплимент от заведения.

Айя рассчитывала на любой исход, но только не на такой. Сама бы она прожила, и неплохо. А что делать со здоровенной клеткой? Джек любит дорогой корм для котят, такой паштет, который стоит круче, чем утиные почки или что там теперь в тренде... Найти жилье, куда пустили бы пахучего зверька, - отдельная проблема. Только где-то в далеком Подмоскowie. Но если даже выйдет снять, то не останется ни копейки на еду, телефон и остальные нужды. А целительница... Что, если следак устроит рейд по экстрасенсам? И даже без него... Проект «Амалия» занял много времени, прежде чем стал приносить деньги. Подмазать Гульнару, подыскать удобное место для приема... И теперь все с нуля?!

Таскаться пешком с клеткой в руках было нереально, и Айя присела на лавку у подъезда, чтобы продумать стратегию.

- Ну что, Джек Воробей? - уныло произнесла она. - Влипли мы с тобой?

Хонорик встал на задние ноги и принялся забавно топтаться и раскачиваться в разные стороны, будто всем телом сетовал: «Ай-яй-яй...»

Громкий детский хохот заставил вздрогнуть обоих: и пушистого зверька, и его хозяйку.

- Мама, мама, посмотри! - раздалось с парковки.

Айя подняла голову и увидела мамашу с ребенком лет четырех.

- Ой, а можно посмотреть? - заискивающе спросила женщина, потому что ее детеныш изо всех своих силенок рвался к клетке.

- Посмотрите, - Айя неопределенно дернула плечом.

Ей не особо хотелось связываться с чужими, тем более, сейчас, но детскую истерику ни она, ни Джеки бы попросту не вынесли.

- Ой, ну надо же! - мамаша с умилением склонила голову. - Он, наверное, у вас дрессированный? Поглядите, как скачет... Вы из агентства по детским праздникам, да?

Ну конечно, что еще она могла решить? Желтая куртка, зеленая шапка, красные волосы - это ж просто ходячий праздник. И Айя уже раскрыла было рот, чтобы возразить, но гениальная идея вспыхнула в голове, и план выстроился сам собой.

- Да, - кивнула она. - Капитан Джек - наша главная гордость. После него детям не нужны ни фокусники, ни клоуны.

- Я уж вижу... А дорого берете? У нас просто скоро день рождения...

- Берем как все, - Айя вздохнула и попыталась прикинуть, сколько могут брать все. - Три тысячи в час. Но расписание плотное. На месяц вперед все забито.

Судя по всему, интуиция ее не подвела: потенциальную клиентку сумма не испугала.

- А у нас в начале марта день рождения, - глаза мамаша хищно блеснули, как и у всякой женщины, которая видит что-то ужасно эксклюзивное. - Сможете?

- В начале марта... Вроде было что-то. Вы мне оставьте телефон, я доеду до офиса, наберу... Ближе к вечеру, наверное, а то сейчас еще один праздник.

Мамочка суетливо полезла в сумочку, нацарапала номер.

- Алина, - представилась она. - Только, пожалуйста, не забудьте... Вадюша в таком восторге!

Вадюша и правда пищал у клетке громче, чем Джек, когда Айя как-то ненароком наступила ему на хвост. И надо отдать должное тезке пирата: он реагировал на звуковую атаку благосклонно, хотя с детьми еще ни разу дела не имел. Получив свою порцию восхищения, хонорик вертелся и

демонстрировал чудеса природной гибкости.

- Да ты артист! - прошептала Айя, когда мамаша все-таки оттащила мальчика в сторону дома.

И пусть теперь Миша выкусит! Оказывается, все это время сокровище было у них под самым носом. «Я же говорил, не покупай...» Зануда! Пусть теперь дальше щупает своих обрюзгих бабок, а Джека ждет большое будущее.

Конечно, Айя вертелась в Москве не первый год и знала, что уличный бизнес - сложная и довольно опасная штука. Прибыльная, но полная подвохов. Поэтому целительнице и приходилось днем убираться в салоне тайского массажа, а прием вести в темное время суток безо всяких опознавательных знаков. Айя боялась не налоговой и полиции, а тех, кто держит территорию.

Рынок нищих, калек и цыган был поделен на куски, с каждого куска кормился свой босс. А желания отстегивать больше половины своего заработка чужому дяде у Айи отродясь не водилось. Иначе бы давным-давно устроилась каким-нибудь продавцом и платила, как все лошары, подоходный налог.

И все же идея с дрессированным хонориком была настолько свежей и блестящей, что отказаться от нее мог только полный осел. Бизнес-план сулил золотые горы. Сначала она подработает на улице. Сколько надо? Тысяч пятнадцать ее бы вполне устроило. Потом найти Васю из фанатов «Звездных войн», у него она паслась в июле шестнадцатого года. И, он - да пребудет с ним сила, - сделает ей сносную страничку в интернете. Детские праздники, корпоративы, вся фигня. И вуаля! Из переходов можно будет валить, дальше только выезжать по вызовам. Если брать три тысячи за праздник, а таких праздников проводить в неделю штук десять... Короче, денег получится до фига! И никому не надо отстегивать и лишний раз попадаться на глаза. Главное - продержаться на уличных выступлениях несколько дней и обойтись без крышующих. А для этого надо постоянно менять место: час здесь, час там... Глядишь, прокатит.

Для передвижного цирка как нельзя лучше сгодилось метро. Куча длинных переходов, при первой опасности - прыг! - и в поезд. Айя зашла с Джеком в эконом-магазинчик со всяким барахлом, выкопала себе из новогодних остатков блестящую пластмассовую шляпку и фломастеры. Накатала на картонке душераздирающие послание гражданам:

Люди! Будьте людьми, подайте на корм артисту цирка!

Первым пунктом в гастрольном турне был переход на Павелецкой. Длинный, теплый, наполненный приезжими, которые еще не пресытились чудесами столичной жизни. Как полагается профессиональному попрошайке, Айя поставила перед собой перевернутую шляпку, картонку, достала Джека, предварительно нацепив на него шлейку с поводком, и волшебство началось.

Капитан Воробей, правда, не до конца понял, что от него требовалось. Только вытягивал шею и нюхал своим маленьким подвижным носиком бесконечную людскую кашу.

- Ну же, дружище! - Айя поставила его на картонку. - Давай, как ты там на улице делал... Служи! В смысле... Стоять... Ну же, мальчик!

Но мальчик бездействовал. Прошло пять минут, десять, пятнадцать, а в блестящую шляпку упало только две монетки. И то каждая по рублю. А если придет крышующий? Ведь не поверит, что она стояла здесь бесплатно! Обыщет, найдет все ее деньги, и ночевать придется на вокзале. Эта мысль заставила ее припрятать купюры в лоток с песочком, который исправно служил хонорику туалетом. Кто бы что ни говорил насчет того, что деньги не пахнут, они просто никогда не доставали их из горшка. Но больше ни одно место не могло дать той же надежности: уж если бы ее стали обшаривать, то носки, лифчик и трусы были бы первыми на очереди после карманов.

И все же какая-никакая сохранность денег особого облегчения не принесла.

- Джеки! - прошипела Айя и взяла артиста на руки, развернула к себе, чтобы заглянуть в бесстыжие глазки-бусинки. - Где твоя совесть, а? Ты в курсе, что нам нечего будет есть? Хочешь жить со злыми дядьками, да? Ну чего тебе стоит! Ну покрутись немного!

С хонориком происходило странное: он напрягся и замер. Обычно он все время находился в движении, просачивался между пальцами, как кисель. Вытекал, бежал, вертелся... А теперь его будто залили гипсом изнутри. Стал твердым, даже усики перестали шевелиться, взгляд остановился. На мгновение Айе показалось, что она держит в руках чучело.

- Джеки! - испуганно пробормотала она и легонько тряхнула любимца. - Джеки, малыш! Я тут... Эй, что с тобой? Очнись, слышишь? Мы выберемся... - в глазах все поплыло, и Айя крепко прижала хонорика к груди. - Я тебя никому не отдам...

И вдруг через кофту и куртку она почувствовала биение крошечного сердечка.

- Тук-тук, - билось ее собственное.

- Тук-тук-тук-тук, - мелкими ударами отвечало сердце Джеки.

Пушистое тельце снова стало мягким, зверек шевельнулся, раз, другой... И снова принялся крутиться в ее руках.

- Ох, слава Богу... - выдохнула Айя. - Я бы не смогла без тебя. Садись, сейчас пойдем домой. Прости, дурацкая была затея... Поедем, подыщем лучше комнату.

Она посадила хонорика на картонку, а сама нагнулась над клеткой.

- Ого! - крикнул кто-то у нее над ухом. - Ты только глянь!

Айя выпрямилась и увидела двоих подростков. Парней лет четырнадцати-пятнадцати. Они стояли около нее с ошарашенным видом и пялились куда-то вниз. Она проследила за их взглядом и обомлела: Джек, ее капитан Джек, стоял на задних лапках и раскачивался.

- Круто... - протянул один из мальчишек. - Че, реально он из цирка!

- А то! - хмыкнула Айя, опомнившись от шока.

Тем временем, Джек продолжал крушить публику. Он танцевал, скакал по кругу, как цирковая лошадь, выгибался, крутился вокруг своей оси... Вслед за двумя подростками остановилась женщина с дочкой, туристы, китаец, молодая парочка, и вскоре зрители образовали целую толпу. Купюры сыпались в блестящую шляпку, люди хлопали и восторженно перешептывались. Но Айя была начеку, и как только она заметила на горизонте форменную фуражку, быстро подобралась и под разочарованное гудение поклонников растворилась в людском потоке.

Дальше был переход на Белорусской, на Курской, на Охотном ряду и Пушкинской. И везде Капитан Джек Воробей собирал овации и народную любовь в рублевом эквиваленте. И нигде Айя не проводила больше часа, но на последней точке своего дневного маршрута, на Киевской, задержалась. Она планировала собрать еще немного - и сразу ехать на электричке в Апрелевку, чтобы найти жилье или хотя бы недорогую гостиницу.

Джек был особенно хорош, казалось, он вошел во вкус, и теперь выступал с хозяйкой в тандеме. Она от балды совершала непонятные пассы, которые делали ее похожей на странную помесь фокусника и дрессировщика, но хонорик улавливал все ее желания на лету. Айя сама не понимала, как может выдавать такие чудеса животное, которого она за целый год научила только команде «служить», да и то - с трудом и лакомством. То есть, непонятно было, из-за чего он встает на задние лапы: из-за команды, или из-за желания дотянуться до вкусного кусочка. А тут из него попер самый настоящий дар циркача, и Айя уже грезилась об их великом будущем и райской жизни с джакузи, полным холодильником пирожных и телевизором на полстены.

Как это обычно бывает, потеря бдительности не преминула аукнуться проблемами. И как только Айя с клеткой и полными карманами денег вышла на улицу и двинулась к вокзалу, к ней подскочили двое. Лица без намека на моральные принципы, удушливый запах дешевых сигарет и тихий щелчок складного ножа.

- Прогуляемся, красотка?

- Нет, спасибо, - улыбнулась Айя. - Я свежим воздухом надышалась выше крыши.

Попытка ускорить шаг была обречена.

- Только попробуй, - тот, что повыше, вцепился в ее плечо. И хорошо, что в здоровое!

- Ладно, ладно, - примирительно пробормотала она. - Ведите.

Айя покорно шла следом, изображая смирение, но подспудно оглядываясь в поисках пути к отступлению. Вот же! Попасть к ментам - плохо, а нарваться на ножичек - еще хуже... Верила бы в проклятия, то бегом рванула бы за очищающим обрядом. Жаль, так не выйдет. Нет, и все-таки! В какой именно момент она запорола себе карму?

- Заходи, - мрачный конвоир толкнул ее к белому фургону.

Она послушно отодвинула дверь, залезла, аккуратно придерживая клетку перед собой. Только бы не отобрали Джека, только бы ему ничего не сделали...

В фургоне сидел мужик, которому явно не грозило облысение. Черная растительность бурно кустилась на голове, шмелями улеглась над глазами, синела на щеках и подбородке. Пятачок, не занятый волосами, был настолько мал, что выглядел досадной ошибкой. Иными словами, если бы

Айе поручили подобрать актера на роль Бармалея так, чтобы обойтись без грима, она бы без сомнений притащила им этого мужика. К сожалению, к искусству тот был не расположен.

- Так-так... Кто тут у нас... - начал он. - Решила затеять маленький бизнес?

- Вроде того. А вы хотели посмотреть на представление с первого ряда? На детские праздники у меня отдельный ценник.

- Шутишь... Смешно, - он ощупал ее взглядом: и Айя в очередной раз поняла: карьера на трассе - совсем не по ней. - Дело такое, тут моя территория. Ты работаешь, я тебя не трогаю... Семьдесят на тридцать.

- Что?! - взвизгнула она. - Налог у нас вроде тринадцать процентов...

- Думаешь, самая умная? А слабо делать трюки без своей крысы?! Какой дневной заработок?

- Десятка.

- Маловато по первости... Ну да ладно, - он повернулся к двум из ларца. - Обыщите.

- Я же сказала!..

- Говорить будешь в другом месте. Выворачивай карманы.

Пять минут унижительного ощупывания и похлопывания, и ее усадили обратно. К счастью, в горшок Джеки они не полезли, но вытащили весь заработок. Даже те деньги, что она свистнула в больнице у Цапلي. Хорошо еще, что ее не на наркотики шмонали и в заднице никто не стал проверять.

- Так-так... Сколько у нас? Тринадцать тысяч, - мохнатый беззаботно пересчитал смятые купюры. - Уже наврала. Итого: девять тысяч мои, плюс две тысячи штраф за работу без разрешения, плюс полторы за вранье. Держи, вот тебе на суп и на корм для циркового артиста. Еще раз попробуешь встать без моего разрешения, я лично тебя почикаю, поняла? А из твоей крысы сделаю кошелек.

И он пихнул ей пятьсот рублей. Лучше бы просто плюнул в лицо!

- Вазиф, я ее уже видел... - один из конвоиров пристально ее изучал. - Я у казахов с массажем когда деньги брал... Да, точно! У них убиралась.

- Вот как? - оживился мохнатый. - А Бекзат в курсе, чем ты теперь занимаешься?

- Он что мне, хозяин? - Айя сжала челюсти, чтобы не показать испуга. - Уволилась и все.

- Ну смотри мне... - Вазиф нагнулся к ней. - Я проверю. Чтобы завтра в девять пришла на это самое место. Теперь ты работаешь на меня. И если обманула... Тебя найдут. Поняла? И зарабатывать будешь, как калека.

Айю вышвырнули из фургона, и она с трудом удержалась, чтобы не упасть сама и не уронить клетку с Джеком. Все было кончено. И даже Бог с ними, с деньгами... Теперь эти уроды поговорят с казахами, выяснят, что она сбежала, соврала... Никогда в жизни она не думала, что ей самой захочется сдать в обезьянник. Но, кажется, настало время выбирать из двух зол.

9. Заочная ставка

Олег понимал, что все его проблемы – от того, что он полез в оперативную работу. В одиночку, к тому же. И больше он такой грубой ошибкой совершать не собирался. Поэтому на встречу с подельником Амалии выехал вместе с Климовым. Савчук рвался исправить ситуацию после того, как стукнул полковнику Калинину, но было поздно: доверие Горовой лейтенант Стукач утратил окончательно.

Разумеется, пришлось возиться долго и муторно. Но теперь, когда Алиева поставили на контроль в аэропортах и на вокзалах, Горовой с чистой совестью отправился проверять собственную версию.

С Климовым все оказалось куда проще. В половину второго они подъехали по адресу, который Алла Федоровна надиктовала липовому массажисту, без пяти два нарисовался и сам красавчик. Ошибиться было невозможно: он стоял у подъезда, растерянно вертел головой и трезвонил в пятнадцатую квартиру. Собственно тут Климов его и взял, настойчиво предложив путешествие до следственного комитета.

Подельником оказался полный парень в очках. Он выглядел зашуганным, безобидным, и вытянутая шапка, которая сидела на нем, как на деревенском алкоголике, делала облик еще более убогим. Есть такое понятие – виктимность. Неуловимое качество, которое делает человека потенциальной жертвой. Так вот от Фельдмана просто волнами исходил дух виктимности, и Олег готов был поспорить на что угодно, что в школе этого парня активно травили. Наверное, потому Фельдман и решил работать со старушками: они обожают жалеть забитых...

Версия, по которой сообщник Амалии был серийным убийцей, стремительно сыпалась. Лицо парня от нервов пошло пятнами, губы пересохли и побелели. Он сидел с выпученными глазами, как рыбка-телескоп, и пялился то на Климова, то на майора. И обоих это невыразимо раздражало.

В отличие от целительницы, Фельдман и не думал сбегать. Он разве что руки не протянул со смирением, чтобы на него надели наручники. Кажется, готов был ехать, куда угодно, и подписывать все, что надо, вплоть до чистосердечного признания в убийстве Кеннеди.

– Вы по поводу незаконной предпринимательской деятельности? – спросил он, не выдержав тягостного молчания.

– Это, безусловно, интересно, – Горовой изучал парня в зеркале заднего вида. – Но мы по поводу трех убийств.

– Ах, это... – с заметным облегчением в голосе протянул Фельдман. – Тогда ладно.

Черт, и ведь надо было поверить в эту глупую версию! Плод дурацких фантазий! Не в той стране Олег родился и не в ту эпоху, чтобы распутывать интересные дела. У нас ведь всегда все проще, чем кажется, а убийцей оказывается первый, кто придет на ум. Никакой тебе Бэйкер-стрит и Гримпенской трясины. Неужели он, старший следователь со стажем, не додумался до разгадки раньше Савчука? Это был удар по самолюбию, болезненный и сокрушительный.

И все-таки глупо было бы отпускать Фельдмана сразу, и Олег привел его к себе на допрос.

– Я расследую убийства Соболевой, Лапшиной и Михеевой. Слышали о таких? – спросил майор парня, как только тот устроился на стуле для посетителей.

– Да, – с готовностью кивнул тот.

– Как так вышло, что все три жертвы звонили вам?

– Мы ведь точно не по поводу предпринимательской?.. – Фельдман взволнованно заерзал.

– Нет. И отвечайте на поставленные вопросы, пожалуйста.

– Они все были моими клиентками, – неохотно признался Фельдман и поправил очки. – Знаете, мне всегда говорили про то, что у меня волшебные руки. Я занимался музыкой в детстве, и мои пальцы...

– Это меня не волнует, Фельдман. От слова «совсем». Что по поводу жертв? Вы давно их массировали? И... Это был только массаж, или спектр ваших услуг немного шире?

– Фу! – парень поморщился и с отвращением передернул плечами. – Это же пожилые люди! Больные... Спина там, колени... Господи, как вам такое вообще в голову пришло?!

– Допустим. Но вы не ответили: как давно вы с ними работали?

- С Ниной Ивановной, пожалуй, больше всех... - Фельдман задумался, глядя куда-то вверх. - Почти два месяца. Да, если хотите, проверьте свою детализацию звонков. Мы общались довольно долго. А там уж она посоветовала остальным... Клавдии Ивановне я провел только один сеанс, к сожалению. Ей не понравилось.

- У вас был конфликт?

- Да нет, конечно. Она - не последняя моя клиентка, чтобы я так... - тут Фельдман резко замолчал и нахмурился. - Пойдите-ка. Вы что, думаете, это я их убил?!

- А почему бы мне так не думать? - Олег с легким вызовом склонил голову набок.

- Да вы что?! Это мои клиентки! Мой хлеб, если так можно сказать. И потом... Ну посудите сами. Многие из них живут одни. Если уж я был бы какой-нибудь маньяк, то мог бы прямо дома... Фу, нет, изврат... Я вообще не понимаю, зачем они кому-то понадобились.

- Это все лирика, - Олег откинулся на спинку кресла и скрестил руки на груди. - Алиби можете предоставить?

- Ну... - парень снял очки и принялся натирать их уголком кофты, подслеповато щурась. - Я не помню точно даты, но вроде говорили, что их нашли рано утром?

- Время смерти во всех трех случаях - около шести утра.

- Я раньше десяти не встаю. Можете спросить у моей квартирной хозяйки. Какой смысл вести свой бизнес, если вставать в такую рань?

- Хорошо, укажете ее данные в бланке... - Олег выдвинул ящик стола. - А у вас есть предположения, кто мог совершить эти убийства? Может, жертвы рассказывали...

- Они жаловались на физиотерапевта... - Фельдман наморщил лоб. - Как-то... Кавказская фамилия. Что он жулик, бандит... Но знаете, если бы каждый, кого бабушки называют бандитом, действительно им был, то в тюрьмах не осталось бы свободного места.

Олег не мог не согласиться. Он не понимал одного: что общего у Фельдмана с Амалией и почему он не получил нормального образования и работы? Язык, манера поведения, логика выдавали в нем домашнего, воспитанного мальчика. Скорее всего, не обошлось без классической еврейской мамочки.

- Вы живете с родителями? - осведомился Горовой.

- А причем здесь это? - Фельдман скорее удивился, чем обиделся. - Нет, мои родители разбились.

- Автокатастрофа?

- Авиа, - парень надел очки обратно и поморгал. - Я думал у вас есть базы, где все написано...

Майор хмыкнул. Он сталкивался с этим постоянно: люди смотрят слишком много американских блокбастеров, где детективу достаточно ткнуть пальцем сенсорный экран, и там высвечивается подробнейшее личное дело. В реальности же каждый клочок информации следователь выбивал официальными запросами из кучи отдельных ведомств, и хорошо, если без суда. Стыдно было даже признаваться, что половина данных и вовсе добывается в Интернете...

- Хочу услышать вашу версию, - уклончиво ответил Горовой.

- Они летали в Пермь в 2008 году. Боинг разбился при заходе на посадку. Осталась бабушка, но в силу возраста не могла взять опеку надо мной. Я попал в детдом в Рыбинске...

- Вы там познакомились с целительницей Амалией?

- С Айкой, что ли? - круглое лицо Фельдмана на мгновение просветлело. - Да. Она взяла меня под шефство, если так еще говорят. Сами понимаете, меня дразнили, и когда...

- Как-как? - перебил Олег. - С Айкой? Это кличка?

- А вы что, не знали, как ее зовут? - парень выпрямил спину и нервно оглянулся. - Я не... Это уменьшительное от Амалии...

- Не суетитесь и не портите ситуацию враньем. Я все равно рано или поздно выясню ее имя через мобильного оператора, - солгал Горовой. - И меня не интересует мошенничество.

- Ну... - Фельдман немного помялся, но все же выдохнул, и его плечи устало опустились. - Ее зовут

Крюкова Айя Сергеевна. Да, мы были в одном детском доме в Рыбинске, там подружились. Собственно, она и вытащила меня в Москву, сам бы я, наверное, не решился.

Разумеется! И как он сразу не понял? Вызывающее поведение, хамство, полная бескультурщина... Плюс склонность постоянно лгать и изворотливость. Полный багаж выходца из приюта.

- Вы были поделщиками? - холодно поинтересовался Олег.

- Ну... Это громко сказано. Все-таки у нас была разная сфера деятельности. Я закончил курсы массажа, она - фантазерка... Да, мы помогли друг другу, как могли. Айя в основном подгоняла клиентов. Иногда я своим советовал обратиться к ней, иногда - наоборот.

- Вам что-то известно о том, как были устроены ее трюки?

- Кто ж станет раскрывать свои фокусы, - усмехнулся Фельдман. - Конечно, она не кололась. Да и мне, если честно, было не особо интересно, как она морочит людям голову. Мы и пересекались редко в последнее время. Но Айка - хороший психолог. Она... Не знаю как объяснить... Она чувствует, что надо сказать. Не знаю, может, это тоже такая... Сверхспособность или типа того. Но в плане заговаривать зубы ей нет равных. И она абсолютно органично чувствует себя в любой компании.

- Вы живете вместе? - Олег насторожился.

- Вы про отношения или вообще?

- И то, и то.

- Ни то, ни то, на самом деле, - Фельдман неопределенно повел плечом.

- Но она вам нравится? - напирал Горовой.

- Вообще, да. Ну, в смысле... Она не может не нравиться. Она как эта штука у гипнотизеров... Как ее...

- Маятник?

- Да. Именно. На нее невозможно не смотреть. И это даже не объяснить... - Фельдман перевел мечтательный взгляд на окно. - У нее особенная мимика, движения... Непосредственные, но притягательные...

Чем дальше парень пел дифирамбы, тем ярче становились очертания в памяти Олега. Он видел эту Амалию... Айю... Надо же, странное имя... Он снова видел ее так отчетливо, словно она в эту самую секунду сидела перед ним. Да, цвет ее волос был вульгарным. Да, голос с хрипотцой напоминал от пэтэушницах, которые с двенадцати лет не выпускали изо рта сигарету. И говорила она порой такие несусветные глупости, что хотелось почистить уши. Но Фельдман был прав. Она притягивала глаз, и невозможно было перестать наблюдать за ней.

- Так в чем же проблема? - уже скорее ради любопытства спросил Олег. - Не сложилось?

- Какое там! - парень горько улыбнулся. - Смеетесь, что ли? Я - и она... А потом ее никогда нельзя воспринимать всерьез: она врет, как дышит. И постоянно лезет в такие неприятности... В общем, я лучше буду смотреть на нее издали.

- А где она живет, вам известно?

- Нет.

Собственно, другого ответа Олег и не ожидал. Если уж они такие друзья, да к тому же мальчишка в нее влюблен, будет выгораживать изо всех сил. И все же... Отчего-то это короткое слово показалось Горовому искренним.

- И я должен в это поверить? - майор насмешливо поднял бровь. - Друзья, коллеги... И вы не знаете, где ее искать?

- Именно так, - подтвердил Фельдман. - Сегодня с утра мы поссорились. Она предлагала снимать вместе комнату, но я нашел удачное место и не собираюсь срывать по первому ее требованию. Да и от ее хоряка одни проблемы - он жутко воняет... Я помогал, как мог, но, в конце концов, моя квартирная хозяйка запретила его держать. Айка надулась, наорала на меня и ушла. А телефона у нее нет по вашей вине, насколько я понял. Так что я не в курсе, ни где она будет кантоваться, ни как ее искать.

- У нее еще и хореки... - Олег тряхнул головой, чтобы проснуться, но реальность уделявала любой

сон. – То есть ей негде жить?!

– Ну... Вроде того. Но нечего так на меня смотреть! Она не пропадет. У нее такой стаж... Вписки, чердаки, кинотеатры...

– Кинотеатры?

– Ну да... Вы что, никогда не слышали про киноночи? Мы с ней так, наверное, целую неделю ночевали. А может, она нашла комнату...

– Стоп, – Олег поднял руку. – Я правильно понимаю: вы подгоняли друг другу клиентов. Работали практически вместе. У нее один только прием стоит три тысячи. И ей негде жить, а ты снимаешь комнату в Москве?

– Никто не виноват, что у нее горят карманы!

– В смысле?

– Финансовое планирование – вообще не про нее, – Фельдман закатил глаза и вздохнул. – Она иногда заработает кучу денег – и устроит себе праздник, вместо того, чтобы откладывать. То спустит все в ресторане, то в аквапарк... Детский сад, короче.

– И у вас нет никакого способа с ней связаться?

– Только электронная почта.

– Отлично, – Горовой хлопнул себя по коленям. – Напишите ей письмо с извинениями, назначьте встречу. И перешлите мне ответ.

– Но это как-то... – Фельдман брезгливо скривился. – Не очень...

– Она нужна мне, как свидетель, – Олег подался вперед. – Речь идет о трех убийствах. И, возможно, будут еще. Поэтому если вы не хотите, чтобы нужные люди заинтересовались незаконной предпринимательской деятельностью, если не хотите препятствовать правосудию... Нет, дело ваше, конечно, – он развел руками. – Но я бы не рекомендовал сейчас играть в рыцаря.

– Я напишу... – сдулся Фельдман.

– Вот и ладненько. Сейчас мы тут с вами все заполним, подпишем, и можете быть свободны.

С момента ухода Фельдмана прошел час, а Горовой так и сидел за столом, уныло пялясь в одну точку. Как и любой человек, он терпеть не мог признавать свои ошибки. Особенно, если прав оказался олух вроде Савчука. Или не такой уж олух? В конце концов, лейтенант просто выполнял свою работу, пока Олег носился за химерами. Это ж надо! Дожить до без малого сорока лет, дослужиться до майора, – и пасть жертвой уличной шарлатанки.

А ведь он смеялся над ее клиентками! И все-таки сам повел себя не лучше бабульки с артритом. Заглотил такую глупую приманку! Слово «убийца» на крошечном листке бумаги! Немного антуража – и вот он уже целыми днями думать ни о чем не может, кроме как о том, откуда она узнала о его прошлом. А она и не узнавала! Теперь Олег готов был пожертвовать зубом, дорогим немецким имплантом, что фокус был в тысячу раз проще. Она от балды написала страшное слово и сбежала, потому что почувствовала чересчур пристальное внимание. И кто бы не испугался слова «убийца»? Простой человек увидел бы в нем предсказание, Олег решил, что девчонка взломала его личное дело... Ну и бред!

Да, он определенно заслужил выволочку от Калинина. Если бы не глупые проволоочки, Алиева давно бы взяли и раскололи.

Закончив с формальностями, Олег собрался и двинул домой, решив для себя больше не делать никаких отступлений с маршрута. Спустился, сдал ключи и нагнулся, чтобы расписаться, но охранник огорошил известием.

– Олег Васильевич, к вам посетитель...

– И надо было дожидаться конца рабочего дня, чтобы мне это сказать?! – Олегу нужно было на ком-то сорваться, и не его вина, что охраннику приспичило заговорить первым.

– У вас внутренний не работает... И с животными не положено.

– С животными?! – удивление заставило Горового забыть о злости.

Он положил ручку, двинулся к двери и замер. На крайнем сидении, обхватив одной рукой

внушительную железную клетку, мирно кемарила Крюкова Аяя Сергеевна собственной персоной. Она же целительница Амалия, она же – средоточие его, Олега, неприятностей.

Сон делал ее личико детским и невинным. В общем, изучать ее, пока она не говорила гадостей и не искала способов устроить ему подлянку, было, пожалуй, даже приятно. Так-так. Сама пришла. Повязка на плече, значит, без медпомощи не осталась. Фельдман был прав: она выживать умеет. Знает, что в уголовном кодексе много чего про нее написано, но все-таки пришла. В ее гражданскую сознательность Горовой не верил. И в простую человеческую совесть тем более. Значит, вляпалась в такое, что камера административного заключения кажется ей неплохой идеей. Или пересмотрела голливудских фильмов и надеется выпросить себе защиту свидетелей? И ради этого наплетет с три короба, что знает маньяка? Шиш ей по всем фронтам. Не в той стране живет.

А эта клетка... Обычные девочки спят с плюшевыми медведжатами. Кто это? Фельдман сказал, хорек. Олег шагнул ближе, чтобы присмотреться, и зверек тут же пришел в движение. Принялся с грохотом метаться по клетке и, конечно, моментально разбудил хозяйку.

- Что?! – она подскочила и судорожно вцепилась в прутья, будто нашелся бы на свете хоть один человек, который бы захотел украсть у нее этот кусок меха.

По крайней мере, здесь, в следственном комитете, горжеток никто не носил.

- Здравствуй, Крюкова, – криво ухмыльнулся Олег. – Соскучилась по насильнику?

- А, сле... Товарищ майор, мне надо к вам на пару слов.

- Мой рабочий день окончен, – Олег демонстративно посмотрел на часы. – Но завтра с десяти часов...

- Ну, Олег Васильевич! Это важно!

Она умоляюще посмотрела на него, и он отметил, что белки ее глаз красные от полопавшихся сосудов. Плакала? Не спала? Наркотики? Нет, разумеется, он ее не собирался жалеть. Жалость вообще была Олегу несвойственна до встречи с Айей. По крайней мере, он себя в этом вполне успешно убеждал. Но сейчас... Если и был хоть один шанс, что она скажет правду, что вскроются новые обстоятельства, и они укажут на то, что прав был он, Олег, а не этот предатель Савчук... Стоило ее по крайней мере выслушать. Только с этого момента он будет проверять каждое ее слово. И не выпустит, пока она не сознается, что обманула с «убийцей».

- Пойдем, – бросил он, выдержав драматическую паузу. – Только клетку оставь здесь.

- Не могу, – она вцепилась в прутья еще крепче.

- Кто ее возьмет?

- Не могу – и все. Тогда лучше поговорим здесь, – она с вызовом выпятила подбородок. – Но капитана Джека я оставить не могу. За ним охотятся.

- Еще скажи, что за ним хвост, – Олег расхохотался собственной шутке, но чуть не подавился смехом от того, каким взглядом в него стрельнула Крюкова. – Ладно, пошли. Только не выпускать!

Ему хотелось отвесить себе леца, что он в очередной раз пошел у нее на поводу, но ничего не мог с собой поделывать. Вернул ключ и терпеливо дождался, пока она мстительно вышагивала перед пропусным пунктом, демонстрируя клетку.

- Пойдем, капитан Джек, – громко сообщила она хорьку. – Больше никаких хамов в форме, обещаю тебе.

И уничижительный взгляд ударил по охраннику.

Олег медленно вдохнул и выдохнул, призывая остатки самообладания. Он понял две вещи: вечер будет долгим, и Фельдман был бесконечно прав, что не стал с ней связываться.

- Куда ты влипла?! – спросил Горовой, как только закрыл дверь в кабинет на ключ за спиной своей поздней посетительницы.

- Почему сразу влипла? – она по-хозяйски сняла ядовито-желтую куртку, бросила на стул, и, с любопытством оглядываясь по сторонам, устроила себе экскурсию по его кабинету и остановилась перед доской с фотографиями. – Ух ты! Настоящий труп?!

- Нет, игрушечный! – Олег раздраженно сунул руки в карманы. – Напоролась на каких-то бандитов? Преступная группировка? Или стащила что-то у плохих людей? Не то, чтобы я собирался тебе сочувствовать. Просто люблю наблюдать за вселенской справедливостью.

- Слушай, вот только не надо читать мне мораль!

- -те!

- Что?..

- Слушай-те! - напирал он.

- Вот только не надо! - она нахально погрозила ему пальцем. - Что-то и ты мне не особо выкаешь. Так что обойдемся без формальностей. Сразу к делу. Итак, какая там статья? Сто пятьдесят девятая. Давай сюда бумажку, я напишу признание. Но с одним условием: надо пристроить капитана Джека в безопасное место. Имей в виду, я без контракта не...

- Что ты мелешь вообще?! - такой концентрации ахинеи в минуту Олегу еще не приходилось слышать. - Я - следователь по особо важным.

- Вот-вот! - кивнула она. - Так и вижу: «Сенсация! Майор поймал особо важную мошенницу, которая обманывала беззащитных старушек!» Первая полоса, повышение, премия... А? Что скажешь?

- Скажу, что это полный бред.

- Я так и знала, - она вздохнула и обреченно помотала головой. - Надеялась, конечно, что ты окажешься чуть лучше ребят со свистком и палочкой...

- Ты о чем?

Она медлила. Смерила его взглядом, словно что-то прикидывала в уме, потом сделала пару шагов навстречу, призывно выпятив грудь.

- Может, договоримся? - спросила она с придыханием и провела пальцем по его шее. - Скажи, сколько! Или натурой... Только условие с капитаном остается прежним.

- Капитаном Климовым? - Горовой до того опешил, и не столько от неуклюжей попытки соблазна, сколько шизофренической горячки, которую несла Крюкова, что совсем утратил нить разговора.

- Капитаном Воробьем, конечно! - прибила она ответом, при этом продолжала пялиться на него со всей серьезностью.

Олега прозвали Горынычем не за подвижнические чудеса терпения. И сейчас смертный грех под номером восемь, именуемый юристами состоянием аффекта, овладел им окончательно. Майор схватил девчонку за плечи и хорошенько потрянул.

- Если ты сейчас же не прекратишь... - начал он, но с запозданием отметил, как ее перекосило от боли.

Черт, у нее же травма! Как он мог забыть! Если только ей придет в голову написать жалобу о жестоком обращении и превышении служебных полномочий...

- Блин, опять... - прошептала она, и Олег почувствовал, что миниатюрное тельце обмякает в ее руках. - Только не пуга...

Айя замолчала на полуслове. Прямо на глазах Горового, - а он ведь пять лет капли спиртного в рот не брал, никаких исключений по праздникам, - ее зрачки расширились, закрыв всю радужную оболочку, как луна закрывает солнце во время затмения. Она не шевелилась, не моргала, так с распахнутыми ресницами и оседала на пол. Олег опомнился, потащил в свое кресло, попытался вспомнить навыки первой помощи... Побрызгать водой? Потрясти? Похлопать по щекам? Искусственное дыхание? Твою мать, какое искусственное дыхание?! Нашатырь? Так где его взять?

Он лихорадочно нащупал в кармане сотовый, вытащил, уронил, поднял снова - и снова уронил. Попытался вспомнить собственный пароль, мимо...

- Айя! - крикнул он. - Крюкова! Айя, ты меня слышишь?!

Внезапно она судорожно втянула воздух, зрачки резко сократились, и девчонка уставилась на него сочувственным взглядом.

- Теперь я знаю... - она взяла его за руку и погладила большим пальцем так ласково, что у него ком застрял в горле. - Ты не хотел его убивать.

10. Вопрос веры

Айя никогда не видела взрослого мужика таким растерянным и перепуганным. На Горового было страшно смотреть. Даже Валера порядком трухнул, когда она отключилась, хоть и привык к кровавым травмам, а майор и вовсе с таким цветом лица мог бы успешно слиться с бетонной плитой.

Айя его отлично понимала. Будь она сейчас одна, по потолку бы бегала от ужаса. Но необходимость успокоить кого-то другого не давала и самой раскиснуть. А между прочим, это ее, а не майора, преследуют жуткие глюки. И что их вызывает? Боль! Айя пересмотрела кучу фильмов и передач про всяких волшебников и экстрасенсов. В каждом из них герой усиленно думал о всякой фигне и верил в себя, чтобы обрести силу и начать пуляться из чудо-палочки огненными шарами. А что у нее? Вывихнутое плечо. Ладно с Валерой, это еще можно было принять за случайную неприятность. Но стоило следаку стиснуть ее так, что захотелось отпилить себе руку, как снова понеслась карусель, гаражи, перестрелка, труп... Вот гадство! И что теперь? Носить панцирь? Скафандр? Хоккейную защиту? Или всего-навсего плотно подсесть на обезболивающее?

- Что ты имеешь в виду? - тихо спросил Олег, но по его глазам уже было ясно, что он все понял.

Сейчас бы придумать отговорку... Отшутиться... Но первую фразу, которая вырвалась у нее изо рта, пропитанная жалостью, нельзя было зажевать обратно. Айя слишком устала бегать. Устала от проклятых морозов, отсутствия нормальной кровати и постоянного страха за свою жизнь. Пусть следак решает, что с ней делать. Он умный. Психушка? Тюрьма? По фигу. И там, и там есть матрасы, трехразовое питание и прочные решетки на окнах

- Увидела, - сдалась она.

- Когда?

- Только что.

- Ты... Шутишь, что ли? - он недоверчиво отстранился. - Очередной твой прикол?

Айю такая реакция не удивила и не разозлила. Ничего другого она и не ждала.

- Плевать. Забей, - и она попыталась толкнуться ногой, чтобы развернуть кресло на колесиках в другую сторону.

- Нет, постой-ка, - майор крепко держал подлокотники и нагнулся к ней еще ближе. Так, что она даже уловила запах кофе. - Смотри мне в глаза. Расскажи все, что знаешь. Обещаю не перебивать.

Она набрала побольше воздуха, пристально посмотрела ему в глаза, ища там скрытую насмешку, издевательство или злость. Но его лицо с небритым подбородком и морщинками между бровей, которые остаются, если много хмуриться, не выражало ровным счетом ничего. Вот сейчас залить гипсом - и получится неплохой бюст вождя.

- У меня иногда бывает такое, - начала она. - Глюки или типа того... Но вроде как все это происходило на самом деле. В общем, когда ты меня встряхнул... Было больно, между прочим, но, видимо, как-то так это и работает... - Айя все время делала паузы, ждала вопросов или хоть какой-то реакции, но майор молчал. Тогда она снова вздохнула, и ее речь перешла в галоп. - Я видела промзону. Кажется, завод. Не знаю, работающий или нет. Но старый и обшарпанный. Слева - маленькое желтое здание. Одно стекло было выбито и закрыто картонкой или фанерой... И номера я не помню. Точнее, вместо таблички с адресом был пустой темный прямоугольник. И еще водосточная труба вот так наклонилась, - она показала рукой. - Вся ржавая... А дальше - кирпичное здание. Длинное. Три... Нет, четыре этажа. И окна огромные, но в половине их них разбиты стекла. Я видела людей в сером, они что-то кричали. Еще две старые машины... Как их называют? Буханки? Полицейские такие. Потом из кирпичного дома вывели двоих. Руки за спиной. Один еще выкручивался, его на землю... А потом вдруг выстрел! Другой! И парень побежал... И ты следом такой: «Стоять! Стрелять буду!» И потом пальнул, сам испугался. Остановился резко, как будто лбом в стеклянную стену... Ты не хотел, я знаю. Ты был моложе, и не такой... Ну, в общем, симпатичнее, чем сейчас. И волосы вот так вьются... И глаза добрые. И ты стоишь, смотришь на пистолет в своих руках, на того парня. Мне показалось, ты заплачешь.

По мере того, как Айя выкладывала свое видение, Олег никак не менялся в лице, только становился бледнее и бледнее, словно все это время у него на сонной артерии висел голодный вампир.

- Тебе плохо? - виновато спросила она. - Представь, каково мне! Думаешь, я хотела такое видеть?.. - Айя вздохнула и сделала паузу. - Да ты не парься. Можешь вызвать санитаров, сдай меня, куда следует. Только не в двадцать девятую.

- Давно... - он прочистил горло. - Давно это с тобой?

- Ты про глюки? - Айя потерла кулаком глаз, вдруг дико захотелось спать, то ли от внезапного облегчения, которое накрыло ее ватным одеялом, то ли от мягкого удобного кресла. - Такие цветные и в 3D - нет. Второй раз только. Они появились из-за плеча.

- Принимаешь наркотики?

- Да что ж вам всем охота записать меня в торчки! Не пью, не колю, не нюхаю. Не курю. Не пихаю в...

- Я понял, - он резко встал, прошелся по кабинету и остановился, массируя виски.

- Да ты не парься... - тихо повторила она.

- Просто дай мне минуту.

Какое-то время майор стоял, переводя напряженный взгляд с Айи на клетку с капитаном Джеком и обратно. Потом, видно, принял какое-то решение, наклонил голову в одну сторону, в другую, как обычно разминаются перед боем боксеры, пододвинул стул и сел напротив нее.

- Ты сказала, что цветные видения начались недавно, - произнес он беспристрастным тоном, словно спрашивал ее про фамилию, имя, отчество и род занятий. - Были и другие?

- Помнишь, ты приходил ко мне в салон? Там были свечи. Так вот, если я смотрю человеку в глаза над огнем... Ну, знаешь, когда воздух горячий и так дрожит... То тоже вижу. И у тебя в глазах я видела, как ты стреляешь в парня. Только не так подробно. Скорее, пару картинок. Тогда я решила, что ты бандит или вроде того.

- Почему ты уверена, что видишь реальные события прошлого?

Что-то в его спокойствии располагало. Пожалуй, если бы он стал орать на нее, обвинять во лжи или богатой фантазии или, что еще хуже, начал смотреть, как на трехногое одноглазое чудище, Айя бы моментально закрылась. Но он так профессионально слушал, что хотелось говорить еще и еще. Наверное, привык раскалывать преступников, и для этого ему не требовалось запугивать и пытаться.

- Я сначала тоже не верила, - призналась она. - Потом случайно выяснила, что тот мужик, кореш моих родителей, действительно изнасиловал девочку. Ну, они пили, не знали, что я тоже дома, и он нажрался в дым... И рассказал другому мужику... Типа похвастался.

- И что ты сделала?

- А что я могла сделать?! - взвилась Айя. - Родителей лишили прав, меня забрали в детдом. И слава Богу, между прочим! И я очень долго от свечей держалась подальше. А потом мы уже лет в пятнадцать играли в страшилки. Вызывали пиковую даму. И я увидела снова. Одна девчонка, на год старше... Она издевалась над толстым парнем... Ну, его мочили двое, а она смотрела и снимала. Заставляла всякое... Не хочу говорить, - даже спустя столько лет ее передернуло от воспоминаний.

- Не хочешь - не говори, - мягко сказал майор. - Что было дальше?

- Дальше я не могла спать. Ну, закрывала глаза - и все время видела лицо этой сучки. Короче, я взяла ее телефон и нашла это видео. Послала заву.

- Заву?

- Ну, заведующей нашей. А та ничего не сделала. Тогда пришлось собрать несколько человек... Слушай, я не уверена, что тебе стоит это знать. Мне так-то и статьи за мошенничество достаточно... Но девочка стала чуть скромнее. А тот парень...

- Фельдман?

Настал черед Айи уронить челюсть от удивления.

- Откуда... - пробормотала она. - Ты что, тоже?... Но как?

- Михаил был у меня сегодня, - майор равнодушно пожал плечами. - Я его допрашивал. И раз вы были в одном детском доме, где его, наверняка, травили, было нетрудно догадаться.

- Зачем он тебе?! - Айя оттолкнулась ногами от пола и подкатилась вплотную к Горовому. - Слушай, он хороший парень. И к убийствам не имеет никакого отношения. Толку от него, как от собрания сочинений Ленина, только место занимает.

- Ты что, читала Ленина? - Горовой вдруг улыбнулся.

- А чем, по-твоему, мы дома подпирали комод с одеждой? - она не смогла не улыбнуться в ответ, хотя раньше воспоминания о доме не вызывали ни единой хорошей эмоции. - Но я серьезно. Мишаня здесь вообще ни при чем. Ты можешь вешать на меня, что угодно, но он - не такой. Он и влипает-то вечно из-за меня, так что, считай, посадишь меня - спасешь этого очкастого кренделя. Он-то как раз читал до хрена всего.

- Первый раз вижу, чтобы кто-то так отчаянно рвался сесть, - майор взглянул на нее, как на несмышленого ребенка. - И скоро выясню, почему. Но чуть позже. Успокойся. Ничего я Фельдману предъявлять не собираюсь.

- Тогда зачем?..

- Я должен был лично проверить эту версию. Формальность. Не отвлекайся, - Горовой снова посерьезнел. - Были еще видения?

Сама от себя не ожидая такой болтливости, Айя выложила майору все. Про каждый случай. Как увидела труп девушки в глазах незнакомца, когда автостопом добиралась до Ярославля, а водитель попутки решил прикурить. Как была на дне рождения одного фанатика Гарри Поттера, и над пламенем именинной свечи разглядела садистски измученное животное. И потом, узнав, что чертов живодер в честь праздника купил себе щенка хонорика, украли клетку с капитаном Джеком и скрылась. И о том, как начала лечить старух, решив, что от них особого зла ждать не придется. Действительно, ни жертв насилия, ни трупов в поблекших глазах Айя не находила. Время от времени возникало какое-то нехорошее чувство, горечь во рту. Но разбираться в этом желания не возникало, достаточно было того, что клиенты никого не убили. И Айя продолжала совершать загадочные пассы руками над больными коленями, нашептывать всякую дребедень и прописывать чудо-флакончики.

- Кто посоветовал тебе давать им нимесулид? - вдруг в лоб спросил Горовой.

- Был у меня друг один... Травматолог, - она дернула больным плечом и поморщилась. - Его работа. Я просто спросила, что можно купить от боли на подольше. Вот он и сказал... А откуда ты знаешь про нимесулид?

- Провел анализ. Мне интересно другое. Нимесулид ведь только обезболивает. Никакого лечения. А люди ходили к тебе постоянно. Значит, эффект был. Почему?

- На что ты намекаешь? Думаешь, я и лечить умею? - она расхохоталась и фамильярно хлопнула его по коленке. - Ну, ты наивняк!

- Да нет... - майор смутился и убрал ногу. - Я не об этом. Можешь, ты знаешь какие-то техники гипноза или внушения... Должна же быть причина!

- Не морочься. Главное - им было легче. Или нравилось так думать... - Айя небрежно отмахнулась. Теперь все это неважно. Давай, вызывай конвой, и пусть меня везут.

- Зачем тебе это?

- Тебе что, премия не нужна? Раскрываемость, все дела? - она заговорщически поиграла бровями.

- Крюкова, это вообще не имеет отношения к моей работе, - Горовой устало вздохнул. - И я пальцем не пошевелю, пока ты не объяснишь, зачем тебе так срочно понадобилось спрятаться. Ты что-то увидела в своих... - он замялся, выбирая слово.

- Глюках? - горько подсказала она. - И да, и нет. То есть я видела одного товарища, и он, как и ты, думает, что я откуда-то вызнала про его грешки. Но его я не боюсь. По крайней мере, не так сильно. И даже не спрашивай, кто он, все равно не скажу. Но мне на хвост присел один гад... И знаешь, я даже рада, что ничего не видела про него.

- Почему?

- Потому что я вряд ли бы потом это развидела... Да и вообще. Не уверена, что вышла бы из этого глючного коматоза, потому что смотреть пришлось бы целый сериал.

- Кто он? - Горовой взял со стола блокнот и карандаш. - Знаешь имя, кличку? Как ты на него наткнулась?

- Если выяснится, что я стукнула, мне вообще не жить, - Айя медленно покачала головой. - И не надейся. Просто мы с Джеком решили подзаработать на трюках...

- Стояла в переходе? - Олег скептически поджал нижнюю губу: видно, даже он знал, что никто в

здравом уме не полезет на территорию попрошаек. – Я-то думал, ты посообразительнее в таких вещах..

– Ну, конечно, – она фыркнула. – Мистер Следователь при машине и, наверняка, квартире будет учить меня выживать. Давайте, я запишу, товарищ Мажор.

– Извини, но тут я тебе ничем не помогу, – Горовой встал. – Вылезай из моего кресла.

– А защита свидетелей? – не унималась Айя.

– И что ты мне насвидетельствовала? Как я должен приложить к делу твои видения? Да и к моему делу-то они не относятся... И потом выбить для тебя место в программе... Проще подоить носорога. Вылезай, говорю.

– Нет уж, я отсюда так просто не уйду, – она вцепилась здоровой рукой в подлокотник.

– Да я не прошу тебя уйти! – майор бесцеремонно взялся за спинку и откатил Айю в сторону, словно она была предметом мебели. – Сейчас будем писать протокол допроса. Без видений, но заполнить придется.

– Ты с ума сошел?! – взревела она. – Уже глубокая ночь! Отведи меня в какую-нибудь камеру, я хочу спать! А утром я тебе расскажу...

– Ну, никто тебя не звал в нерабочее время, – он поставил стул к столу, включил компьютер и уселся поудобнее. – И камеры в управлении никакой нет. Так что скоротаем ночь весело и приятно за протоколом допроса свидетеля... Итак. Дата, время... Сколько у нас? О, дату-то уже надо другую ставить! Час тридцать пять, – он заклацал клавишами. – Крюкова Айя Сергеевна... Верно? Айя – это полное имя?..

Горовой умудрялся в одно и то же время бесить ее и успокаивать. Занудный, но надежный. Невыносимо вредный, но рассудительный. Айя не привыкла иметь дело с такими людьми. Понятия не имела, что делать. На ее браваду он не реагировал. Не велся на провокации... А она устала быть постоянно в седле грохочущего «харлея». Пусть, мол, все вокруг летит к чертям, а я – в шлеме. Ей было страшно! Страшно идти в тюрьму. Или в сумасшедший дом. Или на улицу, где ее бы посадили на перо через пару кварталов. И страшно от того, что в голове у нее, как собачьи глисты, завелись видения. И не какие-нибудь эльфийские сады, а натуральные покойники. Не в маленьких осколках, а прямо так, в широком формате. Будто какой-то извращенец подарил ей очки виртуальной реальности, а они намертво прилипли к вискам и бесконечно транслируют ужасики и криминальные сводки.

Нет, Айя не была слабонервной. И драться умела сносно, и в уличной жизни разбиралась лучше, чем мамочкины сыночки, которые навесили на себя цепей и взялись читать рэп про гетто. Вашу мать, гетто?! А вы вообще в Рыбинске бывали? А в Мытищах? Гетто...

И почему все это произошло именно с ней? Ну, логично, если бы даром созерцания мертвяков обзавелся следак. Ему бы это, по крайней мере, пригодилось в работе. Но почему она?! Никогда не увлекалась ни страшилками, ни детективами... Любовное кинцо – куда ни шло, но детектив? Какой в них вообще смысл? Весь фильм кто-то куда-то ездит, а потом бабах! Гения осенило – и убийца в наручниках рассказывает, за что ненавидел жертву. У Айи даже в родне, насколько она знала, не было ни одного легавого. Так почему?!

Где-то в глубоко внутри нее била кулаками по ребрам маленькая девочка. Плакала и кричала: «Мамочка! Мне страшно! Забери меня отсюда!» Но замок на ее клетке давным-давно проржавел, и снимать его никто не собирался. Только однажды Айя дала слабину и послушала этот тоненький жалобный голосок. Когда вышла из детдома и по какой-то великой случайности, – а именно благодаря новенькому мэру, которого выписали из Москвы на место старого козла отпущения, – получила квартирку. Однушку. Двадцать пять метров. На окраине Рыбинска, в двухэтажном деревянном доме, который когда-то служил бараком. Собственно, воды в нем не было, крыша протекала. Но Айя обзавелась собственным гнездом – и это было главным. Даже думала пойти на парикмахера. Прически там всякие, можно было бы себе на халюву красить... Работа не грязная и пахнет шампунями.

Казалось бы – сиди и радуйся. Но нет! Девочка внутри запищала назойливо: «Мамочка! Мама!» И Айя решила проведать шнурков. Что и как вообще. Пришла – отца нет, он на зоне. А мама вроде пить бросила, хахаля завела приличного, в квартиру зайти не так страшно. Даже дверь запирается.

Мать, ясно дело, кинулась на шею, мол, скучала, вспоминала и вот-вот собиралась навестить. Ужаснулась, что дочери досталось такое жилье аварийное. Предложила вариант: свою квартиру продать, Айкину тоже, а вместе купить трешку в новостройке. Потом и на ремонт подкопится, и жизнь совсем другая. Там и садик строится, если дочь замуж выйдет и детей заведет...

В первый и в последний раз Айя развесила уши. Продала квартиру, выручила смешные шестьсот тысяч. Принесла маме, вещи перевезла, пошла новойстройку смотреть... А на другой день хахаль мамин аккурат с этими деньгами и растворился в воздухе. Мать – в слезы. Ссора, скандал... Потом опять бутылка, другая, третья, компашка подобралась...

В общем, Айя взяла самое нужное, закинула в рюкзак и без долгих прощаний направилась к Мишке. Ему не перепало квартиры от государства, родительская была. Парализованная бабушка только месяц, как померла, и он был свободен от пяток до макушки. И Айя ему плотно присела на уши, после чего он квартиру сдал и послушно отправился за подругой покорять столицу.

Через несколько лет покорения Айя пришла к выводу, что надо было сидеть в той однушке в бараке и не рыпаться. Стригла бы сейчас волосы местных дурехам, и никаких неприятностей. А вместо этого торчит в кабинете следователя, отвечает на глупые вопросы и не знает, где окажется завтра. Кто бы ей сказал раньше, что в Москве заработать хоть и реально, только вот деньги исчезают быстрее, чем согревают карманы...

После двух дней постоянных побегов и разгрузочного питания, двух ночей плохого сна и одного падения из окна у Айи ломило тело. Ноги звенели чугунной сковородой, глаза болели от света, а голова... Ее хотелось сунуть в морозилку.

Девушка встала, взяла два стула и поставила их рядом у стены, игнорируя протесты Горового.

– Я полежу, – сообщила она, пододвинув клетку со спящим Джеком поближе, чтобы хватило еще и ноги положить. – Ты там печатай, я все подпишу. Прояви фантазию, сделай, чтобы мамочке было интересно читать. Припиши мне... Я не знаю. Какую-нибудь стопятьсотую статью.

– Ты в своем уме?! – он гневно вытянул шею. – Это мебель для посетителей! Ты где вообще в этих штанах... Эй!

– Не «эй», а Айя, – терпеливо поправила она и стащила ботинки. – Слушай, а у тебя газетки не найдется? Так лучше сохнет...

– Какой, к черту, газетки?!

– А, ладно... Следственный комитет, а туда же: никакого сервиса. – она, кряхтя, встала, подошла к принтеру и вытащила из лотка несколько чистых листов. – Сойдет и так для первого раза.

Запахнула бумагу в уличную обувь, влажную после месива из снега и соли, поставила к батарее и вытянулась, издав выдох облегчения.

– Хорошо хоть охранник пустил в туалет, – доверительно сказала она, расстегивая пуговицу на джинсах.

– Ты что творишь?! – голос майора стал вдруг таким высоким, что еще немного, и по телефону его смогли бы принимать за женщину.

– Успокойся, – протянула она. – Просто немного свободы... Но даже не думай этим воспользоваться! У тебя был шанс, ты его упустил.

С этими словами Айя повернулась к нему задницей и блаженно закрыла глаза. Ей снился Рыбинск. Заснеженный, белый-белый, нетронутый ничьими ступнями. Чистый и уютный. Сугробы на ощупь оказались теплыми, хотелось закопаться в них, как в вату, и то ли спать, то ли плыть куда-то... И только она собралась с разбегу прыгнуть в самый большой, как сзади раздался звук, будто кто-то мял руками нашинкованную капусту.

Она обернулась и увидела машину. Такую белую, что на фоне снега можно было различить только колеса и стекла. За рулем сидел майор Горовой. Оно и понятно: кто еще мог обломать ей весь кайф от валяния в теплых сугробах?

Майор остановился, распахнул перед ней дверь, ни сказав ни слова. И она почему-то села. Сама удивилась почему, но села, и они в полнейшей тишине куда-то поехали. За окном мелькали черные стволы деревьев, стало темнеть, на трассе зажглись фонари, и внезапно машина затормозила. Так резко, что Айя чуть не расшибла лоб. Ремни? Откуда на ней появились ремни, если она не пристегивалась?

– Выходим, – скомандовал Горовой и вылез, и ей оставалось лишь последовать за ним.

Они оказались в Москве. Тишину сменил приглушенный гул машин, высокие дома с хаотичным чередованием черных и желтых окон... И вместо пушистых сугробов – каша с хрустящими комочками реагентов.

- Что у нас? - майор обращался к высокому полицейскому.

Айя огляделась по сторонам и вдруг заметила машины с мигалками, людей, стоящих кругом... Странно, когда они только приехали, тут ничего этого не было...

- Майор, что мы тут делаем? - спросила она, но он ее будто игнорировал.

Стоял, чуть склонив голову, слушал мужика в форме и время от времени кивал.

Тогда Айя подошла ближе и увидела тело, распростертое на асфальте.

- Эй, слышишь меня?! - кто-то тряхнул ее за плечо, и она тут же села.

- Что случилось?.. - она моргала, щурясь от яркого света. - А, опять ты...

Рядом стоял майор и странно смотрел на нее.

- Ну что? - Айя с трудом продирала глаза. - Куда меня сдашь? Решил уже?

- Пока поедем ко мне. А там решу.

На небритых скулах ходили желваки, губы сжались в ниточку. Он, кажется, не шутил.

- Это благотворительность? - она выпятила подбородок. - Или ты все-таки решился на взятку натурой? Имей в виду, я...

- Лучше бы ты замолчала, пока я не передумал, - жестко отрезал он.

- У меня принципы, чтоб ты знал! - гордо заявила она. - И нечего просто так тут командовать.

- Вставай, я сказал. Распишись в протоколе, бери своего Джека и пошли.

Что-то в его тоне подсказывало: сейчас он не настроен на споры. И перегни она палку хоть на столечко, и пойдет напрямиком к Вазифу.

- Ладно, - словно делая одолжение, сдалась она.

Подошла к столу, нагнулась над бумагами и чуть не выронила ручку от душераздирающего звонка за спиной.

- Господи, что это за кошмар?! - начала было возмущаться она, но Горовой уже взял трубку.

- Да, - коротко ответил он. - Понял. Там же? Хорошо, выезжаю.

- Что стряслось? - тихо спросила она, потому что выражение его лица не предвещало ничего хорошего, и предчувствие после странного сна кольнуло у нее под ложечкой. - Дай угадаю: труп?

- Откуда ты?.. А, неважно. Сейчас на это нет времени, - майор сунул телефон в карман и взял куртку с вешалки. - Четвертая жертва. Еще одна пожилая женщина. На том же месте.

- Слушай, мне жаль...

- Соболезновать будешь по дороге, - перебил он. - Одевайся, ты едешь со мной.

11. Для ровного счета

Олег стоял над мертвой старушкой, слушая отчет дежурной бригады. За ночь все замело: кругом высились сугробы девственного снега, ветки гнулись пушистыми лапами. В остальном ничего нового: как будто просто переместился на неделю в прошлое. Даже время смерти совпадало с погрешностью в десять минут. Кирпич, как и в тот раз, аккуратно лежал рядом. Если не знать о почерке убийцы, то сложно было заподозрить в этом красном бруске орудие преступления: ни следа крови. Жертва была в платке. В темно-красном платке. Ни дать, ни взять, поскользнулась и лежит... Единственным отличием были открытые глаза. Времени прошло слишком мало, пятна Лярше еще не покрыли роговицу, и казалось, будто Феоктистова Маргарита Петровна тридцатого года рождения просто любуется невзрачным зимним рассветом.

Эксперт закончил, и вокруг тела засуетились ребята с черным мешком. Труповозку уже завели, Климов с Савчуком опрашивали публику, благо зрителей собралось много.

- Пойдите, - неожиданно для самого себя произнес Горовой, и коронеры удивленно повернулись к нему. - Оставьте пока. Хочу, чтобы моя свидетельница опознала...

Те равнодушно пожали плечами и отошли, мол, дело барское, делайте с бабушкой, что угодно. Майор знал, что эти торопиться не любят. Вот и сейчас отошли и затянулись еще по одной.

- Ая! - окликнул Горовой свою незваную гостью. - Подойди ближе.

Она округлила глаза и ожесточенно замотала головой. Женщины! Пришлось самому идти к ней с уговорами.

- Что это еще означает? - прошипел он, пряча руки в карманы, чтобы не поддаться искушению и не отволочь ее за шкуру. - Люди ждут! Ее должны отвезти в морг!

- Вот пусть и везут, я-то здесь при чем? - она переминалась с ноги на ногу от холода и прятала подбородок в воротник своей дешевой куртки цвета вырви-глаз.

- Не веди себя как ребенок! Хочу, чтобы ты взглянула на нее.

- С ума сошел? - ее передернуло от отвращения. - Я их боюсь.

- Кого?!

- Трупов.

- Слушай, она не оживет и не сожрет твои мозги, - майор наклонился к ней и доверительно шепнул: - Если повезет.

- Ха-ха! - протянула Ая с сарказмом. - Очень смешно.

- Пошли уже! Пять секунд, не больше. Просто опознай мне ее.

- Да не знаю я никакую Феоктистову! - она еще вяло возражала, но все же шагала следом.

- Откуда ты знаешь? - Олег напрягся.

- Господи, вы же тут все только об этом и разговариваете!

- Посмотри внимательнее, - он положил руку ей на спину и легонько подтолкнул под лопатку, но она встала, как упрямая лошадь, и Олег ощутил ладонью дрожь, которая короткой волной пробежала по ее телу.

И все-таки она посмотрела. Сначала с отвращением, косо, как и все новички, будто собираясь сейчас же нестись отсюда с низкого старта. Но потом маска брезгливости сползла с лица Крюковой, в глазах появилось любопытство. Так всегда с трупами в первый раз. Боишься, нервничаешь... И вот уже ловишь себя на мысли, что не можешь отвести взгляд.

- Я ее не знаю... - медленно произнесла Ая, осматривая жертву. - Надо же... Как будто она и не умерла... Совсем не противно. А вы проверили, она точно?..

- Тебе просто не видно ее затылок, - Олег обошел вокруг тела и встал напротив Крюковой, внимательно изучая каждую ее реакцию. - Точнее быть не может.

- Интересно... Вроде она кажется мне знакомой, но клиенткой моей не была... Может, я видела ее в поликлинике?

- Попробуй, загляни ей в глаза. Ты увидишь что-то?

- Ты что, серьезно?! - Айя уставилась на него в полном недоумении, потом недоверчиво склонила голову набок. - Поверил в то, что я... Или прикалываешься?

- Ни во что я пока не верю, - он раздраженно хмыкнул, будто его уличили в чем-то постыдном. - Просто хочу посмотреть... Или ты врала от начала и до конца?

- Нет. Но... - она перевела задумчивый взгляд на тело. - Это не так работает. Я смотрела над огнем... Только в глаза живых людей. И не они были жертвами, а наоборот.

- Но вдруг сработает? - не унимался Горовой.

Им овладело какое-то естествоиспытательское любопытство, и он уже понимал, что не успокоится, пока не доведет эксперимент до конца. Он знал, что по приезду в офис основательно получит по шапке от Калинина. Четвертый групп - это именно то, чего не хватало СМИ для обвинения следственных органов в преступном бездействии. Работа с пресс-службой журналистов никогда не устраивала. Милые девушки, которые монотонно зачитывают на камеру официальную информацию... Слишком скучно. Для охочих до сенсации корреспондентов, это почти личное оскорбление. Конечно, они будут копать. Конечно, сразу полезут по верхам. К полковнику... А у него от общения с репортерами, этими детективами-самозванцами, всегда разыгрывается язва. Кого он будет щедро кропить желудочными соками? Разумеется, старследа Горового. И перед этой выволочкой Олегу хотелось хотя бы удовлетворить любопытство, дать самому себе ответ на сомнения, которые мучили его вот уже несколько дней.

- Не знаю... - Айя сомневалась. - Да и огня нет...

Горовой метнулся к Климову и позаимствовал у него зажигалку.

- Подойдет? - Олег протянул ее Крюковой, не обращая внимания на удивленные взгляды коллег.

- Что-то оно как-то... - девушка поежилась. - Не нравится мне.

- Давай, поддержи.

Он повернул переключатель на полную мощность, зажег пламя и поднес к лицу жертвы.

- Эй! - окликнул Олега эксперт. - Ты труп-то мне не испортить!

- Спокойно, все под контролем! - крикнул Горовой, не оглядываясь, и повернул голову к Айе. - Ну же!

Она зачем-то потеряла ладони, будто пытаясь согреть их, нагнулась к телу.

- Ну? - нетерпеливо шепнул Олег.

- Не дергай! Подожди, дай сосредоточиться... - она поморгала, прищурилась. - Пусто... Хотя постой! Чуть левее... Ниже... Какие-то отражения есть... Но они мутные, как запотевшие... Вижу только силуэты. Темные, маленькие... Много силуэтов... Дети. Да, дети, - она схватила майора за запястье и поправила его руку с огнем. - Кажется, кто-то плачет... Нет, больше ничего.

- И что это должно означать? - Олег выпрямился, большой палец обожгло огнем, но он не обращал внимания на боль.

Ему хотелось трясти Айю, чтобы она говорила еще и еще. Что-то было гипнотическое в том, как она всматривалась в чужие глаза, как говорила будто бы не своим, отстраненным голосом. Как наклоняла голову... Олег ненавидел себя за то, что ему так хотелось верить в происходящее. Черт, он был не из тех, кто ищет чудес! Не сторонник теорий заговора и шапочек из фольги. Не псих, который с двумя гнутыми проволоками бегаёт по полям и ищет следы внеземных цивилизаций. Но то, что он видел сейчас... Критическое мышление, благодаря которому он стал тем, кем стал, отвергало даже гипотезу о том, что простая девчонка может обладать сверхспособностями. Что ими вообще может обладать обыкновенный человек. Но он чувствовал... Да, именно так. Впервые в жизни он не думал, а чувствовал, и ощущения, эти мурашки, которые покрывали предплечья всякий раз, когда она изрекала нечто безумное, говорили ему: Крюкова не лжет.

- Откуда я знаю? - Айя умоляюще взглянула на него. - Может, уже поедем?..

- Неужели больше ничего нет?! - он чуть не застонал от разочарования.

Она явно превращала его в наркомана. В безумного фаната. В азартного картежника. Ему требовалось еще и еще... Ярче, сильнее, подробнее...

- Я все сказала, - безжалостно отрубил она.

- А если ты возьмешь ее за руку? В кино обычно так и делают.

- Фу, ты прикалываешься?! - Ая посмотрела на него так, будто он на ее глазах поднял с земли улитку и с наслаждением высосал бесформенное тельце моллюска из раковины.

- Ну, попробуй! Ты же не пробовала...

Ая медленно выдохнула, и по ее взгляду отчетливо читалось все, что она думает о психическом здоровье следователя. Судя по всему, сейчас с ней были солидарны и коронеры, и остолбеневший Климов. Повезло еще, что Савчук занимался опросом потенциальных свидетелей и не видел всех манипуляций. Иначе живым Горовой из кабинета полковника уже не вышел бы.

- Пообещай мне, - шепнула Ая. - Что бы со мной ни решили, ты позаботишься о Джеке.

- Не вопрос! - небрежно отмахнулся Олег и сам себя не узнал в эту секунду. Кажется, он слишком много общался с этой аферисткой.

Ая осуждающе покачала головой, снова потерла ладони друг о друга и осторожно вложила руку в застывшую кисть Феоктистовой. Девушка вздрогнула и замерла. Олег нагнулся, заглянул ей в глаза, ожидая снова увидеть огромные черные зрачки. Даже приготовился ловить Крюкову, если она снова начнет терять сознание... Но Ая резко отдернула руку и встала.

- Нет, - решительно сказала она и вытерла пальцы о куртку. - Ничего.

- Ты уверена?

- Слушай, ладно, меня заберут в дурку, - она натянула шапку ниже, на самые брови. - Но ты-то что там будешь делать, мой нежный майор?

- Ты о чем? - Горовой нахмурился.

И она выразительно кивнула в сторону свидетелей. А там уже собиралась толпа. Замаячили в воздухе мохнатые микрофоны на длинных палках, показались операторы с камерами, треногами и прочим оборудованием, а коронеры и вовсе наблюдали за происходящим с отвисшими челюстями и тлеющими сигаретами, прилипшими к нижней губе.

- Разошлись! - рявкнул Олег. - Можете забирать.

Всю дорогу до управления он мысленно крыл себя, на чем свет стоит, за проклятый азарт. Как он мог? Сказалась ночь без сна, не иначе. Появление Аи у него на работе вышибло почву из-под ног. И не в том глупом романтическом смысле, который предполагал нытье, сонеты и ползание на коленях. Нет. Просто его мозг, органом, которым Горовой гордился, будто провернули через мясорубку. Перемололи в фарш. Теперь это, определенно, был розовый паштет, отвратительное месиво, а не то, чем Олег раньше думал.

А что ему было делать? Она вот так, прямо в лоб, разрядила ему целую обойму. Описала детально то, что никто не мог знать. Когда это происходило, она еще писалась под себя... Ладно, не писалась. Но училась в начальной школе. В Рыбинске. Ни в одном деле не значились подробности вроде обшарпанного желтого здания, фанеры вместо разбитого стекла и той водосточной трубы... Те, кто там был и мог что-то помнить, больше с Горовым не работали. Найти их и расспросить? Почти нереально. К тому же, они, скорее всего, описали бы только суть. Он и сам не помнил подобные мелочи, пока она не принялась их озвучивать... Одну за другой: перезаряжала и стреляла. Снова и снова. Нет, она ни при каких обстоятельствах не могла этого знать. Тот заброшенный завод давно снесли, Олег недавно вел дело в тех краях. Вместо идеального плацдарма для бандитских разборок теперь красовалась яркая коробка торгового центра.

Разумеется, Горовой не готов был просто принять на веру каждое ее слово. Учитывая патологическое пристрастие Крюковой к вранью, это было бы глупостью. Но игнорировать фантастические вещи, которые творились у него прямо под носом, Олег тоже не мог.

Покончив с протоколом допроса, он еще долго сидел и смотрел, как она спит. В его сознании не укладывалось, откуда взялся этот непонятный дар в голове, набитой всякой чепухой и начисто лишенной элементарных знаний из школьной программы. И вдобавок щедро сдобренной дешевой краской для волос. Конечно, Олег планировал взять у нее анализ мочи на наркотики. Но она не походила на человека под кайфом. Да и торчки обычно ловили несколько другие глюки. Пауки, огонь, вода, разноцветные круги... Но никак не детальные сцены из его, Олега, прошлого. Она могла имитировать все, что угодно. Но такие зрачки... Черт, это и правда было жутко. Даже для человека, который трупы видел чаще живых людей.

Горовой не мог перестать думать об этом. Его так и тянуло расставить для себя все точки. Понять. Объяснить. Проверить, наконец.

- Так что ты решил? - Айя выдернула его из неприятных размышлений, и Олег обнаружил, что стоит на парковке и перегораживает выезд.

- А?.. - рассеянно пробормотал он и взялся ручку переключения передач. - Нет, позже. У меня дела.

- А мне куда? - не унималась девчонка, будто до нее не доходило, что она и без того несет ему одни неприятности.

- Пойдешь со мной. В кабинет.

- Опять?! Я вообще-то есть хочу, - она открыла бардачок и нагнулась, чтобы изучить его содержимое.

- Закрой! Сейчас же!

- Ты чего?.. - искренне удивилась она.

Вместо ответа он протянул руку и захлопнул бардачок.

- Никогда, слышишь? Больше никогда не трогай мои вещи! - отчеканил он, свирепо высверливая взглядом дырку у нее промеж глаз.

- Ты что, с дуба рухнул?! - она явно разозлилась. - Чертов псих! Отдай мне капитана Джека и вали на хрен!

- Никуда ты не пойдешь! - прорычал Олег.

Он словно смотрел на себя со стороны и диву давался: что за бешеный придурок сидит в его машине?! Что с ним происходит? И откуда взялось стойкое желание выйти на улицу и разбить кулак об асфальт?

К счастью, Крюкова была не из кисейных барышень. Страх даже не ночевал на ее гневном личике. Ноздри трепетали, губы сжались и побелели. Ремни безопасности теперь спасали не ее, а его. И Горовой осознал: теперь ему помимо проблем с Калининым придется ждать сюрпризов от этой девицы. Что она вытворит на сей раз? Проколотые шины уже были, а недостатком фантазии Айя не страдает. Сотрет жесткий диск на рабочем компьютере? Пропустит через шредер все документы? Гвоздем нарисует на капоте детородный орган?

- Да, майор, - она приблизилась к его лицу. - Именно это я и сделаю.

Стоп! Что?! Еще и чтение мыслей?!

- Что ты сейчас сказала? - ошарашено спросил Горовой и отстегнул ремень.

До нее дошло не сразу, но, кажется, когда она поняла, что произошло, испугалась не меньше.

- Твою мать... - она в ужасе прижала пальцы к губам, чтобы с них не слетело что похлеще.

- Что ты имела в виду?

- Я... Я просто... Ты разве ничего не говорил?

- Молчал.

- Я вообще хотела выпустить Джека в твоем кабинете... - начала она, не сводя с него глаз. - И вдруг ясно представила у тебя прямо по центру капота...

- Что?.. - напирал Олег, хотя уже догадывался, что оба знают ответ.

- Ну... - она медленно подняла руку, сжатую в кулак. - Мужской девайс... У нас один парень называл его ящеркой, но я бы нарисовала эпичнее...

Майор откинулся на подголовник и провел рукой по лицу. Либо он сходит с ума, либо у него в машине сидит экстрасенс. Мошенница, лгунья... И экстрасенс. Ведьмы, люди-Икс, ясновидящие... Как теперь быть? Как вообще жить с этим? И как после этого идти в управление и, будто бы ничего не произошло, оформлять запросы по новой жертве?

- Выходи, - мрачно произнес он.

- А поесть? - она жалобно подняла брови домиком. - Ты же не хочешь пятую жертву? В смысле, я, конечно, не такая старая, но я нарочно сбегу и лягу на то же самое место. И положу рядом кирпич, чтобы тебе было больше бумажной возни.

- Пошли, возьми что-нибудь. У тебя деньги с собой?

- Нет. Ребята с вокзала почистили меня до блеска. Есть кое-где записка, если уж ты такой жмот, что зажал кусок хлеба главному свидетелю, я тебе потом отдам.

Олег никогда не давал в долг. Это было его жизненное кредо. Он знал, до чего необязательными и забывчивыми становятся люди, когда дело доходит до чужих денег. И в случае с Айей не сомневался ни на секунду: она не вернет ему ни копейки. Но отпустить ее сейчас на поиски записки он не мог. Лишить еды – тоже. А вести в столовую, чтобы она там привлекла к себе внимание всех, с кем он работал... Нет, от суицидальных наклонностей Олег не страдал.

Пришлось вести ее в ближайший супермаркет.

- Выбери что-то питательное... – посоветовал он. – Раньше шести вечера мы с работы не уйдем.

- Не вопрос! – крикнула она, исчезая в лабиринте прилавков.

Появилась через минуту с полной тележкой. Как?! Когда она успела вообще взять тележку? Как умудрилась стряхнуть в нее половину ассортимента за считанные секунды? Олег не считал себя бабником, но даже недолгих периодов общения с женщинами ему хватило, чтобы понять: как только девушки попадают в магазин, время для них меняет свое течение. Может, они и думают, что просто зашли и купили, но на деле образуются временные воронки, дыры в пространстве, похожие на Бермудский треугольник... И там, где для женщин пролетели жалкие полчаса, мужчина медленно, но верно начинает стареть.

Айя сломала всю теорию. Может, она просто на бегу провела рукой по полке, стряхнув все в корзину на колесиках? Или это одна из ее способностей? Так или иначе...

- Я не собираюсь это оплачивать! – твердо сказал он, глядя на груды разноцветных упаковок.

Что это вообще?! Чипсы, жевательный мармелад, газировка, мясные нарезки, хлеб, майонез, йогурты... В нее это банально не войдет. Даже если трамбовать сверху и не давать выходить снизу.

Но Крюкова, судя по всему, уже впала в предвкушение пиршества.

- Ну, папочка... – игриво протянула она. – Ну что тебе стоит?..

- С ума сошла?! – зашипел он, оглядываясь на продавщицу. – Какой я тебе папочка?!

- Ну поэзия...

- Какая «поэзия»?!

- Ладно, – она мстительно поджала губы.

Он узнал этот коварный взгляд и почувствовал приступ изжоги. Господи, она же превратит его в полковника Калинина!

- Мне плевать, что ты считаешь меня толстой! – зычно воскликнула она, и посетители стали оборачиваться. – Я больше не буду сидеть на диете, чтобы тебя угодить! Пятьсот калорий в день! Хочешь заработать на моей модельной карьере, пока я не стала анорексичкой?!

Какая-то женщина в ужасе ахнула, другая уже что-то яростно нашептывала своей подруге, яростно косясь на Олега. А Крюкова продолжала цирк.

- Я не хочу, чтобы другие ненавидели мое тело, как я! – патетично крикнула она. – И я буду есть, слышишь?

- Прекрати сейчас же... – процедил Горовой, но с тем же успехом он мог бы встать на пути локомотива на полном ходу.

- Хочу чипсы – и буду чипсы! – с этими словами Айя оглушительно хлопнула пакетом, высыпав добрую половину картофельной дряни на пол, и запихнула в рот пригоршню. – Хочу шоколад? Буду шоколад! – с хрустом была взломана плитка.

- Мужчина, как вам не стыдно! – вмешалась женщина в меховой шапке. – Разве можно так издеваться?! Она же испортит себе организм!

- Пятьсот калорий! – хмыкнула другая. – Это прямая дорога к язве!..

Айя Сергеевна Крюкова – вот прямая дорога к язве. Но вслух Олег этого не сказал. Молча взял красную нахалку за локоть, – и специально проследил, чтобы за здоровую руку, меньше всего

ему нужен был ясновидческий припадок посреди супермаркета, – и потащил к кассе.

– Имей в виду, – еле слышно шепнул он ей в ухо. – Больше я тебе ничего и никогда покупать не буду.

– Мне больше и не понадобится, – Крюкова злорадно улыбнулась и продолжила декламировать: – Держитесь, девочки! Не позволяйте управлять вами!

Кажется, в глубине магазина кто-то даже зааплодировал. Чего уж греха таить, Олег и сам готов был хлопать стоя этой артистке, если бы прямо сейчас у него не чесались руки от желания свернуть ей шею. Что с ней не так?! То ведет себя нормально, рассказывает и видит уникальные вещи... То откидывает фортели, как шестилетняя девчонка.

– Картой или наличными? – спросила его кассирша, окинув презрительным взглядом.

Олег задумчиво посмотрел на душераздирающие зеленые циферки.

– Картой, – вздохнул он и потянулся за бумажником.

Крюкова сияла, как пятна крови под ультрафиолетом. Но Горовой шагал впереди, сжимая пакеты, и делал вид, что ничего не произошло. Он понял свою главную ошибку: с Айей нельзя вступать в открытое противоборство. Ты ей слово – она тебе десять. Ты ей два – она тебе двадцать. Гвоздем. На капоте. Интересно, Латынин еще гуляет отпуск? Засадить бы ее к нему в кабинет, запереть там. А хорька оставить у себя, без него она не сбежит. Наглая, лживая... Но до того сентиментальная! У всех свои слабости, и брешь в доспехах Крюковой Олег нашел – крыса с пиратским именем. Теперь она у него в руках, надо только понять, что с этим делать.

Впрочем, тратить на эти размышления рабочее время майор не мог. Его ждал кабинет, протокол, запрос мобильному оператору, в пенсионный фонд, в поликлинику, поиск родственников... И в качестве бонуса – полковник, который уже, наверняка, рвал, метал и грыз погоны.

Внутренне собравшись и нацепив воображаемый шлем от ядовитой слюны Калинина, Олег взял на охрану ключи и, пропустив Айю вперед не из галантности, а чтобы больше не упускать ее из виду, пошел наверх. Но не успел он покорить и первый лестничный пролет, как столкнулся с Савчуком.

– Олег Василич! – выпалил тот, запыхавшись. – Ищу вас везде. У вас телефон недоступен!

Наверное, за всю ночь так и не вспомнил про зарядку... Такое с Горовым случалось впервые, но оправдываться перед лейтенантом Стукачом он не собирался.

– А что, полковник добавил тебя в черный список? – съязвил он.

– Да сколько можно... Я же как лучше хотел!.. Полковник, кстати, уже ждет вас.

– Не сомневаюсь, что ты ему уже наплел...

– Да нет! – лейтенант мотнул головой. – Все нормально.

– Правда? – Олег недоверчиво изогнул бровь.

– Конечно! Я за этим вас и ищу... – улыбнулся Савчук, и если бы Горовой не читал его личное дело, решил бы, что у опера день рождения. – Только что Алиева задержали в аэропорту Домодедово.

12. В тени новых обстоятельств

Нет, как он только посмел?! Только начал казаться ей приличным человеком – и нате! Запер! Запер, как какую-нибудь шелупонь! Еще и телефон отобрал... А ведь только завертелось самое интересное! Задержали главного подозреваемого, физиотерапевта. Странная у них фантазия, конечно... Но мало ли, вдруг и правда. Аяя пару раз видела Алиева, когда заносила деньги Гульнаре. Он был... Громкий. Орала на него, орал он. И если верить фильмам про маньяков, не подходил совершенно. Разве им не полагается быть тихушниками, у которых внешне – все пуговицы застегнуты, а внутри – садистские фантазии?

Да, на Алиева жаловались все. И те, кого он, якобы, убил, и те, кого не успел, благо от нехватки клиенток Аяя не страдала и мнений собрала уйму. Она бы не удивилась, если бы услышала, что он забил кого-то до смерти аппаратом для прогревания коленей, но не кирпичом на улице в шесть утра.

В любом случае, взглянуть на настоящий допрос своими глазами было бы страшно любопытно. Первые пару часов Аяя ела все, что накупила, твердо вознамерившись не оставить следователю ни кусочка. Накормила до отвала капитана Джека кормом для котят, да и сама шла в уверенном темпе: чипсы с соусом, газировка, йогурт, шоколад... Пока все это не встало комом в районе солнечного сплетения.

Как следует, стукнув себя по месту засора кулаком, чтобы быстрее проскочило, Аяя пихнула пакеты с едой под стол и начала искать выход. Нет, не сбежать совсем, мерзкая рожа Вазифа до сих пор стояла перед глазами. Но, во-первых, ей позарез надо было выяснить, что там с Алиевым, а во-вторых, надо было сразу отучить Горового ее запирасть. В конце-то концов! Она ради него трогала мертвую старушку, и это было не самый приятный способ скоротать утро! Кто знает, может, теперь странный дар – и есть счастливый билет на выживание? Майор, судя по всему, поверил. Вдруг он теперь захочет сделать ее, Аяю, кем-то вроде напарника. Или консультанта. Или лаборанта. Или как они там это называют. И ей будут платить, забудут прошлые косяки... Вазиф не посмеет поднять волосатую руку на сотрудника следственного комитета. Но сначала Горового надо умирить. Иначе чем дальше – тем хуже.

Итак, выход. Четвертый этаж – высоко. Окно – мимо. Дверь?.. В очередной раз пожалела, что так и не научилась у Лекса искусству взлома. Может, конечно, он и сам только хвастался? Потому что зачем человеку, который «может войти в любую дверь», работать простым карманником? Кое-какие фокусы щипача он ей показал, но толку теперь было от них... Впрочем, эта наука и раньше ее ни разу не выручила. Аяе было гораздо сподручнее заговорить зубы и убедить отдать деньги по собственной воле, чем рисковать, выбивая бумажник из внутреннего кармана.

Почти уверовав в свой полный педагогический провал, Аяя плюхнулась на кресло с колесиками и закатила глаза... И застыла. Ну, конечно! Зря она, что ли, смотрела кучу американских блокбастеров про воров мирового класса?! Минимум сто тысяч раз она видела, как хитрые герои шныряют туда-сюда по вентиляционным трубам. Чем не гениальная идея?! О, Аяя уже видела, как вытянется лицо майора, когда он вернется за ней! Капитан Джек на месте, окна и двери заперты, а ее нет! Да он с ума сойдет! Классика!

Самодовольно хохотнув, поставила стул для посетителей рядом с дверью, аккуратно под вентиляционной решеткой. Влезла: квадрат примерно пятьдесят на пятьдесят. В принципе, должна пройти... Только нужна крестовая отвертка. Но разве может быть кабинет мужика, чтобы там нигде не завалилась отвертка?

Рейд по ящикам стола и шкафов занял не больше трех минут, и вот уже Аяя, вооруженная инструментом, снова вскарабкалась на стул и сняла решетку. Единственным минусом во всей этой затее оказалось больное плечо: подтягиваться Аяя, конечно, умела, но преимущественно на двух руках.

– Ну и что мне с этим делать, капитан? – уныло спросила она у Джека.

Так обидно было сдаваться в шаге от успеха! Ведь каков был план! И все шло идеально: удалось даже справиться с отверткой левой рукой... Нет, она так просто не вернется обратно в камеру. В этот раз он ее запер, а что в следующий? Прикует к батарее? Засадит в клетку? Привяжет к кровати? Вот уж кто тянет на маньяка, так это мистер Не-пачкай-мне-салон-машины.

Аяя собрала побольше толстых папок, сложила их стопкой на стул и, балансируя, как канатоходец, влезла на них, время от времени держась здоровой рукой за стену. Голова прошла легко. Внутри поддувало, пахло непривычно. Длинный металлический короб, почти не освещенный, тянулся в сторону, будто кишечник гигантского робота.

Стараясь не повредить плечо, чтобы не словить новых глюков, она сначала просунула руку, потом подтянулась, опираясь на локоть, изогнулась в сторону – и оказалась в трубе по пояс. Жаль,

ухватиться было не за что: гладкие металлические стенки. Оставалось всего ничего: толкнуться ногами – и она уже заползет туда целиком... Да, лучше бы сначала выяснить, куда двигаться и как потом вылезать, если решетки прикручены... Но это детали. Даже если она просто спрячется и заставить майора перепугаться не на шутку, будет уже забавно.

С этой мыслью Айя попыталась оттолкнуться, но башня из папок пошатнулась, и раздался грохот, а ноги остались беспомощно болтаться в воздухе.

– Вот блин... – простонала она.

Могла бы – закрыла лицо ладонью, но приходилось изо всех сил упираться в края отверстия, чтобы не сползти вниз. Если она упадет... Если рухнет... Черт, если снова повредит плечо... Либо вообще останется без руки, либо точно станет наркоманом. Боль и без того донимала ее беспрестанно: то становилось чуть легче, то ныло с удвоенной силой, а то на горизонте появлялся майор и начинал ее трясти так, что она теряла сознание. Айе ведь не так много и было нужно: сытно есть, мягко спать, и чтобы ничего больше не болело. И капитан Джек под боком...

Она бы и дальше держалась бодрячком, но здесь, в трубе, ни один живой человек не мог видеть ее лица. В носу защипало, в глазах все поплыло, и Айя душераздирающе шмыгнула. Бесплезно. Остановить лавину теперь никто бы не смог, и по щекам покатались первые слезы.

– Какого черта ты творишь?! – донеслось откуда-то снизу.

Майор! Первой эмоцией была радость. Он вытащит ее! Плечо будет целым! Захотелось даже вскарабкаться на него мартышкой и греться о его большое крепкое тело...

– Я оставил тебя всего на пару часов!!! Что за фокусы?! – не унимался Горовой, и радость сдуло в трубу.

Вот гад! Даже не подумал извиниться! Да, было неприятно, что он застал ее вот так, а гениальный план обернулся позором, но ведь это он собственноручно ее к этому подтолкнул. Разве так обращаются с теми, кто помогает вести расследование?!

– А если бы мне захотелось в туалет?! – крикнула она.

– Лучше места не нашла? Черт, может, стоило заморочиться и получить постановление на твое задержание?! Вылезай сейчас же!

– Если бы я могла вылезти, я бы это сделала, великий ты сыщик! – огрызнулась Айя и демонстративно дернула ногами, в надежде попасть в майора. – Помоги, что ли!

– Что-то я не слышу волшебного слова.

– Трах-тибидох!

– Не-а, не работает! – поганец, кажется, откровенно издевался над ней.

– Окей, – Айя стиснула зубы. – Больше я не прикоснусь ни к одному мертвяку, ясно? И буду здесь петь частушки, пока не набегит народ из соседних кабинетов. И тут выяснится, что ты запер меня в чужом...

– Волшебное слово.

– По реке плывет топор... – затянула она первое, что пришло в голову.

Но майор молчал, и Айя была вынуждена допеть до конца, оглушенная собственным эхом.

– Закончила? – злорадно полюбопытствовал Горовой. – Ты в торце здания. С той стороны – архив, а с другой – туалет. Можешь драть глотку, сколько влезет. Мне заглянуть попозже?

– Нет.

– Ты что-то хотела мне сказать?

– Да, – Айя закусил губу: рука уже затекла, острые края впивались в бок, но в мыслях она рисовала только сцены сладкого возмездия. – Пожалуйста.

– Что-что, прости?

– ПОЖАЛУЙСТА!

– Ну вот! – судя по голосу, он улыбался. – И незачем было так орать. Я и в первый раз прекрасно

слышал. Сейчас я подойду ближе, и можешь отпустить руки... Вот! – Горовой хлопнул ее по ляжке, и она с трудом удержалась от искушения брыкнуться. – Ловлю. Отпускай.

Айя попыталась последовать его совету, провалилась сантиметров на двадцать, чувствуя его руки у себя на заднице. Но мешал локоть больной руки. Она дернулась и почувствовала, как что-то ей уткнулись немногим ниже пояса.

– Руки убери! – завопила она.

– Это мое лицо, вообще-то, – глухо ответил Горовой и зашевелился. – Уберу руки – ты мне нос сломаешь... Вылезай!

– Не могу. Рука... Плечо, в смысле... – ей вдруг стало нестерпимо жарко, шею и щеки будто укусили тысячи пчел: до того все горело от стыда и неловкости.

Горовой что-то пробормотал, потом обхватил ее под колени и приподнял.

– Давай быстрее! – голос его был хриплым от натуги.

– Есть! – она прижала руку к себе, и он аккуратно спустил ее на пол.

Несколько мгновений она так и стояла, красная и растрепанная, уткнувшись лбом в его грудь. Ладно она запыхалась, ведь это ей пришлось висеть под потолком, но отчего-то Айе показалось, что и дыхание майора звучит прерывисто, а сердце стучит африканскими барабанами? Или это просто возраст? Интересно, сколько ему все-таки лет? Он женат?.. Вряд ли, раз звал ее домой.

– Ну что, ты довольна?! – прозвучал у нее над головой очередной колючий упрек.

– Хреновый из тебя рыцарь, – в тон ему отозвалась Айя. – Весь запыхался.

– Меньше надо есть, Винни.

– Меньше надо жмотиться, Горыныч, – она с вызовом задрала подбородок, чтобы взглянуть ему в глаза, и с удивлением отметила, что он смутился.

– Где ты это услышала?!

Да ладно?! Не она первая додумалась так его назвать? Значит, кличка – в десяточку. Ха! Горыныч! Майор Горыныч... Да, теперь она будет обращаться к нему только так.

– Налюбовалась? – он скептически изогнул бровь, и Айя поняла, что слишком долго стоит рядом.

Отскочила, будто кто-то из своих мог увидеть ее рядом со следаком, потеряла плечо, чтобы было, куда деть руки.

– Ну? – нарочито бодро спросила она. – Куда теперь идем? Кого кокнули?

– Ко мне везут на допрос Алиева, – майор помрачнел. – Хочу, чтобы ты взглянула, пока не подогнали адвоката.

Она поплелась следом с видом величайшего одолжения, хотя, по правде говоря, ее и саму распирало любопытство. Для нее все здесь было в новинку, она будто попала в самое настоящее кино: детектив, маньяк, душка-следователь... Хотя какой он душка! Старый и наглый ворчун! И дылда, к тому же!

Собственный дар вдруг перестал пугать. После ночи-допроса, когда она все выложила от и до, Айя будто взглянула на ситуацию со стороны. Ведь ничего такого ужасного! Наоборот! Кто еще может похвастаться уникальной способностью видеть насквозь маньяков и насильников? Да, неприятно. В смысле, это не то, на что хочется смотреть. Но кроме нее таких нет! Она может помочь кому-то, может даже, пожалуй, заработать... Только надо понять, как именно.

– Что там у нас, напарник? – лихо спросила она Горового и чуть не воткнулась носом в его спину, когда он резко остановился.

– Никогда так меня не называй. Ясно?

– О, кто-то решил сам поколдовать со свечкой? – Айя поджала губы.

Он наклонился к ней вплотную и выдохнул в лицо, окатив кофейным духом:

– Знай. Свое. Место.

– Да я хоть сейчас свалю, и...

- Я спрашиваю еще раз: тебе ясно?! - он взял ее за запястье здоровой руки, и хоть было не больно, она почувствовала, что вырваться не выйдет. - Мы не напарники и не друзья. Сто пятьдесят девятую никто не отменял. Твоих приятелей из перехода тоже. Если тебе на долю секунды показалось, что я не обойдусь без твоих фокусов, ты ошибаешься. Не путай любопытство и необходимость. Ясно?

- Да, - только и смогла буркнуть она.

- Теперь из-за тебя придется выкручиваться при адвокате... А это нарушение!

Глаза жгло от внезапной обиды. С чего он вдруг так взъелся? Сам ведь спокойно себя вел, когда она дрыхла в его кабинете, когда устроила классическую сцену в магазине... Откуда такая злоба? Айя ведь ничего плохого не имела в виду. Пришла и сама сказала: вперед, веди в камеру! А он...

- Заходи, - он пропустил ее мимо конвоиров в кабинет, где уже сидел подозреваемый.

Алиев был невысок, но внушал опасения, потому что мужской гормон из него так и пер. Чем-то он напоминал Вазифа, разве что выглядел чуть поинтеллигентнее. Айя настороженно изучала его издали: густые брови, под которыми тесно лепятся черные глаза, широкий рот, свитер с удушающим воротом...

- Сразу говорю: я ее не знаю! - с вызовом произнес Алиев, кивнув в сторону Айи. - Прекратите мне приписывать...

- Мой клиент не станет ничего подписывать!

Айя обернулась и увидела молодого парня с длинной и тонкой, как ножка поганки, шеей и неровной растительностью на подбородке. Бледно-серый костюм размера на два больше необходимого так органично сливался со стенами, что его обладателя трудно было заметить сразу. Забавно, раньше Айя считала адвокатов более ушлыми и наглыми...

- Успокойтесь, - Олег равнодушно взял со стола бумаги и углубился в их чтение, будто кроме него в кабинете никого не было.

- Я попросил бы не затягивать процедуру допроса, - снова подало голос будущее юриспруденции.

Олег поднял на него равнодушный взгляд, потом прошел к своему месту и указал Айе на стул напротив подозреваемого.

- Надеюсь, никто не против стажерки? - спросил майор, постучав бумагами по столу и отложив их.
- Девочка пишет курсовую по серийным убийцам.

- Я не... - возмутился Алиев.

- Спокойно, спокойно. Никаких лишних телодвижений... - Горовой зевнул, словно происходящее ему безразлично. - Может, покурить хотите?

- А что... можно? - насторожился Алиев и покосился на адвоката.

Тот неопределенно дернул плечами и кивнул.

- Другой разговор! - улыбнулся Олег, вытащил из ящика стола пачку сигарет и зажигалку. - Сам не курю: все для населения! - пояснил он и протянул физиотерапевту прикурить, выразительно глянув на Айю.

Зажег огонь так, чтобы ей было удобно смотреть на подозреваемого поверх пламени.

- Вы ведь врач? - брякнула она первое, что пришло в голову, чтобы он посмотрел ей в глаза.

Он затаился, в носу запершило от дыма... Его зрачки стали расширяться, превращаясь в два черных зеркала. Она расфокусировала взгляд, две поверхности слились в одну, появились осколки отражений. Айя видела женщину. Кричащую, напуганную... Она пыталась защититься от ударов. Зрелище заставило вздрогнуть. И все-таки жертва Алиева была жива. И она была на порядок моложе почивших старушек.

Айя отвернулась и отошла, с трудом скрывая выражение страха и брезгливости.

- Что такое? - Олег будто забыл про свои выкрутасы и теперь смотрел на нее, как ребенок на фокусника.

- Что вы делаете?! - возмущенно загундел адвокат. - Имейте в виду, каждое нарушение будет зафиксировано должным образом...

- На пару слов, - бросила Айя тем тоном, которым, в ее представлении, разговаривали работники следственного комитета.

Они вышли в коридор, оставив дверь открытой, и Горовой кивнул конвоирам. Отойдя метров на пять, майор остановился.

- Так что ты видела? - он нетерпеливо сунул руки в карманы.

- Женщину, - Айя подняла на него холодный взгляд. - Кажется, он бил ее. Даже не так: избивал. Но она сильно моложе.

- Может, еще хоть что-то? - с надеждой спросил Горовой.

- Извини, паспортных данных жертвы я не видела, - она чувствовала себя обманутой и ненужной.

Как ненадолго хватило его восхищения! Не каждый день встречаешь человека, способного разглядеть такое, а он уже принимает ее дар, как должное, да еще и требует большего! Она не виновата, что Алиев не убивал старушек! Или убивал...

- Слушай! - Айя окликнула майора, когда он уже собрался вернуться в кабинет. - Это ведь еще ничего не значит.

- Ну, как алиби я это к делу не приложу, если ты об этом.

- Да нет же... - она набрала побольше воздуха, чтобы снова не разругаться. - Я не знаю, откуда берутся мои видения. И почему я вижу именно это... Понимаешь?

- Пока не очень, - он скрестил руки на груди.

- Слушай, ну вряд ли Алиев совершил только одно преступление в своей жизни. Тут не нужен дар, чтобы его бояться. Не знаю, как ты, но лично я бы к нему не повернулась спиной в подворотне...

- Допустим.

- Так вот, может он их и убил. А я увидела что-то другое.

- Слабоватое утешение, - он тряхнул головой и взглянул на Айю, будто что-то взвешивая про себя. - Если честно, мне не кажется, что он виновен. Вообще-то я не руководствуюсь словом «кажется». Либо есть доказательства, либо нет. А тут вот мне не кажется... Бред какой-то. От тебя набрался, наверное, всяких глупостей...

И он дернул плечом так, будто не глупостей от нее набрался, а вшей. И Айю это задело. Вот прямо сильно задело. Да, она была не Бог весть, какая замечательная. Да, по сути, у нее не было своего жилья. И образования. И работы... Последние несколько дней. И все равно это не давало ему право разговаривать с ней, как с привокзальной шалавой.

А ведь и правда! Он словно боялся ее коснуться лишней раз! Думал, поди, что у нее блохи, сифилис, и вообще она никогда не моется. А спит с каждым встречным бомжом. Что ж, в этом Айя была виновата сама: нечего было на него вешаться тогда... Предлагать расплату натурой. Но хоть древнейшая профессия не была ее скрытым талантом, на тот момент Айя была готова на все, лишь бы не попасть на перо Вазифа. По сравнению с тем уродом сделка с майором выглядела вполне себе даже заманчивой.

Но сделки не вышло, а Горовой поставил на ней клеймо. Что ж, плевать. Ему еще будет стыдно, когда она покажет, на что способна.

Преисполненная решимостью, Айя зашагала к кабинету и захлопнула дверь перед носом у майора и конвоя. Она слышала, как за спиной щелкнула дверная ручка, как Олег что-то крикнул ей вслед, но она уже подскочила к Алиеву и протянула ему правую руку.

- Приятно было познакомиться, - выпалила она, пока до Горового не дошло, что она собирается сделать.

Алиев машинально поднял скованные наручниками запястья и обхватил ее кисть обеими ладонями.

- В чем дело? - адвокат вскочил и бросился к Алиеву.

- Не смей! - заорал майор, но Айя, сжав челюсти, изо всех сил крутанулась, вывернув больное плечо.

От боли искры из глаз посыпались, комната бешено завращалась вокруг. И из этой карусели Айя лишь на мгновение выцепила взволнованное лицо Горового, мстительно улыбнулась и отпустила

последний якорь.

Мельтешение картинок и лиц прекратилось, и Айя оказалась в комнате, щедро украшенной коврами. Они были всюду: на стенах, на полу, даже покрывало на кровати сильно напоминало ковер. И всех их украшали такие замысловатые узоры, что и без кружения начинало укачивать.

Алиева не было, лишь какая-то женщина со смазанным лицом колдовала над гладильной доской. Интересно, что надо сделать, чтобы видеть их лица? С плечом механизм понятен, хотя теперь рука, наверное, повиснет на ниточке, но может, есть еще какой-то секрет? Была бы какая-нибудь специальная школа, вроде как у Гарри Поттера... Жаль, в Москве Айя с такими способностями не волшебница, а псих.

Тем временем, женщина засуетилась, забормотала что-то на незнакомом языке: видно, испортила одежду. Айя пригляделась: на гладильной доске лежала шелковая рубашка. Мужская. Не ужас-ужас, но осталось пятно, словно кто-то приложил кусок сливочного масла. Если бы кто спросил ее, Айи, совета, она бы честно сказала: владелец рубашки должен только поблагодарить за это пятно. Потому что теперь он не будет похож на цыганского барона и сможет надеть что-нибудь более приличное и менее павлинье.

Однако женщина была безутешна. Она хваталась за голову, стонала и охала над несчастной тряпкой. И спустя несколько секунд Айя поняла, почему. В комнату вошел Алиев и овчаркой, натасканной на взрывчатку, бросился к рубашке. Видимо, рубашка была его гордостью, потому что он схватил ее, будто в нее был завернут младенец, поднес к глазам, а потом так истошно заорал на женщину, что Айе стало жутко.

Страх обездвижил ее, прибил ступни к полу, стиснул плечи, холодным кулаком взялся за позвоночник... Больше всего на свете Айя хотела перестать видеть и слышать. Но не могла. Один размашистый удар пришелся женщине по лицу, другой – по спине. Она подвывала и оседала на пол, а мерзавец Алиев продолжал бить наотмашь, куда придется. Когда женщина рухнула, он принялся колотить ее ногами, потом взял утюг и... И снова все бешено завертелось перед глазами.

Щеку обожгло крапивой, Айя моргнула и увидела Горового.

- Чем ты думала?! - прорычал он. - Ты же останешься калекой! Кто тебя просил заново выворачивать плечо?! Ты хоть представляешь, как долго я рассказывал этому придурку-адвокату, что у тебя эпилепсия?

- Где Алиев? - она подскочила и выпрямилась: майор снова посадил ее в свое кресло, а в кабинете никого, кроме них двоих, не было.

- Увели. Черт, Крюкова! Что у тебя с головой? - убедившись, что она снова в норме, Олег устало выдохнул и опустил на соседний стул. - Больше никогда...

- Я не знаю, убил он этих бабулек или нет, - жестко произнесла Айя. - Но сделай так, чтобы он сдох за решеткой.

13. Посторонним В.

Олег злился. Больше всего, как водится, на самого себя. Но поскольку на себя наорать довольно трудно, выбрал в качестве громоотвода сначала Крюкову, потом Савчука. Теперь лейтенант не показывался Олегу на глаза, а Крюкова изводила молчанием, от которого, казалось, даже движок машины нехорошо вибрирует.

– Куда ты прешь, придурок?! – взревел Горовой, когда какой-то таксист неосмотрительно вырулил сбоку, будто ехал по главной дороге. – Купят права... Уроды...

Взял телефон, сфотографировал номера нарушителя, чтобы дома отослать, куда следует. Но Айя и эту сцену встретила равнодушным безмолвием. Нет, вот ведь, какая зараза! Мало того, что без разрешения полезла выворачивать руку об Алиева, так еще и наотрез отказывалась говорить, что увидела.

Олег вез ее домой. К себе домой. В квартиру, куда предпочитал даже знакомых в гости не звать. Даже женщин. Даже коллег. Хотел заранее обсудить с Крюковой все правила, обозначить границы, но она свирепо надулась, а заговаривать первым было не в его стиле.

Где-то в недрах души майор понимал: он виноват перед Айей. Не стоило срываться на нее в коридоре, не нужно было ворчать после ее первого «сеанса» с Алиевым. Тогда бы она не рванула за второй порцией видений. Разумеется, извиняться перед девчонкой Олег не стал бы ни при каких обстоятельствах.

Как она выразилась? «Товарищ Мажор»? Думает, наверное, что раз он – москвич, то и живет в сталинке с панорамным видом, и ремонт дизайнерский, и простыни шелковые. Как теперь невзначай упомянуть, что позвал он ее в обыкновенную панельную каморку? Однокомнатную, к тому же? Да у него даже в холодильнике вряд ли найдется места для ее стратегических запасов колы. Санузел вот смежный, с этим как?.. Ладно, если обсудить график, распределить полки... Еще можно сосуществовать. Но спать?! Достать с балкона раскладушку? Так ей лет сто, наверное, провисает и скрипит... Шутка ли: со студенческих времен... А кресло-кровать так и не разу не раскладывал после покупки.

Нет, Айя даже не поворачивалась! А ведь он согласился приютить хонорика! Полукрысу, полукошку... Зверюшку, которая, судя по информации из Интернета, грызет все, что видит, и невыразимо воняет. И все ради чего? Ради любопытства. Словно вернулся в детство: нашел непонятную штуковину вроде презерватива в песочнице – чур мое! Нашел девицу, которая видит чужих жертв, – чур моя! Хотя Бог свидетель, проблем от начальства от нее может быть столько же, сколько и с презервативом – от мамы с папой.

Горовой припарковался на любимом месте прямо напротив подъезда. Жильцы старались не занимать этот карман, все знали, кто туда ставит машину. И это не имело ничего общего с уважением к доблестным блюстителям закона. Просто каждый, кто хоть раз пытался поспорить с Олегом, знал: избежал встречи с майором – получил еще пять минут жизни. Даже сейчас, в семь часов вечера, когда весь двор был плотно заставлен машинами простых тружеников, вернувшихся с работы, коронное место Горowego дождалось хозяина.

– Бери своего капитана, приехали, – сообщил Олег гостье, и снова в полнейшем молчании, достойном праведного отшельника, она вылезла и взяла клетку и рюкзак с заднего сиденья.

Любой другой даме он по-джентльменски предложил бы помощь, но с Крюковой достаточно было и того, что он привел ее к себе домой. Неприятное чувство, что-то среднее между изжогой и привкусом хозяйственного мыла, не покидало его до сих пор.

И вроде все шло неплохо: Калинин был рад, что может сообщить прессе что-то новенькое, четвертый труп только прибавил ситуации остроты. Одно дело – Алиева бы просто так нашли. Другое – задержали в аэропорту фактически по горячим следам. СМИ любят смаковать такое. А то, что подозреваемый не признался... Ну а кто бы на его месте признался? Словом, полковник был готов почивать на лаврах, с Горowego он временно слез, и все бы ничего... Но какую бы неприязнь Алиев ни внушал Олегу, майор ему отчего-то верил. Да, у мужика не было алиби. Но ведь и прямых доказательств не было! И Горовой попытался очистить совесть с помощью Айи. Вот только она не помогла.

Он шел к ней за спасительным вердиктом. Еще неделю назад не знал о ее существовании – а теперь хотел показать ей подозреваемого, будто она была одним из штатных экспертов-криминалистов. Если бы только она сказала, что видит в зрачках Алиева хоть одну мертвую старушку, ему уже стало бы легче. А вместо помощи он получил ноги Крюковой, свисающие с потолка.

Сколько он ее снимал? Несколько секунд! Совсем недолго она была прижата к нему всем телом, и этого несчастного отрезка времени хватило, чтобы вся его спокойная и налаженная жизнь полетела

под откос. И из-за кого? Из-за девчонки, которая лепит жвачки под стол?

Черт бы тебя подрал, Горовой! Именно сейчас?! Конечно, он разозлился. Что уж там, как с цепи сорвался! Но никакие увещевания, ругательства и размышления о дихотомии мужского и женского не помогали запустить кровь в обратном направлении. Не смог себя вовремя взять в руки, рывкнул на Крюкову, чтобы она не вздумала приближаться. Идея тащить ее домой теперь выглядела совсем тухлой, да еще и накануне выходных... Двое суток наедине в замкнутом пространстве... И почему на каждую попытку придумать вариант получше, гаденький внутренний бесенок так злорадно хихикал?

Они поднялись на шестой этаж, Олег отпер все три замка и галантно распахнул перед гостьей дверь, о чем в ту же секунду пожалел. Айя вошла в уличной обуви так спокойно, будто на ней уже были бахилы в три слоя. И не остановилась на коврик, нет! Прошагала в самый центр прихожей, поставила клетку на новый светлый ламинат и принялась не торопясь раздеваться. Перчатки. Шарф. Шапку. Куртку. Кофту! И только потом вспомнила про ботинки. Удивительно, что вообще вспомнила, а не прямо в них решила улечься в постель.

- Где моя комната? - она выпятила подбородок, и будь у Олега две комнаты, Айя наверняка бы не преминула хлопнуть дверь.

Горовой стиснул челюсти так, что вставь ему кто-нибудь перед этим в рот штангу, на металле точно остались бы глубокие отметины зубов. Нет, меньше всего майора заботили нежные чувства этой нахалки. Но он отлично понимал: отчитай он ее сейчас, как она того заслуживает, и девчонка ни за что не расскажет о своем видении. А вдруг там единственная зацепка? Ключ к разгадке? Подтверждение невинности?..

- Это однокомнатная квартира, - как можно спокойнее произнес Олег.

- Прекрасно. Значит, я должна спать в коридоре?

Ничего, что я тебе лебедя из полотенец не сложил и не украсил мятной шоколадкой? А ванной ты сможешь пользоваться, если туда не насыпать предварительно лепестков? А без шведского стола?..

- Был у меня один знакомый, - задумчиво сказала Айя. - Смотрел вот точно так же, как ты.

- И что?

- Внутричерепное давление у него было, вот что. Ты бы проверился... - она хмыкнула, перекинула рюкзак через плечо и подняла клетку. - Ладно, пойду переоденусь, вытяну ноги.

- Стой! - не сдержался Олег. - Сначала - мыть руки. Для рук - синее полотенце.

- Удивительно, что не для каждого пальца!

И она, игнорируя его слова, прошла в комнату.

- Чур диван мой! - донесся до него звонкий голос.

Звук льющейся воды обычно успокаивал майора. Сегодня ему пришлось провести у раковины минут пять, чтобы вулкан внутри немного остыл и перестал выбрасывать струи горячего воздуха из ушей. Однако стоило Олегу войти в комнату, пол снова закачался под ногами.

Клетка с хонориком стояла на журнальном столике. Прямо поверх подставок для посуды и бумаг, забытых позавчера. Клетка, которую Крюкова таскала по вокзалам и переходам. Олег не принадлежал к числу тех, кто боится микробов и все поверхности проверяет ватной палочкой. Но московское метро?! Господь всемогущий! На долю мгновения Горовому показалось, что это не клетка с хонориком, а заправский бомж свернулся клубочком на столе, куда Олег обычно ставил кружку кофе, блюдце с миндальными печеньями... Придется вызывать «чистильщиков», которые обычно убираются на месте убийства.

Пока он не сводил глаз с клетки, Крюкова в одних только джинсах и бюстгальтере стояла, нагнувшись, и без зазрения совести копалась в своем рюкзаке, выбрасывая ненужные вещи прямо на пол. Не прошло и пяти минут, как она освоилась здесь, рассекает в полуголом виде и даже не берет его в расчет.

- Чего уставился? - спросила она, поправив повязку на плече, и Олег осознал, что уже какое-то время так и стоит, не шелохнувшись.

- Я же попросил: вымой руки! И клетке здесь не место. И это... Накинь что-нибудь.

Она цокнула языком и глубоко вздохнула.

- И как ты еще не помер от занудства? - протопала мимо него прямо по собственному белью, на ходу натягивая красно-белую футболку, от силы пару секунд пошумела водой в ванной и вернулась обратно, демонстративно тряхнув перед его лицом ладонями. - Дай отдохнуть, а?

- Не припомню, чтобы ты сегодня много работала... - Олег с удивлением прочитал надпись на ее футболке. - Болееешь за «Спартак»?

- Я болею за каждого, кто даст мне переночевать, пожрать и бесплатную футболку, - она хмыкнула. - Давай уже порошок, чувствую, ты не слезешь, пока мы с капитаном не будем сверкать, как новогодняя гирлянда.

- Смотрю, твой дар прогрессирует.

- Ты зануднее мертвой старушки! Пойдем, Джеки. Нам тут не рады, - и Айя выпустила хонорика из клетки.

Олег рассчитывал, что она посадит питомца на поводок, возьмет на руки, в конце концов, но Крюкова просто пустила капитана в свободное плавание по квартире.

- С ума сошла?! А если он тут все мне загадит? Пометит, сгрызет?!

- Во-первых, у него есть горшок, - Айя указала на треугольную мисочку в углу клетки. - Во-вторых, ничего он не загадит, он лучший из всех мужчин, которых я видела. Кстати, чуть не забыла...

С этими словами Крюкова запустила руку в горшок, хорошенько там покопалась и вытащила сложенные купюры. Отряхнула, - Господи, ты это тоже видел?! - прямо над ковром и пихнула в задний карман.

- И нечего подсматривать, у меня все посчитано, - предупредила она майора, пока Джек исследовал диван: прыгал по спинке, подлокотникам, нырял между подушками и выныривал в другом месте...

План компромиссного сосуществования рухнул, осыпался мелкой пылью. Олегу невыносимо захотелось схватиться за голову. Моргнуть изо всех сил, чтобы потом открыть глаза и понять: все это было сном. Но нет. Красноволосая девица стремительно обживалась в его квартире, и что делать дальше, Горовой не представлял.

Крюкова все же отдраила клетку, пусть и оставив в ванной серые подтеки, вымыла зверька, который, несмотря на пиратскую кличку, к воде отнесся без энтузиазма и насквозь измочил знамя «Спартака», чем только подстегнул работу неумного мужского воображения. Потом Айя все же приняла душ сама, избавив Горового от необходимости напоминать ей об этом.

Гардероб у Крюковой оказался довольно скудным, и Олег так и не понял, по какому принципу она отделяет грязные вещи от чистых. Когда Айя попыталась выбрать новую футболку по запаху, майор забрал у нее всю охапку, швырнул тряпки в стиральную машину, а гостье выдал одну из своих старых рубашек.

Ведь говорят, что женщина может из ничего сделать салат, скандал и халатик. Закатав рукава, затянув на поясе широкий ремень, она продефилировала в кухню, будто рождена была поражать публику достоинствами своего юного тела. По крайней мере, сегодня ей это удалось.

- Что видела тогда, без сознания? - осторожно поинтересовался Олег, когда Айя насытилась макаронами с сыром и принялась задумчиво вырисовывать узоры на пустой тарелке.

Она размякла, осоловела и, по расчетам Горового, должна была выдать, наконец, нужную информацию на раз-два. Однако услышав вопрос, Крюкова резко вздернула голову и впиалась в него острым взглядом.

- Все не успокоишься?

- Я должен знать, - произнес он тем тоном, которым обычно успокаивают буйных.

- Ты пойми... - она откинулась на спинку, изучая Олега, будто впервые. - Тебе это ничего не даст.

- Риски.

С минуту она сверлила его глазами, вызывая стойкое моргнуть или отвернуться, но Горовой терпеливо ждал. И терпение было вознаграждено.

- Он бил женщину. Видимо, свою жену. Зверски избивал. И, кажется, пытал утюгом.

- Это было то же видение, что и со свечами?

- Да, - ее взгляд, наконец, переместился в сторону, и Олегу даже дышать стало легче. - Только я оказалась там. В его квартире. Сразу скажу: женщину опознать не смогу. Но квартиру - да.

- Если он пытал ее утюгом, на ней должны остаться следы и без твоего опознания.

- Понимаешь... - Айя закусила нижнюю губу. - Я не очень верю в ваше это правосудие. Ну, типа... Вы сажаете, конечно. Но человек потом выйдет, и будет еще хуже. Она его жена. Черт ногу сломит в этих мусульманских тонкостях... Только ведь у них от мужей не уходят, разве нет? Он решит, что это она его сдала. И просто на ремни разрежет.

- Это ты тоже видела?

- А ты разве не видишь? Зачем тебе видения, если у тебя есть глаза? Он ее за пятно на рубашке чуть калеккой не сделал. А что будет за тюрьму? Сколько там ему дадут? Два? Пять? Ну, семь...

- Больше, - Олег вздохнул и встал, чтобы собрать грязные тарелки. - Ему хотят вменить старушек. А это уже тянет на вышку.

- Ты же понимаешь, что это не он? - Айя порывисто вскочила и схватила майор за локоть. - Он - зверь, но ведь это не он!

- А ты знаешь наверняка? - место, где она его коснулась, жгло, будто он сунул руку в заросли крапивы, но Олег старательно делал вид, что ничего не произошло.

- Нет. А ты - знаешь.

И снова этот взгляд, который все внутренности выворачивает наизнанку.

- Я знаю только то, что могу доказать, - Горовой отстранился и отошел к раковине от греха подальше. - Ты сама говоришь, что не можешь ни подтвердить, ни опровергнуть.

- Вот как мне понять, откуда это все берется? - она постучала пальцем по голове. - Было бы легче, если б ты сразу сдал меня в дурку. А раз ты веришь... То и мне приходится. И почему я вижу, например, именно эту жертву, а не другую? Вот представь: старушек тоже он... Того... Убил, короче.

- Допустим, - Олег завязал за спиной фартук, что вызвало очередную гримасу недоумения. - Да, я зануда. Так что с Алиевым?

- Так вот, почему я видела именно жену, а не их? Ведь по идее убийство - более тяжкое преступление, разве нет?

- Я пока пытаюсь переварить, что ты вообще кого-то видишь. А ты спрашиваешь, почему, - он потер лоб запястьем, чтобы не намочить волосы. - Может, ты видишь те преступления, которые были наиболее болезненными для жертвы? Или при которых был зрительный контакт... Потому что даже если он - наш Раскольников, то старушки перед смертью могли его даже не увидеть. Просто раз - и темно. Никаких страданий. Я сам чувствую себя психом, когда рассуждаю об этом... - он тряхнул головой. - Но может, твой дар - чувствовать страдания, которые кто-то причинил?

- Поди знай... - она потерла плечо и поморщилась. - Теперь вообще никогда не заживет.

- А кто тебя просил...

- Только не начинай! Я не жалуясь. Просто... У тебя нет таблеток или мази? Или пластырей специальных? Футболисты только ими и спасаются.

- Кто из нас двоих целительница: ты или я?

- Смешно, да.

- Растеряла флакончики с нимесулидом?

- Ха-ха. Все сказал? - она поджала губу. - Тогда я спать. Это ведь можно?

- Ладно, не дуйся, - Олег выключил воду и вытер руки. - В холодильнике был меновазин.

- Без понятия, что за хрень, но если поможет - валяй.

Он открыл холодильник, вытащил знакомый темный флакончик.

- Эффект такой же, как у гелей, а стоит раз в десять дешевле, - протянул ей, сам не понимая, зачем сумничал.

- Тебе бы в продавцы, а не в следователи... - Айя хмыкнула, моментально открыла крышечку и

взялась зубами за пробку.

- Стой! Только не суй в рот!

Но было поздно. Она уже отплевывалась и делала разминку для губ, как диктор перед скороговоркой.

- Вяжет... - выдавила она в паузе между чудовищными кривляниями.

- Давай сюда, - Олег вырвал у нее пузырек, развернул ее нужным боком и замялся, подбирая слова.
- Плечо это... Оголи, что ли.

Недолго думая, она рванула рубашку, и пуговица с тихим стуком упала и покатилась под холодильник.

- Упс... - Айя виновато дернула обнаженным плечом. - Завтра пришью.

Он видел разных женщин. И если бы сейчас всех их выставить в ряд в одинаковых купальниках с номерками, то ни он сам, ни опытное жюри конкурсов красоты не перекинули бы через эту цыплячью шейку ленту победительницы. А вот сейчас Олег стоял, смотрел на маленькое белесое плечико, и в груди все сжималось. И от непривычного чувства жалости, и от внезапной потребности кого-то обнять. Покровительственно, сверху. Как будто укрыть руками. Уберечь, защитить... Одно это острое плечико с большим синяком, чуть припухшее с одной стороны от падения и от того, что она так сильно хотела его впечатлить...

- Ты долго будешь так стоять, Айболит? - издевка в ее голосе обожгла пощечиной: Олег и сам не заметил, что все это время не шевелился.

- Сама мажь, - он неловко ткнул склянку обратно ей в руки, расплескав пару капель, и по воздуху разлился ментоловый холодок.

Раздраженный, Олег сбежал то ли от нее, то ли от себя в комнату. Оттащил кресло-кровать в дальний угол и развернул его спинкой к двери, чтобы хотя бы так отгородиться от назойливой девицы. Да, он уступил ей диван. Даже лично застелил его. Но вовсе не из рыцарских побуждений, а потому, что она сама все бы сделала неправильно. Ее нельзя оставлять здесь надолго. Ни при каких обстоятельствах. Надо что-то выяснить насчет общежитий, пробить по знакомым. Одолжить ей, в конце концов, денег, попробовать натравить полицию на этих попрошаек... В общем, сделать все, чтобы как можно быстрее выселить ее.

Горовой смертельно устал. Из-за Крюковой не спал всю прошлую ночь, да и день выдался тяжелый... И Олег не сомневался: стоит ему коснуться головой подушки, пусть даже на узком и коротком кресле, как он моментально уснет. Выключил свет, не дожидаясь ее прихода. Забрался под одеяло, как самый настоящий трус, и улегся на левый бок - так он засыпал всегда.

Однако как только из коридора послышалось шлепанье босых ног, сон улетучился, словно Олег уже проспал часов двадцать. Куда она дела тапочки? Неужели собирается ложиться с грязными ногами? Нет, он прошелся моющим пылесосом... Но это же не гигиенично!

- Не спишь? - он услышал, как под ней скрипнул диван.

Промолчал, надеясь, что ей хватит чувства такта улечься молча. Хотя... С чего бы?

- Да ладно, я же слышу, как ты дышишь, - снова сказала Айя, всласть навозившись с одеялом.

- По-твоему, люди не дышат во сне?

- Дышат, но совсем по-другому... Слушай, я хотела тебе кое-что сказать... После этих видений с плечом у меня были вещие сны.

- А это ты как проверила?! - он приподнялся на локте.

- Они сбываются сразу, как только я проснусь. Тогда в твоём кабинете... Мне снилось, что ты привез меня на место преступления смотреть старушку. До этого тоже так было.

- То есть, сейчас ты должна тоже что-то увидеть? - Олег выглянул из-за спинки кресла и увидел, как поблескивают в темноте ее глаза.

- Не знаю. По идее - да. Ладно, извини, что дергаю все время, - она моргнула и отвернулась, накрывшись одеялом почти с головой. - Спокойной ночи.

Спокойной ночи? Правда?! Она действительно думает, что человек, получив такую информацию, сможет спокойно уснуть? То есть в эту самую минуту она, может быть, уже погружается в вещей

сон, в котором увидит свое или даже его, Олега, будущее, а он должен просто спать?

Горовой всегда считал бессонницу надуманной проблемой. Человек, который достаточно работал днем и устал, выспится ночью. Только вот теперь майор и сам, проработав двое суток подряд, лежал с раскрытыми глазами, слушал, как сопит Айя, и не мог ничего с собой поделывать. Мозг перешел в режим чрезвычайной ситуации, и теперь только искусственная кома могла бы дать ему отдохнуть.

Промучившись два или три часа, Олег взялся за телефон. В голове роились вопросы, и он решил переадресовать их всезнающим поисковикам. Гуглил все подряд: «ясновидение», «экстрасенсы реальные случаи», «исследования по экстрасенсорике», «вещие сны»... Но раз за разом приходил на эзотерические сайты, не внушающие никакого доверия. Ведь не может же быть Крюкова единственной в своем роде! Если дар есть у нее, значит, есть еще люди с подобными проявлениями...

Время близилось к пяти часам утра, когда Олег, отчаявшись и уже не рассчитывая ни на что путное, просто забил в адресную строку «Крюкова Айя Сергеевна». Результаты заставили Горового сесть и недоверчиво потереть глаза. «Крюкова Айя Михайловна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии личности», – гласил интернет. На фотографии была пожилая дама, – именно дама, по-другому язык не поворачивался ее назвать, – в очках и с надменно поднятым подбородком. То ли это выражение лица, то ли форма носа... Но Крюкова Айя Михайловна сильно напоминала ту, другую Айю, которая в эту самую минуту дрыхла на диване Олега, раскинувшись, как морская звезда.

14. Всем по бабушке

Айя и не помнила, когда в последний раз так хорошо спала. Диван оказался в меру мягкий, а места на нем... Не то, что массажный стол в салоне у казахов. И уж получше, чем присоседиться к пухлому Мише, который храпит и наваливается всей массой. А главное – никаких ужастиков. Ей снилась просторная светлая комната, где много книг. Старых и пахнущих библиотекой. Большой деревянный стол, вазочка с эклерами – и все. Никакого сюжета. Поначалу Айя оглядывалась по сторонам, пыталась выяснить, в чем подвох и кто хочет на нее напасть, заманив сладким. Но было тихо, только мерно тикали большие часы с шишками на цепочке. И она сидела на стуле, шевелила пальцами ног и уплетала эклеры со сливочным кремом. Сон был такой явственный, и, проснувшись, Айя обнаружила, что по щеке стекает струйка слюны. Если вещие сны будут такими и дальше, то к дару вполне можно привыкнуть...

– Проснулась? – военный оклик Олега прозвучал, как пинок кирзой под зад. – Вставай, есть дело.

– Только не говори, что сегодня снова надо разглядывать трупы. Разве по субботам вы не отдыхаете?..

– А что, ты опять видела труп во сне?! – он относился к ее видениям с такой забавной серьезностью, что Айе временами казалось, будто она нарочно дурит ему голову.

– Нет. Я видела эклеры.

– Значит, сегодня – мимо. На завтрак геркулесовая каша, потом мы едем по делам.

– Да ты издеваешься! – она уткнулась в подушку и вцепилась здоровой рукой в подлокотник дивана на случай, если бы майор захотел бы вытащить ее из постели за шкирку. – Играешь в английского детектива? *Овсянка, сэр...* И что за дела не дадут мне повалиться?

– Сначала – умойся и оденься. Твои штаны и футболка – на стуле. И тапочки не забывай, пожалуйста.

Айя села, чтобы огоршить майора парой ласковых, но слова застряли у нее в зубах. Он выглядел не просто уставшим – больным. Лицо приобрело землистый оттенок, под глазами чернели отпечатки демонических копыт, щетина отросла. Только не так, как у ковбоя из вестерна, а как у типичного рыбинского алкаша. И только безумный взгляд выдавал человека, которого осенило.

Решив не нарываться на новую бурю, Айя послушно выполнила все указания Горыныча. Он, видимо, сам себя считал строгим и уравновешенным, а на деле оказался жутким психом с пунктиками на тему чистоты. То вдруг искренне интересовался способностями Айи, то смотрел на нее так, что сосало под ложечкой. И все же, несмотря ни на что, ему хотелось доверять. Как бы он ни шумел и ни рычал, внутри он был добрым, честным и даже, пожалуй, наивным.

– Так и быть, наваливай свою овсянку, – миролюбиво пропела Айя, усевшись за стол и сложив руки, как первоклассник. – Что не давало тебе спать сегодня?

– У тебя есть бабушка? – огорошил он с ходу.

Она внимательно посмотрела на него, ожидая, что он засмеется, ткнет в нее пальцем и скажет что-то наподобие «Классика, бро!» Но он пялился на нее серьезно, как никогда.

– Не в курсе, – неохотно ответила Айя. – То есть явно моих родителей кто-то родил... Выродил, я б сказала. Но кто – понятия не имею. Хотя... – она напряглась, мучительно вспоминая. – Кажется, мама что-то говорила про свекровь. Ну, вроде та – злобная тварь... Могу сейчас путать слова, но ты понял, что к чему.

– А ты не спрашивала, почему тебя так называли?

– Одна соседка говорила, что отец ужрался до такой степени, что не смог в ЗАГСе выговорить слово «Аня». Мама что-то упоминала... В честь кого-то... Почему я знаю? Может, какая-нибудь жена Ленина... А что за «Кто хочет стать миллионером» с самого утра?!

– Кажется, я нашел твою бабушку, – с торжественным видом сообщил Олег.

– И что с того? Я не собираюсь ее нянчить, – Айя равнодушно повела плечом.

Ей стоило немалого труда сохранить невозмутимое выражение лица. Бабушка... Биологическая мать биологической матери, если уж на то пошло. Женщина, которая ни разу не появилась в ее жизни. Не забрала к себе, когда родителей лишили прав. Не вмешалась, когда те не просыхали и водили домой дружков-насильников. Бабушка? Бабушки пекут пироги, утешают и балуют. А не живут где-то сами по себе в неизвестности. Пусть теперь даже не рассчитывает на помощь, глоток

воды и вставную челюсть на блюдечке.

- Ваши отношения меня не интересуют, - Горовой пододвинул стул и оседлал его лицом к спинке. - Сама посуди: ведь твоя способность может быть наследственной! Не знаю, насколько это правда, но везде пишут, что всякие магические штуки передаются через поколение. То есть - от бабушки.

- И как ты себе это представляешь? Приду к ней и скажу: «Я - ваша внучка»?- Айя закинула в рот ложку склизкой каши. - Господи, ты еще и язвенник...

- У нас работа такая. У каждого старше пятидесяти язва. Профилактика, между прочим...

- По фигу, - раздраженно отмахнулась она: занудство было хуже каши. - Зачем ты искал мою бабушку?

- Нашел случайно. Уже договорился о встрече в одиннадцать. Так что скоро выходим! Да ты не волнуйся, - он сжал ее запястье, и от прикосновения его пальцев стало тепло. - Я буду рядом. Прослежу, чтобы она не запудрила тебе мозги, если вранье у тебя тоже генетическое. Могу говорить сам, чтобы ты не сболтнула лишнего. Ну и вообще... Она - доктор психологических наук, представляешь?!

- Ну ясно... - она отдернула руку и потерла запястье, будто освободилась от наручников. - Зануды притягиваются...

- А еще ее зовут Айя. Наверное, тебя назвали в ее честь.

Прекрасно. Бабке сделали подарок, чтобы ей было не одиноко с именем, которое больше похоже на цирковой клич дрессировщика, а она... Плевать она хотела и на детей, и на внуков.

Всю дорогу в машине Айя пыталась представить себе встречу. Как себя вести с человеком, который вроде и родственник тебе, а вроде - чужой? Предатель, к тому же. Плкнуть в лицо с порога или сначала усыпить бдительность? Держаться холодно и презрительно? Примерно так ведут себя официанты из дорогих ресторанов, когда туда приходит кто-нибудь в джинсах... А если бабушка и сама из тех, кто задирает нос? Вдруг она богатая и решит, что Айя хочет отжать наследство? Или вообще не поверит в родство? Заставит делать тест... Да пошла она! Пусть только попробует, и больше они никогда не увидятся.

И вообще. Может, Олег ошибся. Может, никакая она не родственница. Ну как так может быть, что вся из себя ученая докторша произвела на свет алкаша-сына? И что он делает в Рыбинске, если его мать живет не где-нибудь, а на Проспекте Вернадского? Не Кутузовский, но тоже полно коренных снобов.

Чем ближе они подъезжали, тем сильнее Айя убеждалась в последней версии. Старый дом, высокий... Лекс, когда устраивал ей короткие экскурсии по столице, рассказывал, что в таких домах селили профессуру. Тем более, рядом МГУ... И точно: видно высотку. Наверняка, противная до ужаса старушенция.

Олег, казалось, чувствовал, что Айю раздражают сомнения, и периодически поглядывал на нее, готовый к броску. Но нет, она не настолько боялась какой-то там бабушки, чтобы выпрыгнуть из машины на полном ходу.

С трудом отыскав место для парковки, они вылезли на мороз и синхронно задрали головы: затерянная родственница проживала на предпоследнем этаже. Лифт был древний, с двумя дверями: сначала железная с ручкой, потом - обычные, раздвижные. И шахта, затянутая пыльной сеткой...

- Если что, сам виноват, - тихо предупредила Айя, как только кабина с грохотом остановилась у нужного этажа.

- Все под контролем, - он, даже не обернувшись, шагнул на лестничную клетку и атаковал кнопку звонка.

В глазке мигнул свет, и до Айи донесся чопорный женский голос:

- Кто?

- Я звонил по поводу консультации...

- Да-да, - щелкнул замок, потом другой, и дверь распахнулась. - Проходите, пожалуйста.

Перед ними стояла женщина, меньше всего похожая на классическую бабушку. Пожалуй, за все время работы со старушками Айя ни разу не видела таких: вся подобранная, с модной короткой стрижкой на седых волосах. И ни фиолетового оттенка, ни хны, ни пучка. Старшая тезка Айи была схожа с ней не только именем, но и телосложением: невысокая и худощавая, она при этом

держалась совершенно иначе. Осанка наводила на мысли о балете, черная водолазка только подчеркивала фигуру, не тронутую возрастом. Если бы Айя увидела свою предполагаемую бабушку со спины, то никак не дала бы ей больше сорока, а седину приняла бы за специальную краску.

- Тапочки для посетителей - на этой полке. Не волнуйтесь, все продезинфицировано, - сообщила хозяйка, и Айя даже засомневалась: ее это бабушка или Олега?

Проводив гостей в комнату и жестом пригласив их сесть за широкий деревянный стол, дама устроилась в огромном кожаном кресле: спинка была настолько высокой, что сзади нельзя было бы разглядеть, сидит кто-то в нем или нет. Айя с удивлением огляделась, отметив книжные шкафы из своего сна и часы с шишками. Не хватало только эклеров.

- Перед вами - Крюкова Айя Сергеевна. Двадцать один год. Место рождения - Рыбинск, Ярославская область, - монотонно выложил майор без лишних церемоний. - Вам это о чем-то говорит?

- Полагаю, вы и сами знаете ответ, - ответила дама хладнокровно. - Иначе бы вы сюда не пришли. Встречный вопрос: зачем?

Айя дернулась вперед, чтобы высказаться от души, но Олег предупредительно накрыл ее ладонь своей. «Сиди смирно», - говорил его взгляд. И она невольно подчинилась, пообещав себе, что идет на поводу у майора в последний раз.

- То есть, вы признаете, что эта девушка - ваша внучка?

- Скорее да, чем нет, - Айя Михайловна коротко оглядела гостью и пожала плечами. - Сходство некоторое есть... Без анализов судить трудно, но я рискну. Действительно, у меня был сын Сергей.

- Он жив! - не стерпела Айя-младшая.

- У меня был сын Сергей, - повторила дама с нажимом. - Он путался с неподходящей компанией, из института вылетел. Встретил... Маргиналку из Рыбинска, и дальше наши пути разошлись. Он звонил, когда у него родился ребенок, пытался разжалобить и выпросить денег... На этом все.

Айя сжала зубы. Ох, если бы не майор... Уж она бы высказала все, что думает! Марган... Как там? Это тянет на серьезное оскорбление. Нет, ну до чего же удобно эта тетка все придумала. Не та компания - и сразу «пути разошлись». И она такая в белом пальто красивая... Ничего, однажды и тебе понадобится помощь. И вот тогда похочем...

- Если это все, за чем вы приходили... - начала было Крюкова-старшая.

- Нет, Айя Михайловна, не все, - жестко прервал ее майор. - Я видел ваши работы. Психология манипулирования, исследования людей, которые мнят себя экстрасенсами... Вы ведь не просто так посвятили этому жизнь?

- На что вы намекаете?

- Вы знали, что подобные способности существуют. Искали тех, кто обладает ими.

- Я их разоблачала, - Айя Михайловна изогнула бровь. - Не путайте, пожалуйста.

- И все же отчаянно стремились найти того, кто не лжет, - напирал Олег, и даже Айе стало не по себе. - Потому что знали точно: есть люди, которые могут больше.

- Что за глупости?! Догадки, основанные на вашем больном воображении... - возмущение доктора наук было буйным, но фальшивым: выражение лица стремительно менялось от озадаченности до гнева и кривой усмешки, будто женщина сама не могла выбрать, на чем остановиться.

- Вы знали это наверняка, Айя Михайловна. Потому что сами обладали похожим даром.

- Это бред! - она вскочила, и ее голос задребезжал от напряжения. - Уходите немедленно. Такие проблемы должен решать психиатр, а не психолог!

- Так это правда... - протянула Айя, не веря своим глазам. - Вы тоже видите осколки...

- Какие осколки? - молодежавость и подтянутость куда-то делись, уступив место старческой усталости. - И что значит «тоже»?

- В зрачках людей... Если смотреть над огнем... - на мгновение Айе показалось, что она ошиблась и зря начала выкладывать подноготную. Повернулась к Олегу: он коротко кивнул. Снова взглянула на потенциальную бабушку - та побледнела, медленно опустилась в кресло, и все вдруг встало на свои места. Появилась уверенность в собственной правоте. - И не вздумайте отнекиваться! Вы тоже их

видите!

- Не может быть... - обескровленными губами бормотала пожилая профессорша. - Этого просто не может быть...

- Ты был прав, майор, - решительно произнесла Айя и встала. - Она моя родственница, и способность - ее фиговое наследство. Только вот пользы от этого - ноль. Пойдем, не хочу здесь больше находиться.

- Стой! - хором воскликнули Олег и профессорша, обменялись взглядами, и Горовой уступил даме право голоса.

- Стой... - уже тише повторила Айя Михайловна. - Это правда. И... Нам стоит поговорить, по меньшей мере. Я не понимаю, что ты называешь осколками, но если ты можешь видеть больше... Извини, мне нужно прийти в себя. Присядь, я подам чай.

- С эклерами? - Айя отрешенно посмотрела на профессоршу.

Та помолчала какое-то время, потом вздохнула.

- Да, нам определенно стоит поговорить, - сказала она и вышла.

Айя осталась наедине с майором в тишине, нарушаемой цоканьем часового механизма. Измерив шагами весь кабинет, бесцельно проведя пальцем по плотному ряду книжных корешков, она села на подоконник.

- Зачем мы здесь? - выпалила она, когда молчание майор стало невыносимым.

- Не заставляй меня разжевывать очевидное.

- На что ты рассчитываешь? - Айя стало не по себе, и она перешла в нападение. - Думаешь, сейчас нам откроют тайну? Жуткий секрет? Думаешь, она расскажет про людей Икс, и меня заберут в специальную школу?

Олег продолжал смотреть на нее без выражения, ничего не отвечая. Не выдержав, она вскочила и снова принялась метаться по комнате.

- Вот значит как, да? - бормотала она себе под нос. - Я для вас - эксперимент. Ты до смерти хочешь посмотреть, как меня будут учить всяким ништякам, а она сделает из меня... Не знаю, фрика какого-нибудь. Хочешь, чтобы я по щелчку научилась находить тебе убийц, да? А она... Ты вообще видел ее? Ты когда-нибудь видел таких старушек? Может, у нее суперспособность... Я не знаю... Летать? Или как у этого... У Росомахи...

- Все сказала? - на скулах Олега шевельнулись желваки. - А теперь сядь, возьми себя в руки, и давай послушаем, что она скажет.

- Как просто! - хмыкнула Айя, но все же села. - Послушаем... Ты же не знаешь, с кем она имеет дело. Может, она загипнотизирует нас и все. А вдруг она вытягивает энергию из других людей? Ну типа вампира, только энергию...

- Нет, не вытягиваю, - профессорша вернулась в кабинет так тихо, что ее спокойный голос заставил Айю вздрогнуть и вцепиться в стул.

А хозяйка, тем временем, поставила перед гостями поднос с прозрачным стеклянным чайником, чашками, эклерами и деревянными коробочками безо всяких опознавательных знаков.

- Я не взяла на себя смелость заварить свой любимый сорт чая, поэтому выбирайте, - Айя Михайловна приоткрыла ящички. - Здесь зеленый. Сорта разложены по алфавиту. Здесь черный. Здесь травяной: пожалуйста, ромашка, липа, мелисса...

Такая долгая презентация каких-то чаев, когда в воздухе висели неразрешенные вопросы, вывела Айю из себя окончательно. Ее так и тянуло смести все со стола и дать деру, но Олег, будто почувствовав ее настрой, перехватил ее взгляд и медленно покачал головой. Тогда Айя свирепо запыхтела и, чтобы не брякнуть лишнего, сунула в рот эклер. И это было самое приятное, что случилось с ней за день. То есть она любила, конечно, пирожные, как и все нормальные люди, но этот крем... Кто знает, на что бы она пошла ради него.

- Чтобы тебе было проще, я расскажу о себе, - начала профессорша, выудив себе блестящий пакетик из ящичка с травяными чаями. - Смородиновый лист с цедрой апельсина. Очень тонкое сочетание...

Айя заморожено наблюдала, как расплываются зеленоватые щупальца от пакетика в кипятке.

- Я знаю, признаться в подобном нелегко, - продолжала Крюкова-старшая, сделав маленький глоток. - Учитывая, что за мной... должок, если можно так выразиться, начну первой. Я не признавалась в способностях никому. И если честно, мне до сих пор не верится, что я собираюсь это сказать по сути первым встречным... Но я так же понимаю, даже чувствую, что если надавлю сейчас, ты уйдешь.

Айя склонила голову набок, всем своим видом показывая, что готова слушать, но уши развешивать не собирается.

- Дай руку, - попросила профессорша.

Переглянувшись с Олегом и получив его молчаливое одобрение, все же протянула руку ладонью вверх, как на приеме у хироманта, хотя касаться этой женщины отчего-то не хотелось.

- Нет, в линии жизни я не верю, - усмехнулась профессорша и крепко сжала пальцы девушки на удивление цепкой и сильной рукой.

Айя дернулась от неожиданности, но та держала ее, как ястреб свою добычу.

- Смотри в глаза! - едва слышно прошептала хозяйка, и этот шепот отчего-то звучал так, будто к ушам Айи приставили динамики.

Она подчинилась и почувствовала, что теряет контроль над телом. Руки, ноги - все вдруг стало одной безвольной тряпкой. Она видела только лицо человека перед собой. Острые серые глаза. Казалось, женщина держит ее не за руку, а за горло: от давления начало подташнивать, захотелось обмякнуть и сползти на пол. Айя пыталась собрать мысли в кучу, отдать приказ своим конечностям, но не могла, в голове все разъезжалось, как ноги человека, впервые вставшего на коньки. Пульсировало только одно слово: «Олег, Олег, Олег...» Она произнесла это вслух? Или только послышалось...

- Я вижу рыжие занавески, - сказала, наконец, профессорша, и уже от этого звука Айе стало чуть легче. - Шкаф. У него вместо одной ножки - книги. Целая стена сделана из яичных коробок.

Айя будто снова оказалась в родительской квартире лет десять назад. Все всплыло в памяти в мельчайших подробностях. Каждая розочка на выцветших обоях, каждая шероховатость на самодельном комод... И стена из яичных коробок. Соседи жаловались на шум, и отец обклеил ее пустыми ячеистыми картонками для звукоизоляции.

- Ты отгородила себе шкафом угол, - профессорша была болезненными воспоминаниями, как кнутом. - Вижу, ты сидишь на полу с уроками. Надела на голову подушку и затянула ремнем... Они кричат. Пьют. Снова. Сергей, эта... Твоя мать. Дружки...

Айя дернулась, вырывая руку, но ничего не вышло.

- Не сбивай! Ну вот... Пропало... нет, что-то есть... Другое место, - женщина прищурилась. - Да. Зеленые стены, на потолке треснула штукатурка. Похоже на жирафа...

Да, каждый вечер перед сном в детдоме Айя смотрела на этого жирафа. Нет, в коридорах были какие-то рисунки: Айболит, Гулливер... Отвратительные и пугающие. А жираф на потолке задумчиво брел из угла к окну...

- Вижу девочку рядом с тобой. Рыжую... Она уже умерла. Что с ней было?

- Пневмония, - прохрипела Айя, не узнавая собственный голос.

- Со-ня... - медленно, будто читая по слогам, произнесла профессорша. - Ее звали Соня. Лагерь? Больница?

- Детский дом.

На сей раз дернулась Крюкова-старшая. Отпустила руки и отшатнулась так резко, словно уворачиваясь от боксерского удара.

- Ты же сказала, он жив... - пролепетала она.

- Лишение прав. Сейчас в тюрьме, - без выражения пояснила Айя: не собиралась она разводить нюни перед новоиспеченной бабулей.

- Прости...

Слишком просто, разве нет? «Прости» - и все улажено. Как удобно! Всю жизнь делаешь, что тебе вздумается, а потом: «Прости!» - и готово. И бегом под ручку в закат.

- Что все это значило? - вмешался майор, и Айя поняла, что вообще забыла о его присутствии.
- Она тоже видит, - сипло сказала она, старательно глядя Олегу в лицо, чтобы не смотреть на бабушку. - Не так, как я, но все, что она называла... Все это из моей жизни.
- Я понимала, что не могу быть единственным обладателем такого дара. С точки зрения эволюции... Это нецелесообразно, - профессорша говорила громко, но казалось, она обращается не к кому-то конкретно, а просто бросает слова в воздух. - Я искала научное объяснение. Искала других людей... Подошел бы кто угодно. Телепатия, усиленная эмпатия, прекогниция...
- Что? - переспросила Айя.
- Предвидение, - бабушка моргнула и повернулась к ней. - Но все, как один, были шарлатанами. Или я не там искала... Да, очевидно, не там. Если способность имеет генетическую природу, то наследственность - первое, что должно было прийти в голову... И как я могла упустить...
- Хотите сказать, вы не встречали людей с даром? - поинтересовался Олег.
- Нет. До этого дня - нет.
- А ваша способность... Она была такой с самого начала? Я имею в виду... - он замялся, подбирая слова. - Это производит впечатление. То, как много вы увидели... И подробности... Это у вас с детства?
- Нет, конечно, - покачала головой профессорша. - Сначала это было нечто стихийное, неуправляемое и обрывочное. Я, признаться, думала, что схожу с ума. Но потом попыталась подойти к этому с другой стороны. Тренировалась, развивалась... Насколько я могу судить, достигла определенного прогресса, хотя, конечно, мне не с чем сравнивать. Но лет... Лет пятьдесят назад, я бы не сказала и десяти процентов из всего этого. Мои видения были тоже фрагментарны... Ты поэтому называешь их осколками?
- Фраме?.. - начала Айя и прикусила язык. - Вижу осколки - и называю осколки, - добавила она мрачно. - Как куски разбитого зеркала.
- Забавно, - профессорша улыбнулась с таким видом, будто взяла на руки беленького котенка. - Я называла их пятнами... Но ничего. Думаю, если мы начнем работу сейчас, с учетом всех моих находок и ошибок, то результат будет...
- Простите, что? - перебила ее Айя. - Какую работу?
- Над твоим даром, разумеется, - Крюкова-старшая отпила чай, как ни в чем не бывало, и аккуратно вернула чашку на блюдечко, - Я собираюсь развить твои способности, что тут может быть непонятного?

15. Наследственный эксперимент

Олегу казалось, что он сходит с ума. Ощущения были, как во время просмотра плохого фильма, на который попал, случайно щелкая каналы, и по какой-то непонятной причине не можешь выключить. Нет, Горовой сделал попытку тактично уйти, но Айя тут же вскочила следом и заявила, что в одна этом доме не останется. Пришлось гасить бунт, садиться рядом и на собственном примере показывать, как положено вести себя с учеными. И если бы Айя Михайловна сказала, что для раскрытия дара нужно принять ложку невкусного сиропа, Олег был готов проглотить первую порцию: знал, иначе эту девчонку ни в чем убедить не удастся.

С одной стороны, Горовой Айю понимал. Ей было, по меньшей мере, неприятно видеть бабушку-предательницу. Как еще назвать человека, который бросил ребенка в детском доме? Крюкова-старшая явно жила в свое удовольствие. Просторные хоромы с потолками метра три с половиной, обставленные антикварной деревянной мебелью. Идеальная физическая форма. Бассейн? Лыжи? Скандинавская ходьба? Неплохая одежда. Эклеры ручной работы. Айя вон доедала третий и останавливаться не собиралась.

Места и возможности вырастить девочку в другой среде у профессорши было предостаточно. Как, правда, и эгоизма. Олег не мог перестать гадать, какой бы вышла Айя, окружай ее с детства старинные книги, дубовый паркет и академическая тишина. И нравилась бы она ему больше, если бы походила на свою бабуку? Нет, не то, чтобы она ему вообще нравилась... Но завораживала своей непосредственностью.

Горовой снова прослушал всю историю Крюковой про дар. Факты он уже и без того знал, но даже теперь боялся упустить хоть слово из ее сбивчивой, эмоциональной речи. Теперь, когда прошел первый шок, когда мозг уже чуточку смирился с тем, что ясновидение, – или, может, жертвовидение? – существует на самом деле, Олег сосредоточился на Айе. Попытался представить себя на ее месте и ужаснулся. Каково это: считать себя безумцем? Каково это: в подростковом возрасте увидеть рядом насильника? По долгу службы Горовой постоянно имел дело с самыми жестокими преступниками. Следовательно по особо важным, как-никак. Но при этом он знал, что на одного убийцу приходится десятки мирных жителей. Айе же приходилось существовать в постоянном окружении чужих скелетов. Ни один человек не был невинным на сто процентов, и в каждом Крюкова видела самое неприглядное, самое темное, что, возможно, никогда бы не вышло на свет. Для нее пропорции были совершенно другими. Ей было так же сложно найти кого-то с чистым послужным списком, как и ему – серийного убийцу. Так можно ли ее винить в том, что она постоянно сбегает и не останавливается на одном месте? Наверное, чувствует себя, как случайный посетитель «Белого лебедя»* среди тех, кто оттуда уже никогда не выйдет.

**Знаменитая тюрьма, где содержат особо опасных преступников, осужденных на пожизненное заключение.*

– Вспомни еще раз момент, когда все изменилось, – попросила Айю новоиспеченная бабушка. – Когда видения стали ярче и четче?

– Спросите его, – девушка кивнула в сторону Олега. – Он был там. Я вывалилась из окна, повредила плечо. Потом один товарищ его вправил мне, и тут началось...

– До этого боль не вызывала у тебя видений? – профессорша сделала какую-то пометку в блокноте.

– Нет... То есть, не припомню, чтобы мне было так больно... Хотя... Один раз подралась довольно сильно. Ножом слегка задела... – и в подтверждение своих слов Айя, не церемонясь, задрала футболку.

Справа, под ребрами, тянулась белая искривленная нить шрама. Прежде Олег не обратил на нее внимания. И как он мог? Ранение было сильным, и такая деталь должна была броситься ему в глаза сразу, ведь она не раз переодевалась практически перед его носом!

– Когда это было? – безо всяких эмоций осведомилась Крюкова-старшая.

Олега поразило, с каким равнодушием вела свой допрос доктор наук. Она ни на мгновение не проявила ни сочувствия, ни сожаления, ни испуга. Любая другая женщина, услышав, что кто-то вывалился из окна или был ранен и терял сознание от боли, охнула бы, ахнула или хотя бы качнула головой. Тем более, бабушка. Тем более, та, что обрела внучку, которую не видела много лет... То есть Олег не был поклонником передачи «Жди меня», но подозревал, что подобные встречи должны проходить иначе, чем рядовой сеанс психоанализа.

- Года три назад, - ответила Айя. - Ничего такого.

- Говоришь, боль была слабее?

- Не знаю... Нет, были еще синяки, кажется, я даже теряла сознание. Но без видений, - Айя пожала плечами. - Может, я упустила их из-за того, что была в отключке?

- Нет, так это не работает. И изменения произошли не случайно. Был спусковой крючок, дело совершенно не в боли.

- В чем тогда?! - Крюкова-младшая насторожилась.

- Со мной происходило нечто подобное, - доктор наук откинулась на спинку кресла, почти утонув в ней. - Я назвала это «человек-триггер». Обычно этот термин применяется в психологии к последствиям посттравматического синдрома, но я скорее имела в виду основное значение слова...

- А если на русском? - перебила Айя.

- Спусковой крючок. Мои способности начали стремительно развиваться после того, как я встретила своего мужа. Твоего биологического деда.

- И где он? - снова встряла Айя. - Умер?

- Не имею представления, - холодно отозвалась профессорша и взяла со стола очки. - Мы развелись тридцать лет назад.

- Почему?

- Не думаю, что это имеет отношение к делу.

- Если дело - это я, то я не собираюсь тут в одиночку отвечать на вопросы, - Айя упрямо скрестила руки на груди и вздернула подбородок. Сейчас она была похожа на свою бабушку особенно сильно.

Та раздраженно вздохнула, повертела очки в руках, потом задумчиво закусила дужку.

- Ты ведь уже поняла, что способность - это не одни сплошные плюсы?

- Куда уж там! - Айя фыркнула. - Плюсы я вообще пока не нашла.

- О том и речь. Основа хорошего брака - умение вовремя смолчать. Так я полагаю, и так говорит моя многолетняя практика работы с пациентами. Проблема в том, что с моей способностью не надо слушать, чтобы услышать. Достаточно заглянуть в глаза.

- Он изменял? - не удержался Олег: слишком уж размыто звучали философские разглагольствования.

- Вроде того. Я не считаю нужным тратить свое время на предателей, - сухо произнесла Айя Михайловна.

- Даже если это ваш родной сын? - Крюкова-младшая снова начала закипать, и Олег, чтобы избежать очередного бунта, мягко накрыл ее ладонь своей.

- Поясните, пожалуйста, вашу теорию насчет человека-триггера, - спешно заговорил он, уводя разговор в мирное русло. - Вы считаете, им был врач, который вправил Айе руку?

- По правде говоря, нет, - профессорша надела многострадальные очки и, глянув на Олега через узкие прямоугольники линз, усмехнулась. - Я считала, следователям положено быть проницательнее... Ее триггер - это вы.

В кабинете воцарилась тишина, и только часы с шишками цокали, как ни в чем не бывало. Вероятно, потому, что у них не было ушей.

- Что? - только и смог выдохнуть Олег, когда снова обрел возможность говорить. - Я ведь не толкал ее из окна...

- Как я уже сказала, к боли это не имеет никакого отношения.

- Но почему тогда я вижу все это, только когда мне выворачивают плечо?! - голос Айи зазвучал на пару тонов выше.

- Кажется, надо объяснить чуть подробнее... - профессорша взяла лист бумаги, ручку и начертила круг. - Представим, что это наш разум. Вот тут, - она начертила внутри круг чуть поменьше, - находится сознание. То, что мы осознаем, контролируем. А то, что остается - подсознание. В нашем

с тобой случае, Айя, есть еще один круг. По самому краешку. Сверхсознание. Та самая способность подключаться к информационному полю человека или предмета и получать данные, которые для нашего же понимания мозг подает в виде изображений. То, что мы называем видениями. Логика в том, что чем больше место занято сознанием и подсознанием, чем крепче граница между ними, тем труднее сверхсознанию проявиться. Оно есть, но ты его давишь и блокируешь. Слышала теорию, что человек использует мозг только на десять процентов? Бред, конечно. Но в случае со сверхсознанием дело обстоит подобным образом. Твои и мои возможности выше, но и это, я полагаю, не предел. Все зависит только от умения работать над собой и развиваться.

- Какое это имеет отношение к моему плечу? - Айя смотрела на рисунок, склонив голову набок.

- Человек-триггер дает тебе ощущение защищенности. Вызывает доверие, хотя оно тебе не свойственно, я права? Возможно даже появление особой ментальной связи, эмпатии. Не было такого, что ты перехватила его мысли? Остро почувствовала смену настроения?..

Айя с Олегом переглянулись, и Горовой сглотнул, вспомнив историю с неприличной картинкой на капоте.

- Вот-вот, это только подтверждает мою теорию, - самодовольно кивнула Крюкова-старшая и внимательно посмотрела на внучку. - Первые же проявления дара пугают. Тебе хочется закрыться от него и не знать истинной сущности людей вокруг. Верно? Поэтому все эти годы ты блокировала себя. Защищала. Дар имел микроскопический выход через видения со свечами и осколками. Встретив человека-триггера, ты отпустила вожжи.

- Бред какой-то... - Айя мотнула головой, словно ее передернуло от холода. - Я встретила майора и сразу поняла, что он - убийца. И даже не собиралась ему доверять. Я убежала от него...

- Убийца? - удивленно переспросила профессорша.

И снова: ничего, похожего на шок или другую реакцию нормального человека. Холодный научный интерес.

- Да нет, не в этом смысле... - поторопилась Айя и бросила на Олега виноватый взгляд. - Он не хотел... И это была оборона... Или как там...

- Все в порядке, - он кивнул. - И Айя права, она мне не доверяла при первой встрече. Да и сейчас, кажется...

- Это плохо поддается объяснению, - Крюкова-старшая отодвинула от себя листок и снова утонула в кресле. - Я бы назвала это любовью, если бы не считала само понятие несусветной чушью и выдумкой. Химические реакции в организме, влечение, привязанность... Совокупность этих факторов дает то, чтоб принято называть влюбленностью. Слышали такое выражение: «розовые очки»? Выплеск дофамина и концентрация на одной единственной цели. В твоём случае это было просто желание убежать. Все мысли собрались вокруг одного желания вместо обычной многозадачности. Поле сознания сузилось, уступив место сверхсознанию. И потом, когда случился мощный выброс адреналина...

- Слушайте, я ценю все эти ваши -лины и -мины, но это полная хрень, - не стерпела Айя. - Какая-то любовь, какая-то привязанность... Вы о чем вообще? Во-первых, вы понятия не имеете, что я чувствую. И Горыныч, конечно, сама милота, но я бы с ним мутить не стала. Во-вторых, у меня и раньше был парень. И все было нормально с гормонами. И никаких видений.

- Твое глубокое доверие к нему очевидно, - спокойно ответила бабушка. - Ты взглядом ищешь его одобрения, успокаиваешься от одного прикосновения. Может, романтических отношений нет, но это первый человек, которые берет за тебя ответственность, а не наоборот. Ты не получила защиты и поддержки от родителей. Ты тащила за собой друзей, разве нет? И твой предыдущий парень... Кем он был?

- Лекс? Карманником... Ну и что?! Он - отличный...

- Сколько раз ты вытаскивала его из неприятностей?

- Ну, было дело... Но...

- Ты всего-навсего искала защитника, - Айя Михайловна хладнокровно выкладывала факт за фактом. - Ты была слишком взрослой, потому что пришлось. И просто нуждалась в человеке, который вернул бы тебе детство. Дал заботу, позволил не думать о завтрашнем дне и принимал решения сам. Который вел бы тебя за руку и разрешил капризничать. Ты была лишена этого. И рядом с ним тебе легче. Ведь это не он тебя поймал, ты сама пришла к нему?

Олег онемел. Он и до этой минуты слушал, не зная, что сказать, но теперь и вовсе был пригвожден

к месту. Профессор Крюкова и не думала прибегать к сверхъестественным способностям, но все же уложила Айю на обе лопатки. Умело надавила на больное место так точно, что та теперь сидела бледная с глазами, полными слез. Видно, зря Горовой считал психоаналитиков шарлатанами. И кому нужны пытки вроде иголок под ногтями или испанского сапожка, когда можно просто пригласить профессора? Пожалуй, надо будет вызвать ее, когда попадетс я упертый подозреваемый... Нет, ну до чего жестоко! Интересно, она вообще расслышала, что перед ней – брошенная внучка?

- И что теперь? – Горовой первым нашел в себе силы нарушить паузу.

После слов Аи Михайловны ему было неловко подбадривать свою подопечную и уж тем более касаться ее. К тому же, Горовой не сомневался: она нарочно оттолкнет его из-за своего духа противоречия. Ежа съест, но сделает наоборот.

- Теперь решение за ней, – ответила профессорша, будто ее внучки и вовсе не было в комнате. – У меня не было достаточной фокус-группы для изучения. По сути, исследовать приходилось только собственные возможности. Но если судить по механизмам работы подсознания, то долго подавлять его не получится.

- В каком смысле? – Олег взял на себя беседу, потому что Айя, казалось, еще не пришла в себя.

- Я вижу два варианта развития событий. Вижу, как психолог, а не ясновидец. Либо оставить все, как есть. Пытаться подавить дар. Тогда проявления будут такими же стихийными. Возможно, степень погружения будет усиливаться, и сверхсознание разрушит сознание. Нервные срывы, нарушения работы памяти, фобии и прочие психические расстройства... И это краткий перечень возможных последствий. Второй вариант – развитие дара.

- Но разве в этом случае не произойдет того же? По вашей логике, если сверхсознание расширится, то именно за счет сознания... Я не силен в терминологии, но разве не так?

- Представьте себе воду. Реку, которая выходит из берегов. Можно подчинить ее, построить шлюз. И открывать тогда, когда нужно. Отвод, плотину... Да что угодно! А можно стоять и смотреть, как смыкает города и деревни.

- Допустим, Айя решает строить шлюз, – медленно произнес Олег, будто ступая на минное поле. – Что для этого нужно?

- Ничего особенного, – профессорша повела плечом, точь-в-точь как это делала ее внучка. – Нужно время, желание. И вы.

- Я?!

- Я же говорю, вы – триггер. Нет, можете отказаться. Думаю, в конечном счете, справиться можно и так. Вы-то должны понимать, что в этом мире ни на кого нельзя положиться. Но с вами будет проще. Я чувствовала разницу в свои годы... Знаете, муж позволял мне раскрываться. Пока не предал, разумеется.

- У меня работа! – необъяснимые способности Олега завораживали, но втягиваться самому... Нет, такая перспектива его не устраивала. – И времени мало.

- Даже у слуг правопорядка есть выходные, – Айя Михайловна склонила голову набок, придирчиво разглядывая Горового. – Разве сегодня приехать сюда не было вашей инициативой? Вам интересно, признайтесь. И как бы вы ни пытались отгородиться, вам не хватает нормального человеческого общения. Которое не регулируется уголовным кодексом и вашим уставом...

- Устав – в армии, – нехотя поправил Олег.

- Бросьте, вы понимаете, к чему я. Вы ведь кого-то убили, пусть и защищаясь? Так может, хватит себя за это наказывать? – профессорша с вызовом посмотрела на него, чем снова невероятно напомнила майору Айю. – Думаю, сегодня достаточно времени, чтобы начать.

- И как это будет проходить? – Олег бросил тоскливый взгляд на дверь. – Гипноз? Лекция? Медитация?

- Черта с два я соглашусь на гипноз! – оживилась, наконец, Айя. – И с какого рожна вы обсуждаете все это без меня? Я что, игрушка?!

- Уверяю вас, прийти сюда – было единственным вашим правильным решением за последнее время, – надменно сообщила Крюкова-старшая. – И не стоит так нервничать. Теперь все пойдет так, как нужно. Что же касается моих методов, то самый действенный – это посетить места видений. Обследовать, настроиться и лично удостовериться в правдивости собственного дара. Пока Айя не

убедится, она будет неосознанно блокировать все проявления, как галлюцинации, несущие вред, а не пользу. Вы сочтете меня излишне романтической, но если у нашей способности есть какое-то предназначение, то его стоит выполнить.

Олег едва не рассмеялся в лицо профессора. Романтической?! Да это, пожалуй, последнее слово, которым он описал бы эту женщину, лишенную эмоций. Кажется, подобное качество – одно из проявлений серьезной психической патологии... Но разве можно сказать такое доктору наук?

Айя смотрела на майора так, будто их мнение совпало. Она округлила глаза, а весь ее вид говорил: «Подождем, пока она отвернется – и бежим!» И какая-то часть Олега с радостью приняла бы это предложение... Но сегодня решение осталось за логикой. В конце концов, никогда не поздно отказаться.

– Я понятия не имею, как попасть в эти места, – начала было Айя. – Может, и правда лучше помедитируем? Одна девчонка, к которой я вписалась, как-то научила меня парочке йоговских поз... Сана, шмана... Что-то такое.

– Это, безусловно, будет полезно, – тактично согласилась профессор. – Но не сегодня. Подумай, есть ли какие-то географические зацепки. Вряд ли ты знаешь адреса, но если постараться...

– Я бы мог узнать насчет квартиры Алиева, – вмешался Олег, но Айя вдруг предупредительно подняла руку и мотнула головой.

– Нет-нет, – заморожено произнесла она. – Нет, я, кажется, поняла... Я вспомнила. Станция «Малые Вяземы». Не спрашивай, что там было, но я точно помню эту платформу.

– Прекрасно, – впервые на лице доктора наук мелькнуло нечто, похожее на улыбку. – Товарищ майор, вы за рулем?

Олег сомневался, что был в своем уме, когда позволил втянуть себя в эту авантюру. Он не понимал, в какой момент его хваленый здравый смысл дал сбой. Горовой сжимал руль, стараясь не потерять управление, и изо всех сил удерживал взгляд на дорожном полотне, хотя разговор на заднем сиденье был способен свести с ума любого.

Пропасть между Айей и бабушкой не уменьшилась ни на йоту, но они вполне будничным тоном обсуждали жутковатые вещи. Цветным или черно-белым было изображение трупа, которое Айя увидела в глазах какого-то мужчины? И почему лица в видениях были смазанными? И насколько она управляла своим телом, когда находилась том состоянии?

Поэтому когда удалось, наконец, добраться благодаря навигатору к пригородной платформе Малые Вяземы, Олег был счастлив вылезти, ощутить мерзлую почву под ногами и глотнуть ледяного отрезвляющего воздуха. Потому что все это время его преследовало ощущение, будто он долго и беспробудно пил.

– Я стояла там, – Айя тут же указала на центр платформы, и они странной процессией поднялись по скользким ступеням. – Было лето. Цвели желтые цветы... Да, я видела вот тот дом, – она ткнула в низенькое здание. – Только крыша была ржавая. Может, перестелили...

Профессорша поправила берет и зашагала к домику из видения Айи. По дороге остановилась, огляделась по сторонам и окликнула мужчину в сине-оранжевой спецовке.

– Молодой человек! Да-да, вот вы! Подскажите, пожалуйста, что находится в этом домике?

– Касса, – буркнул тот и хотел было отвернуться, но не так-то просто отделаться от доктора наук, это Олег прочувствовал на собственной шкуре.

– Когда был ремонт?

– Да год назад где-то... Вы из инспекции, что ли? Кто ж в выходные...

– А перед ремонтом касса была открыта? – вмешалась Айя.

– Я что вам, справочная?! – взвился мужик, но покосился с опаской на Олега и вздохнул. – Закрыта. Года два. Потом отделали, облагородили, вот, работает.

– Благодарствую, – кивнула Айя Михайловна и двинулась по узкой дорожке к домику.

– Вот здесь, – Крюкова-младшая догнала бабушку и осмотрелась. – И вот этот куст помню. Это сирень, хотя тогда она была шире... Подстригли сильно. Дом был закрыт, без ремонта... Вообще сейчас тут трудно все узнать...

– Ничего, главное – мы на месте, – довольно сообщила профессорша. – Места тоже хранят память.

Труднее увидеть, чем у человека, но тебе должно быть проще. Описывай, что ты видела дальше? Не торопись, вспомни каждую деталь.

- Девушка бежала... - Айя зажмурилась и показывала вслепую, отчего у Олега по позвоночнику пробежал холодок: выглядела она, как дельфийская пифия. - Он догнал... Они спорили... Да, кажется, он был выпивши... Потом потащил туда, а она чертила каблуками... Я кричала: «Валера, стой!» А он...

- Какой Валера? - напрягся Олег, и Айя резко замолчала. Потом раскрыла глаза и удивленно посмотрела на него.

- Что? - пробормотала она.

- Спасибо вам большое за помощь, товарищ майор, - Айя Михайловна поджала губы. - Но на будущее запомните: таких вещей делать нельзя. Ни в коем случае. Это понятно? Ладно, теперь я попробую просканировать место.

С этими словами старушка грациозно, насколько это вообще было возможно, пролезла через сугроб к углу домика. Сняла перчатки, аккуратно сложила их в замшевую сумочку и потеряла ладони.

- Так-так... Минуточку... И тишина, будьте любезны... - она прикрыла веки и коснулась стены обеими руками.

Олег не то, что слова не произнес, он даже не шевелился. Только поглядывал то на Айю, то на ее бабушку, мерз и молчал. Знал бы, что придется ехать за город, поддел бы подштанники и захватил шарф... Интересно, она вообще жива еще, эта доктор наук? Или намертво срослась со стеной?..

- Изнасиловал, - вынесла вдруг вердикт Айя Михайловна. Оторвалась от домика и отряхнула руки.
- Да, он ее насиловал... Неприятное зрелище, учитывая, сколько человек справляло нужду в этих кустах... Все-таки мужчины на удивление недалеко ушли в эволюционном плане...

- В точку, - лягнула Айя, прежде чем Олег успел раскрыть рот и хоть как-то оправдать себя и коллег по Y-хромосоме.

Две женщины против него одного... Нет, дискуссия будет бессмысленной.

- И что теперь? - просто спросил он, проглотив оскорбление.

- Теперь дело за малым, - профессорша дернула плечом, как будто Олег спрашивал очевидные вещи. - Мы должны найти насильника. Найти - и наказать.

16. Спускной механизм

Пожалуй, давненько Айю так не лихорадило. Даже с учетом ее богатого прошлого. Встреча с бабушкой подействовала, как один из самых зверских штаммов гриппа: Крюкову знобило, потряхивало и постоянно тянуло всплакнуть.

Она ненавидела слезы. Считала их проявлением слабости, и никогда никому не давала ни малейшего повода назвать себя нытиком. Профессорша будто вытащила затычку, которая держала внутри Айи все накопленные за годы рыдания. И полилось... И кто бы теперь подсказал, как это остановить!

Айя наотрез отказалась сразу ехать к Валере. Более того, она еще не решила, что согласна вообще кому-то называть его фамилию. Да, он совершил ужасный поступок... Но снова искать его? Снова видеть? И объяснять, откуда она узнала про изнасилование? Нет, как-нибудь в другой раз. Поэтому Олег забросил домой эту докторшу наук, которой для полноты образа не хватало только немецкого акцента и плетки, и повез Айю домой.

- Что с тобой творится? - периодически спрашивал он по дороге, косясь на ее полные слез глаза.

- Понятия не имею, - отвечала она, глядя перед собой и стараясь не моргать. - Вспотела.

Что сделала эта зловредная старуха? Какую шестеренку сломала? Может, ее дар еще и в том, чтобы выжимать людей до капли, как стиральное белье? И если так, то не грозит ли Айе смерть от обезвоживания?

Она не могла объяснить себе самой, почему плачет. Обиделась на бабушку, которой бы не видела еще сто лет? Вот еще! Куда лучше было расти без этой женщины! Ясен пень: поднимала бы в пять утра, заставляла читать до посинения и вместо еды поила травяной отравой. Нет, свою жизнь Айя бы ни на что не променяла. Косяки, конечно, были, но зато она осталась собой, подружилась с Мишей, завела капитана Джека... И жила без всяких чужих указаний.

Или, может, ее обидели слова про то, что она нуждается в тепле и поэтому якобы влюбилась в майора? Большого бреда и придумать нельзя, даже если долго и упорно жевать нехорошие грибы. Олег никак не отреагировал на эту чепуху. Продолжал допрос про дар, словно бабка и не заикалась о любви. Так с чего бы тогда Айе переживать? Был бы он в нее влюблен, не отскакивал бы всякий раз, как ошпаренный, когда они случайно соприкасались. Не отворачивался бы, когда она снимала футболку. И вовсе она не нарочно переодевалась при нем... Просто знала, что приставать он не будет. Весь такой старший, разумный... Дядя Степа, милиционер. Ведет себя с ней, как с ребенком. Не доверяет. Не говорит о себе. К тому же вечно дает понять, что она - глупее его. Нужен ей такой сто раз! Да тот же Миша бы ради нее... Хотя... Кого она обманывает? Выгнал, заложил и даже не почесался от мук совести.

- Хочешь, пиццу закажем? - миролюбиво предложил Олег, и Айя обнаружила, что машина уже не движется, а стоит себе преспокойно перед подъездом майора.

- Нет, - на автомате ответила она. Потом задумалась, шмыгнула и глянула на него: - Ладно. Только острую. С колбасой.

- Заметано.

Видно, из жалости он пытался сойти за молодежь, но выходило у него не лучше, чем у старика в рэперской бейсболке. И все же он был по-своему милым, этот угрюмый следак.

- Знаешь, спи сегодня ты на диване, - сказала она, когда они поднялись в квартиру.

- Поразительная щедрость! И в чем подвох? - он протянул руку за ее курткой.

На мгновение Айе показалось, что он смотрит на нее с иронией. Знает о ее мыслях и смеется. Над ней, над тем, что сказала профессорша... И Айя демонстративно отдернула куртку и повесила ее сама.

- Никакой щедрости, - отрезала она. - Просто диван неудобный... И вообще. У меня Капитан голодный.

Воспользовавшись тем, что Олег возится на кухне, Айя вытащила Джека и прижала его к груди. Хонорик смешно обнюхал ее лицо, щекоча кожу усиками, потом вскарабкался на плечо, проскользнул под волосы, и она, наконец, рассмеялась. Вот тот единственный мужчина, рядом с которым ей хорошо.

- Играете? - Горовой нарисовался в комнате, убив все веселье. - Пицца будет через полчаса.

- Разве он не ангел? - Айя подняла гуттаперчевую тушку Джека. - И совсем не пахнет! Нет, понюхай! Чего Мишка врал? Надоел ему капитан, так бы и сказал... Ути, моя прелесть...

- Что ты думаешь насчет этого всего? - серьезность в голосе Олега заставила Айю отвлечься от тисканий.

- Насчет этой ведьмы?

- Прекрати, мы оба знаем, что она хочет, как лучше.

- Что-то я этого не знаю, - Айя забралась на диван с ногами и уселась по-турецки. - Я не хочу никакого наказания. И сегодня зря ездили. Вот скажи, зачем? Никакого прорыва не случилось. Да, бабка себя показала. Но толку? Она просто подтвердила мои слова. Любой дурак так может сделать.

- Но ведь она точно назвала тебе детали из твоего прошлого... - Олег сел рядом.

- Нет, ну как тебя взяли в органы, а? - Айя фыркнула. - Может, она навещала меня в глубоком детстве. Может, предки высылали ей фотки, чтобы разжалобить. Может, она просто приезжала в детский дом, но забирать меня не стала... Мало ли у нас было посетителей... Люди страшно любят корчить из себя благотворителей, но никому не нужны эти хождения в гости к деткам, акции, конфеты... Толку с этого? Ты возьми ребенка домой, если ты такой уж добрый. А футболки «мы помогаем детям» так и хочется затолкать в напыщенные задницы.

- Я не собираюсь с тобой спорить, - спокойно, но жестко произнес Олег. - Просто скажи: мы едем завтра к твоему насильнику?

- Во-первых, он не мой! - у Айи аж свербело от желания поцапаться, чтобы разозлиться, как следует, и перестать то и дело реветь. - Во-вторых, я не хочу его видеть.

- Почему?

- Потому что. Ясно? Потому. Что, - она ударила кулаком по дивану. - Не хочу и все! Он уже хотел от меня избавиться, и я не люблю нарываться снова. Ты ничего не сделаешь, майор. Прийти, поглазеть? Думаешь, он такой лох, что придет и напишет чистосердечное? Да, сейчас! Ты никакого дела заводить не станешь. Верно ведь? Где доказательства? Вот и все. А он потом достанет меня. Обколет и уберет в дурку. Хотя с моими глюками и уколов не надо.

- Перестань! - он попытался взять ее за руку, но Айя вырвалась. - Я буду с тобой. И я умею давить на таких типов. Ты должна доверять, разве не об этом твердила твоя бабушка?

- Доверие - для идиотов. И она ни фиги не бабушка мне. Вы оба даже не спросили, хочу ли я что-то развивать! Она навешала всякой лапши, пока я была в неадекватности... К черту все, - она отмахнулась. - Не поеду никуда больше. И делай, что хочешь.

- Окей, - просто ответил Олег, и Айя недоверчиво сдвинула брови.

- Что?

- Ты права. Решай, как считаешь нужным.

- Вот так просто?

- Да.

- И никаких?..

- И никаких, - он встал и вышел, оставив ее наедине с капитаном Джеком.

Айя несколько минут ждала, что он прибежит ее уговаривать, но потом не выдержала и вскочила сама. Олег стоял в коридоре и неспешно отсчитывал деньги.

- Хочу, чтобы было без сдачи, - пояснил он будничным тоном.

- Нет, послушай. Мне все равно, что ты там думаешь... - начала она, но Горовой обезоруживающе улыбнулся.

- Я совершенно ничего не думаю, - сказал он. - Правда. Делай, что хочешь.

Положив деньги на тумбочку, майор двинулся на кухню и достал из шкафа стаканы.

- У меня есть грейпфрутовый сок, но колы, которой ты вчера набрала, хватит еще на неделю, - он открыл холодильник и указал на полторашки. - Можешь пить, хотя, говорят, ей хорошо очищать

накипь. Извини, алкоголя в доме нет.

- Ты что, издеваешься?! - Айя скрестила руки на груди.

- Я? Боже упаси! - звонок домофона дернул Олега к двери. - Открываю! - сообщил он в трубку.

Айя исподлобья наблюдала, как Горовой расплачивается с курьером, следовала за майором по пятам, когда он нес две широкие коробки на кухню, но он, казалось, забыл о существовании гостыи. Даже дразнящий запах копченой колбаски с расплавленным сыром не отвлек Айю от попыток разгадать внезапную смену тактики.

- А ты, значит, считаешь, что мне стоит и дальше заниматься с этой несчастной профессоршой? - хмуро спросила она, глядя, как Олег вынимает себе кусочек, а за ним тянутся сырны нити.

- Ты что не будешь? - удивился он.

- Отвечай на вопрос! - она резко выхватила кусок, потому что желудок, неподвластный политике, отчаянно заурчал.

- Я бы, конечно, послушал ее, - Горовой промокнул рот салфеткой. - Но только потому, что у нее чуть больше опыта с этим даром, чем у тебя. Она - специфический человек.

- Шизнутый.

- Специфический, - с нажимом повторил Олег. - Но что-то ценное от нее почерпнуть можно. Потому что пока тебе дар доставляет больше проблем, чем пользы. Хотя тут дело твое, и если не хочешь - не надо.

- А почему ты знаешь, что у нее дар? Может, она всего-навсего хороший психолог?

- Это легко проверить. Пусть сначала сама докажет, а потом решишь, что с ней делать. Так мне даже больше нравится.

- И как мы ее проверим? - Айя скептически изогнула бровь.

- Ну, я же тебе поверил как-то. Потому что ты сказала то, чего знать никак не могла. Так пусть она сделает то же самое.

- Например?

- Ну... - Олег вздохнул, задумчиво обводя взглядом кухню, будто мебель могла ему помочь с ответом. - Можно ее взять на наше место преступления.

- Наше?!

- Да, на любимое место Раскольниковова... Куда я тебя брал в последний раз. Если твоя бабушка и правда умеет считывать информацию с неодушевленных предметов, пусть потрогает асфальт, где лежали жертвы. Вдруг увидит что-то полезное? Мы бы проверили...

- Ты это с самого начала планировал! - Айя швырнула недоеденный кусок пиццы на тарелку. - Манипулятор чертов! «Я нашел твою бабушку»... - гнусаво передразнила она. - Брехня! Просто хотел найти кого-то поопытнее, кто бы тебе сразу вычислил убийцу!

- Да нет же! - Олег ошарашено развел руками. - Честно! Мне эта мысль пришла, когда твоя бабушка в Малых Вяземах...

- Как же! Так я тебе и поверила!

Айя вскочила и ломанулась в комнату, но Олег догнал ее в коридоре.

- Послушай! - он развернул ее и, взяв ее за подбородок, заставил смотреть себе в глаза. - Я не врал. Честно. Я хотел понять для тебя, для себя... Просто понять, откуда взялся этот дар. Думаешь, легко поверить в такое? Легко находиться с одной комнате с человеком, который знает всю твою подноготную? Который может увидеть прошлое в твоих зрачках?

- А если она поможет тебе? - спросила Айя, чувствуя, как снова поднимается внутри слезная волна.

- И что? Будет хорошо, мы найдем настоящего убийцу.

- Тогда ты будешь работать с ней, да? Зачем тебе я с такими сложностями, когда можно просто вызвать на место преступления настоящего профи?

- Что за глупости...

- Я не буду тебе нужна, Олег, - она впервые назвала его по имени, глядя в глаза, и почувствовала, что он вздрогнул. - Сто пятьдесят девятому никто не отменял, да?

- Слушай, я не знаю, что тебе ответить, - он растерялся, опустил руки, и Айе вдруг стало холодно. - Я... Я бы не хотел заводить на тебя дело. Это честно. Ничего другого обещать не могу... В конце концов, ты тоже пришла не по большой дружбе.

Айе нечего было ответить. Последний день заставил ее ненадолго забыть о том, что они с майором - чужие. Люди, у которых нет ничего общего. И он ничего ей не должен. А вот она... Она задолжала. И за жилье, и за еду, и за безопасность. И за поиски бабушки, пусть об этом Айя его не просила. Человек, который мог просто отправить ее в камеру, помог, и, кажется, она заигралась. Не принесла ему ничего, кроме проблем и головной боли. Считала себя особенной, трофеем, которому будет рад любой следователь... Но по сути не выдала ему ничего, кроме мутной истории.

- Ты прав, - тихо сказала Айя и сделала шаг назад. - Утром звони ей. Поедем на место преступления.

- Уверена? Если не хочешь...

- Уверена, гражданин начальник, - она нацепила улыбку и залихватски хлопнула его по плечу. - Пусть бабулька покажет, на что способна.

Весь вечер она вела себя тихо, даже вызвалась помыть посуду. Уступила хозяину диван и еще долго слушала, как он сопит во сне. Бабушка... Теперь Айя понимала, что делал ее отец в Рыбинске и почему спился. Рядом с такими, как эта профессорша, любому нормальному человеку захочется уединиться с бутылкой.

К сожалению, алкоголя у майора и правда не хранилось. Ночью у Айи было предостаточно времени это проверить. Накатив газировки, она уgomонилась только к утру и с трудом смогла продремать пару часиков в жестком кресле. Неудивительно, что прошлой ночью майор вместо сна развлекал себя поисками пропавших родственниц!

- Ну что, едем? - бодро спросила Айя, как только рассвело, и необходимость путаться в одеяле отпала.

Настал черед Олега прятаться от нее под подушкой. Впрочем, его это не спасло, и уже через полчаса, ворча и кутаясь в куртку, он чистил заведенную машину от снега. Валило нещадно, и было сложно не то, что выехать, но даже увидеть дорогу.

Однако самым неприятным оказалось не полуслепая толкотня по запруженным улицам, а тот факт, что место преступления покрыто девственно чистым сугробом. Воскресное утро - не то время, когда трудолюбивые дворники точат лопаты об асфальт.

- Зачем мы сюда приехали? - Айя Михайловна аккуратно вылезла из машины и, щурясь от спящего белого пейзажа, осмотрелась. - Разве речь шла не о больнице?

- Посмотрите сначала это место, - Олег запер машину и нахлобучил шапку. - Интересно ваше мнение.

- Это что, шутка? - возмутилась профессорша.

- Думаете, я одна здесь буду подопытной крысой? - не утерпела Айя. За ночь она успела несколько раз прокрутить в голове первую встречу со своей биологической бабушкой и решила, что была мямлей.

- Хочешь меня проверить?

- А разве вы не того же хотите? - Айя шагнула ближе, как обычно делала перед дракой. - А? Все по-честному. Хотите покопаться у меня в мозгах, приоткройте для начала свой котелок.

Дама поджала губы, бросила взгляд на Олега в поисках поддержки и сочувствия, но встретив непроницаемую физиономию старшего следователя, хмыкнула.

- Я не ожидала, что ты устроишь из этого цирк, - бросила она надменно. - Но если по-другому никак... Что надо смотреть?

- Вот это место, - Олег указал на конкретный пяточок, где не так давно лежала, распахнув глаза, мертвая старушка.

- И как я должна смотреть? - возмутилась доктор наук. - Здесь же ничего нет, кроме снега! Он свежий и никакой информации не хранит.

- Я же говорила тебе! - Айя торжествующе усмехнулась. - Врет! Черт с ней, поехали.

- Будь любезна не хамить! - процедила Крюкова-старшая. - Товарищ майор, у вас нет лопаты или других подручных средств?

Кряхтя и отплеываясь от снежных хлопьев, Олег расчистил пяточок складной лопатой из багажника. Маленький, чтобы узкая профессорская ладошка смогла соприкоснуться с асфальтом.

- Тишина, пожалуйста, - предупредила Айя Михайловна, поджав губы.

Сняла перчатки, потерла ладони друг о друга и, грациозно присев, приложила правую руку к земле, как ко лбу больного. Прищурилась, скривилась, потом закрыла глаза и морщины на ее лице будто бы сами собой разгладились.

На сей раз времени прошло гораздо больше, чем в Малых Вяземах. Айя Михайловна замерла, ее каракулевая шапка стала белой, снежинки оседали на бровях, ресницах, безбожно сыпались за воротник... Айя даже забеспокоилась и переглянулась с Олегом: мол, может, ее потыкать? А то как бы не было тут пятой старушки...

- Подойди сюда, - вдруг сказала профессорша, даже не шелохнувшись и не открывая глаз.

- К... Кто? - осторожно переспросил Олег.

- Айя. Подойди, возьми меня за другую руку.

Пришлось послушаться. Бабушкина ладонь была на удивление горячей. Айя и то окоченела стоять, переминаясь с ноги на ногу, а та и вовсе все это время сидела в снегу.

- Расслабься, - продолжала командовать Крюкова-старшая. - Глаза закрой и ни о чем не думай.

Айя честно попыталась. Но мысли лезли с удвоенным рвением. То вдруг вспомнила, что не купила корм для капитана Джека. Потом услышала где-то вдалеке сирену скорой и волей-неволей стала гадать: действительно больного везут или депутата? С трудом отогнала от себя эту мысль, но тут же ужом проскочила следующая: Олег сейчас смотрит на нее? И что думает?...

- Перестань! - профессорша будто хлестнула Айю одним словом, и та вздрогнула. - Говорю же: не думай!

Айя изо всех сил попыталась сосредоточиться. *Не думай, не думай, не думай... Не смей провалить, он должен узнать, кто убийца... Не думай, не думай, не думай...* Интересно, сколько прохожих уже пялятся, как девушка и старушка зависли в странной позе над сугробом?..

- Товарищ следователь, возьмите ее за другую руку, пожалуйста, - в голосе ученой дамы уже слышалось раздражение.

- Просто взять?

- Возьмите ее руку в ладони и держите. Мягкое согревающее поглаживание допустимо и даже приветствуется.

Айю обожгло прикосновением Олега. Если в правую руку словно засосало мощным пылесосом профессорских пальчиков, то левая оказалась в теплой постели, заботливо укутанная, с подоткнутым ватным одеялом. Горовой принялся тихонько гладить ее ладонь большим пальцем, выписывая крохотные завитушки. И только успела промелькнуть мысль: «Ага, трогаешь меня, только потому, что *эта* попросила?» Но тут же растаяла, как кусок сливочного масла на стопке горячих блинов.

Боже, как это было приятно! Они ведь просто держались за руку! Кто бы сказал ей раньше, что это простое касание может быть таким волнующим и убаюкивающим, согревающим и дразнящим... В какой-то момент Айе показалась, что она вся - это лишь маленькая область на ладони, которую так нежно ласкает Олег...

Ей захотелось обмякнуть, прилечь, перед глазами поплыли неоновые круги удовольствия, под кожей побежали колючие токи...

- Смотри... Смотри внимательно... - донесся из глубины шепот и отразился эхом.

Айя была безвольной, как кусок теста, и в эту самую секунду любой мог бы вылепить из нее, что угодно. Она смотрела с закрытыми глазами. Не знала куда, но смотрела... Круги исчезли, осталось лишь одно рыжее пятно в верхнем углу. Сузилось, стало ярче и превратилось в фонарь. Да, это был фонарь. Постепенно в его свете стал проступать пейзаж: черные ветки деревьев, очертания гаражей, многоквартирный дом и земля, укрытая снегом.

Была ночь, и ночь была на исходе. На небе уже появились желтоватые полосы, предшествующие рассвету. Людей не было. Только одна сутулая фигурка, переваливаясь, двигалась от фонаря к гаражам. Хотя... Нет. Не одна. Быстрым шагом к ней приближался кто-то. Мужчина. Спецовка. Синяя с оранжевым, белые буквы... Кажется, дворник. Довольно высокий, плечистый. Нет! Стой, не нужно! Даже не сбавляя шагу, он размахнулся, одним ударом уложил старушку, бросил кирпич и пошел дальше, как будто ничего не случилось. Не оглянулся, не остановился... Просто пошел вперед...

- Ты это хотела увидеть? - раздался над ухом голос профессорши, и Айя с трудом разлепила веки, постепенно привыкая к болезненному белому свету вокруг.

- Да, - она выдернула руки и у бабушки, и у Олега, и потерла глаза. - Кажется, это.

- Что там было? - Горовой переводил озадаченный взгляд с младшей Крюковой на старшую и обратно. - Что вы видели?

- Ваш убийца - дворник, - равнодушно сообщила Айя Михайловна, встала и отряхнула снег. - Еще какие-то испытания или можно уже заняться делом?

- Стоп. Как дворник? - Олег недоверчиво отстранился. - Правда?! Вы обе это видели?

- Похоже на то... - Айя потерла виски и поборола желание рухнуть на колени от внезапного приступа слабости. - Да, он был в спецовке. И это не Алиев. Фигура не его... Рост не его... Точно, он невиновен...

- Ты в порядке? - Горовой протянул руку, но Айя мотнула головой. - Тебе надо присесть?

- Надо что-то делать, - пробормотала она. - Мы можем записать ее показания, как свидетельские? Там же не надо уточнять, как именно...

- Нет, - Крюкова-старшая надела перчатки и сцепила руки замком, чтобы ткань села плотно. - Я лгать не буду.

- Но ведь и не придется! - Айя вцепилась в рукав майора. - Скажи ей! Пусть говорит, что видела, какая разница, где!

- Нет, - упрямо повторила профессорша. - И еще раз нет, если кто-то не понял. Это придется подтвердить в суде, а я не лгу, это мой принцип.

- Принцип, да?! - Айя тяжело задышала, с трудом подбирая слова. - Такая вся правильная?! Что-то я не заметила, когда...

- Все нормально. Мне не нужны ничьи показания, - вмешался Олег, и хотя он не повышал голос, Айя сделала шаг назад. - Придумаю что-нибудь еще.

- Это не понадобится, - Крюкова-старшая подняла руку и указала на соседний дом. - Вон там, в районе второго... Нет, скорее, третьего этажа. Вот эти окна, видите? Ближе к углу. Так вот, в этой квартире ваш свидетель. Человек, который видел, как произошло убийство.

17. Наука подглядывать

Вот так просто? Тот – убийца, там – свидетель... Кому вообще нужны следственные органы, когда есть Крюкова Ая Михайловна, доктор психологических наук и профессор? Олег вздохнул и задумчиво посмотрел на окна, за которыми, если верить пожилой и капризной провидице, скрывался ключ ко всему делу. С одной стороны, майор знал, что теперь нужно делать, с другой, ему казалось, будто планета слишком сильно крутанулась под ногами, а он не успел ухватиться. Его стремительно уносило потоком событий: еще пару дней назад он с трудом поверил в способность Аи, а уже сегодня, как всемогущий сверхчеловек, материализовалась из ниоткуда профессор Крюкова, и если так пойдет и дальше... Пожалуй, завтра Олегу встретится кто-нибудь с даром левитации.

– Пойдем, поговорим с ним? – Ая дернула его за рукав, как нетерпеливый ребенок. – Я попробую проверить! Может, что-то удастся считать....

– Кстати, неплохая возможность, – кивнула Крюкова-старшая. – После сеанса с участием триггера должен пойти прогресс.

– Слушайте, сегодня воскресенье... Лучше в понедельник. Возьму бланки, Климова...

– Да перестань! – разозлилась Ая. – Запиши допрос на диктофон – и всего делов. Или вызови на понедельник в управление... Но я должна увидеть!

– Не знаю... – мялся Олег.

Тащиться к свидетелю с двумя экстрасенсами? А если свидетель – кто-то ушлый? Если потом напишет жалобу, что его хватили за руки и лезли в глаза? Калинин голову оторвет! Или еще хуже: отстранит от дела. Куда спешить? Лучше спокойно завтра, все по уму...

– Даже не думай! – Ая свирепо уставилась на него, и Олег снова вспомнил, как она прочла его мысль про царапины на капоте.

– Ладно. Но вы стоите и молчите!

– Как понятые? – с готовностью спросила девчонка.

– Понятые должны быть при обыске, – Горовой мотнул головой, предчувствуя, что будет непросто.

– Только не забудьте: нам еще надо успеть к врачу-маньяку, – не преминула напомнить Ая Михайловна. – Не зря же я здесь пачкала руки.

Олег обменялся раздраженными взглядами с младшей Крюковой и уныло побрел к дому, на который указывала профессорша.

Все окна потенциального свидетеля были плотно зашторены темной тканью. Там бы Горовой стал искать очевидцев в последнюю очередь: вряд ли вообще изнутри что-то можно было разглядеть. Что-то мелькнуло в черном полотне, но, присмотревшись, Олег ничего не увидел. Блик, вероятнее всего. Просто блик.

В квартиру майор с уверенностью, что дверь им откроет либо вампир, – а с учетом свежих открытий даже это не показалось бы Олегу странным, – либо человек с выраженной светобоязнью. Интуиция не подвела Горового: после нескольких минут упорных звонков и стуков в дверь, потому что, видите ли, госпожа ученая чувствовала внутри живую энергию, замок все же щелкнул и на пороге показался невысокий сутулый парень с бледным лицом. Ясное дело, зимой в Москве загар и здоровый румянец было бы затруднительно отыскать, но этот и вовсе походил на мертвого Гоголя. Восковая кожа лоснилась от испарины, темные, заправленные за уши волосы – от сала. Серые круги под глазами безмолвно напоминали о том, что все мы, в сущности, на волоске от перехода в мир иной. Если профессорша эту энергию сочла за живую, то стоило отдать должное ее необыкновенной чувствительности.

– Старший следователь по особо важным делам следственного управления по Москве, майор юстиции Горовой Олег Васильевич, – привычно представился Олег, протянув ксиву.

Парень прищурился и долго читал документ, пока у Горового не затекла рука.

– Что... Что вам нужно? – сишло сказал он, и по голосу стало понятно, что парень давно не раскрывал рот.

Впрочем, зря он это сделал и теперь: на высохших губах свернулись белые пленочки, и на Олега ощутимо пахнуло отсутствием зубной щетки.

- Два дня назад, в пятницу, под вашими окнами произошло убийство, - терпеливо объяснил майор.
- Я опрашиваю возможных очевидцев. Можно пройти?

- Я не обязан пускать вас.

- Хорошо. Давайте поговорим здесь.

- Почему я должен отвечать? Ваши уже ходили.

- Вы ведь не открыли им дверь? - Олег ткнул наугад и не ошибся.

- Не открыл. Я не обязан...

- Послушайте, я знаю, что вы не обязаны. Но мы расследуем серию убийств. Возможно, будут еще. Возможно, сядет невинный человек.

- Кто эти женщины? - не унимался парень, и Олег понял: первое впечатление было ошибочным. Бледный зануда вполне мог бы сделать карьеру в разведке.

- Наши эксперты...

- Ложь! - перебил парень и потянул дверь на себя. - Уходите!

- Пойдите! - Олег лихо сунул в щель носок ботинка. - Стойте. Это родственницы убитой. Они просили меня...

- Что вы делали на улице? - с лестничной клетки было видно только нос: дверь странный свидетель и не думал отпускать.

- Прощались! - раздался у Олега за спиной твердый голос профессорши. - Как вам не стыдно, молодой человек! У людей горе, а вы спекулируете? Трус - вот вы кто! Даже товарищ следователь согласился привести меня на место, где погибла моя сестра... Царствие ей небесное! Коснуться рукой земли... - майор обернулся и даже моргнул от неожиданности: так убедительно было сыграно старушенцией великим трудом сдерживаемое горе. - А вы даже не можете помочь следствию! Как вы после этого будете спать по ночам?!

Айя, судя по лицу, была удивлена не меньше. У Горового даже мурашки пошли по спине последней реплики: он и настоящим-то потерпевшим и их родственникам редко сочувствовал, а тут прямо пробрало... Кто бы знал, что талант безбожно врать передается генетически!

- Я видел, как произошло убийство, - медленно произнес парень, и дверь распахнулась, позволяя всем разглядеть черную водолазку, усыпанную перхотью, и кальсоны с вытянутыми коленками. - Видел.

- Почему сразу не сообщили?! - возмутился Олег.

То есть, и без того было понятно, что пацан темнит, но вот так спокойно признаться...

- Они ходят здесь, - парень заговорщически потянулся к майору и поманил пальцем. - Они постоянно ходят. Я не хочу, чтобы меня убили тоже...

- Кто ходит? - нахмурился Горовой.

- Дворники. Я слышу, как они громыхают мусоропроводом. Слышу, как скребут лопатами... Их много, а я не знаю, кто именно - убийца. Я ошибусь, а потом он придет за мной...

Глаза парня блеснули сумасшествием, и он опасно отстранился. Олег, у которого только-только забрезжила надежда повернуть дело в новое русло, все опустилось внутри. Нет, он сделает, конечно, запрос в психоневрологический диспансер и, возможно, даже в наркологию, но очевидно: пацан невменяем. Ни один суд не привет его показания в качестве доказательств. И даже если посмотреть записи всех камер в радиусе пятисот метров, чтобы найти, куда делся дворник и откуда он пришел, если выставить всех дворников этого и окрестных домов в ряд, парень не проведет опознание. Может, и проведет, но кто ж это засчитает? Все было зря...

- Продиктуйте, пожалуйста, фамилию, имя и отчество, - Горовой вытащил телефон и открыл в нем блокнот. - Я дам вам свою визитку, жду вас завтра в главном следственном управлении, адрес там есть, кабинет двадцать четыре. Скажете на охране, что ко мне.

- Простите, можно я вас поблагодарю? - Айя оттолкнула Олега и втиснулась между ним и свидетелем.

Не дав Горовому опомниться, она схватила парня за руку и с таким рвением заглянула к нему в

глаза, что чуть не стукнулась с ним лбами.

- Что... - промямлил тот, но Олег по своему опыту знал: было невероятно трудно сопротивляться вот такому взгляду Айи.

Парень стих, и какое-то время стоял, как загипнотизированный, не в силах прервать зрительный контакт. Айя даже покраснела от натуги, на лице проступила испарина.

- Может, дать ей зажигалку? - шепнул Олег профессорше, но та решительно качнула головой.

- Нет, - тихо ответила она. - Хватит искать помощи в подручных средствах. Пусть переучивается.

- Отпустите меня! - парень, наконец, опомнился и вырвал руку. - Что вы вообще делаете?

- Извините, - Олег отодвинул Айю. - Она тяжело переживает потерю... Я жду вас завтра. Если есть хоть какие-то детали, которые могут помочь, постарайтесь вспомнить.

Парень машинально взял визитку, хотя весь его вид говорил о том, что он вряд ли покинет квартиру завтра, послезавтра или вообще когда-либо. Дверь закрылась, и Горовой повернулся к Айе, чтобы отчитать ее за самовольство, но вся заготовленная речь рассыпалась от душераздирающего отчаяния на ее лице.

- Ты что? - просто шепнул майор вместо «я же просил молчать».

- Ничего, - она резко шагнула к лифту и ткнула в кнопку с такой злостью, будто собиралась выдавить ее на противоположную сторону.

- Это нормально, - вмешалась профессорша своим обычным равнодушным тоном. - С первого раза и не должно получаться. Ты не доверяешь самой себе, тебе кажется, что дар связан со свечами. В действительности горячий воздух, конечно, облегчает доступ к информационному полю, но и это не панацея...

- Насрать, - обиженно буркнула Айя и надвинула шапку на брови. - Хочу домой.

- Так не пойдет! - менторским тоном вступила Крюкова-старшая. - Если ты не будешь работать над собой, результат...

- Не надо сейчас, - попросил Олег. - Пусть придет в себя, ведь она только что на улице первый раз осилила такое видение... И то, что сейчас не было ничего...

- Это не штанга, чтобы надорваться! - возразила доктор наук. - И сейчас ничего не было только потому, что девочка привыкла себя жалеть...

- Не ничего! - Айя вздернула подбородок, вышла из подъезда на улицу и, дождавшись остальных, впилась в бабушку свирепым взглядом. - Я видела что-то. Смутно, но видела.

- Что? - насторожился Олег.

- Трубу!

- Что? - хором переспросили майор и профессорша.

- Трубу! - повторила Айя еще громче и изобраила руками подзорную трубу. - Что-то черное и похожее на трубу. Хрен знает, что это вообще такое.

- Вуайерист, - равнодушно сообщила Айя Михайловна, поправив воротник пальто. - Он - вуайерист и ярко выраженный социофоб. И явно не лечится.

- Что за фигня? - поморщилась Крюкова-младшая. - Шизик, что ли?

- Подглядывает и получает от этого удовольствие, - нехотя пояснил Олег и вздохнул. - И боится людей. В общем, да, шизик. И к делу его показания не приложишь.

- Он смотрит на мир через бинокль, трубу или объектив, - добавила Айя Михайловна. - По сути, его жизнь ограничена трубкой с линзами, поэтому ты бы ничего другого и не увидела... Что ж, беру свои слова назад, ты отработала довольно точно.

- Пойдите, пойдите... - перебил Олег и повернулся к профессорше. - Объектив, говорите? Думаете, это может быть камера или фотоаппарат?

- Вполне возможно.

- Пойдем, вернемся! - оживилась Айя. - Вдруг и правда есть снимки!

- Ты видела его? - Олег покачал головой. - Не пустит. Если спугнем, еще и удалит все к чертовой матери.

- Ты же следователь! Разве он не обязан тебе все дать?

Горовой невесело рассмеялся.

- Как же! Если бы все было так просто! Нужно постановление, а еще...

- Ордер? - подсказала Айя.

- Да сколько раз тебе повторять: это не американский фильм! Нет у нас ордеров. Постановление! Вот оформлю завтра, с утра отправлю сюда оперативников...

- Конечно, неужели самому оторвать задницу от кресла? - пробурчала Айя в воротник.

Олег стиснул зубы. Легко обвинять всех подряд! Он, что ли, придумал уголовно-процессуальный кодекс? Наснимают дерьма про крутых детективов, которые вышибают дверь с ноги и забирают все, что нужно. А то, что люди потом сравнивают реальных следователей с картинкой и обвиняют в лени и бюрократизме, никого не волнует. Да у него, может, бумажной работы больше, чем у бухгалтера!

- Я не понимаю, что за драма, - вмешалась Айя Михайловна. - Доказательства, показания... Это все можно оформить позже. Главное - найти убийцу, разве нет? Разве не для этого ведется расследование?

- И как вы себе это представляете? - Олег стремительно терял терпение: он ненавидел, когда кто-то вмешивался в его работу с указаниями. - Растрясти всех дворников? Никто не признается, а тот, кто нам нужен, сбежит. Нет, так рисковать...

- Вы как дитя малое, честное слово! - профессорша хмыкнула. - Кто пойдет к ним в открытую в обвинениями? Или у вас так принято: спрашивать всех, кто ненароком оказался поблизости к месту преступления, не он ли совершил убийство?

При всей своей внешней чопорности, Крюкова-старшая все сильнее напоминала Олегу ее внучку, и это сходство не вызывало ничего, кроме сильнейшего раздражения.

- А может, придем к ним как комиссия из этого... ЖЭКа или кто там ими управляет? - предложила Айя. - Типа внеплановая проверка. Потычем носом, что дорога завалена, пускай вываливаются с лопатами. И попробуем найти убийцу. По крайней мере, никого не спугнем.

- Хотя бы так, - пожала плечами Айя Михайловна. - Не размахивать же служебным удостоверением направо-налево.

Олег и хотел бы возразить, но план был неплох. И уж если начистоту, Горовой и сам мечтал скорее разобраться с этим проклятым делом. Но то, с каким пониманием Крюковы переглянулись, ему категорически не понравилось. Этот взгляд «чего еще ждать от мужиков»... Кажется, женская дружба всегда начинается против кого-то.

- А что делать с Алиевым? - тихо спросила Айя, когда они двинулись к обиталищу дворников следом за решительной профессоршой.

- В смысле?

- Неужели ты егопустишь? - в ее голосе звучала такая надежда, что майор замялся, не находя слов. - Ладно. По фигу.

- Да ты пойми, я не могу держать людей только потому, что мне так хочется. Мы найдем его жену, поговорим...

- А если она в Дагестане? Будешь рыть носом землю?

Олегу не хотелось врать, поэтому он молчал.

- Я сделаю, что смогу.

- Ну ясно... Это ведь только работа для тебя, да?

Она нарывалась на ссору, но Олег в эти игры не играл, и вопрос просто проигнорировал, тем более, Айя Михайловна уже подошла к подвалу. Поступью английской королевы она спустилась по обледенелым ступенькам и звонко постучала в железную дверь.

- Проверка! - крикнула она. - Откройте!

- Что такое, эй? - высунулась спустя мгновение небритая физиономия.
- Проверка, - холодно отозвалась профессорша. - Кто ответственный за смену?
- Так собирались только через неделю...
- Районная управа. Кто будет отчитываться за работу?
- Позову сейчас. Ахмед!

На улицу поползли сонные и взъерошенные таджики, щурясь от яркого света и на ходу надевая шапки. Каким-то чудом Айя Михайловна умудрилась выстроить их в ряд и теперь отчитывала их почем зря. Кучке мужиков с лопатами и в голову не пришло спросить ее удостоверение. Чем же вы промышляете в свободное от науки время, профессор Крюкова?..

Между тем, Айя внимательно оглядывала шеренгу служителей чистоты. Она и не думала приближаться к ним, заглядывать в глаза или вытаскивать зажигалку. Наоборот: смотрела на них издали, как любуется своей работой скульптор.

- Нет, - уверенно сказала она, насмотревшись всласть и вернувшись к Олегу. - Точно нет.
- Что «нет»? - удивился он. - Вы же сами сказали: дворник.
- Дворник-то дворник, но не из этих.
- Почему?! - Олег уже не знал, во что верить.
- Эти все мелкие. И ледашие.
- То есть?
- Ну не жрут ничего! Ты посмотри только! Удивительно, как они вообще таскают свои телогрейки! Нет, в том видении дворник был... - Айя показала руками плечи вдвое шире своих собственных и рост под метр восемьдесят. Ниже Олега, но существенно выше всех тех, кто сейчас печально стоял, оперевшись на ломик или лопату для снега.
- У вас есть еще работники? - сурово осведомилась у дворников профессорша.
- Нет, - сказал тот, у кого борода была сизой от седины.

Надежда на скорый исход дела разбилась вдребезги, и Олегу даже померещилось, что он слышит звон осколков. А, нет, всего лишь какой-то алкаш промахнулся мимо урны!

- Что вы себе позволяете?! - возмутилась Айя Михайловна. - Штраф!..

Крюкова-младшая закатила глаза и потащила Олега за собой в сторону.

- Что думаешь делать дальше? - панибратски поинтересовалась она. - Может, все-таки сходим к шизнику? Или вызовем твоих оперов?

Опять за старое? Нет, не выйдет ссоры. Олег дернул плечом и резко сменил тему разговора.

- Ты уже решила, что делать со своим врачом-насилньником? - ткнул он пальцем в небо. - Твоя бабушка ведь в курсе, что если он сам не признается, в чем я сильно сомневаюсь, то мы не сможем ничего доказать: прошло слишком много времени, чтобы проводить экспертизу, и мы понятия не имеем, кто жертва. Или ты все-таки передумала и решила никуда не ездить?

- Хочешь мне зубы заговаривать, чтобы ничего не делать? - Айя поджала губы, благополучно проглотив наживку. - Нет, я поеду. Бабу... Короче, эта докторша считает, что это нужно. И вряд ли слезет с меня, пока я не покажу ей этого мужика. А там уж... Как будет. Откуда я знаю, что еще она умеет? Она ж психолог. Загипнотизирует, и он тебе накает чистосердечное.

Тем временем, Айя Михайловна, разогнав работников по снежной плантации, стремительно шагала к Олегу.

- Ну? - требовательно начала она, так и не сменив командного тона. - С меня на сегодня достаточно? Полагаю, мы можем вернуться к работе над даром?
- А что было сейчас? - нехотя спросил Горовой.

- Это была работа над вашим делом, - отрезала та. - Я повторяю: пока она не увидит, как человек, совершивший преступление из ее видений, получает по заслугам, она не поверит в себя до конца. Она должна знать свое предназначение. Верить, что восстанавливает справедливость.

- Бред какой... - тихо фыркнула Айя, но все же развернулась и пошла к машине.

- Вы же понимаете, что я не могу вот так взять и посадить его? - на всякий случай уточнил Олег.

- Разумеется, понимаю, - Крюкова-старшая внимательно посмотрела на него и подняла бровь, и этот взгляд Олегу не понравился.

Пообещав себе не спускать глаз с мстительной старушонки, он снова взялся за руль и двинул на Госпитальную площадь, туда, куда и велела Айя. Подумать только! Одни выходные - и он превратился из старследа в шофера, из майора в таксиста. Вот свозит к травматологу и сразу поставит на место.

С трудом найдя свободное место для парковки, - на территорию больницы не стали пускать даже по ксиве, - Олег последовал за Айей в приемное отделение. Поравнявшись с будкой охранника, она почему-то спряталась в капюшон, и Горовой догадался: явно успела отметить и здесь. Стоит как-нибудь прогуляться с ней по Москве, сразу всплывут места ее боевой славы...

У широкого крыльца с пандусом Айя остановилась.

- Ну что?.. - спросила она, пряча руки в карманы и пуская облака пара в морозный воздух.

- Как что? - удивилась Крюкова-старшая. - Веди дальше!

- И вы знаете, что будем делать дальше? Вряд ли он обрадуется, когда увидит меня... Я ж говорю: расстались не очень...

- Ты в этой куртке была? - Айя Михайловна презрительно оглядела канареечный наряд внучки. - Снимай. Товарищ майор, будьте любезны вашу... Отлично. И капюшоном прикройся... А травма будет у меня.

Мастерски прихрамывая, профессорша поднялась по лестнице и двинулась к стеклянным дверям. Но не успела она взяться за ручку, как оттуда вышел мужчина. Айя замерла, беспомощно вцепившись в пальцы майора, и Олег сразу понял, кто перед ним. Тот самый Валера... Врач, видимо, не узнав ее под Олеговой курткой-палаткой, отошел на пару шагов в сторону, вытащил из внутреннего кармана пачку сигарет и закурил. Ежился от холода: дубленка была наброшена поверх голубого врачебного костюма, и задувало, похоже, нехило. Крюкова-старшая встала, как вкопанная, увидев его, и Горовой только утвердился в своей догадке. Похоже, профессорша тоже опознала насильника.

- Заблудились, бабуль? - дружелюбно бросил врач, потому что Айя Михайловна взялась за ручку, но дверь так и не открыла.

Профессорша молчала, и доктор прибавил громкость, приняв ее за глухую.

- Вам в травматологию, бабуль? - крикнул он. - Или заблудились?

- Вот и ты... - Айя Михайловна расплылась в улыбке, пока ее внучка молча жалась к Олегу: пожалуй, впервые Олег видел ее такой напуганной. - Ты! - профессорша ухватила за запястье Валеры. - Ты сделал это с ней... С моей девочкой...

Моей девочкой?! Что, черт возьми, это должно означать?! Вот и врач, судя по всему, недоумевал.

- С кем? - переспросил он.

Олег ждал, что здоровый мужик, который привык вертеть чужими костями, расхохочется в лицо безумной бабушке и посоветует психиатра, но он отчего-то побледнел, облизнул пересохшие губы и выронил сигарету.

- Скажи честно: что случилось в Малых Вяземах?! - заговорила Айя, и голос ее звенел то ли от злости, то ли от нехватки храбрости.

- Ты?! Что ты тут... - забормотал Валера, отступив назад.

- Ты изнасиловал мою девочку, - утвердительно произнесла Айя Михайловна.

- Малые Вяземы... - Крюкова-младшая тряхнула головой, будто не желая верить в собственные слова.

Горовой видел немало преступников, пойманных с поличным. С явными доказательствами, с кровью жертвы на руках, с орудием преступления в кармане... И даже тогда они находили в себе волю к свободе, упрямство и наглость отпираться. Отрицали все до последнего, и делали это так убедительно, что иногда даже сомнение закрадывалось в правоте обвинения. А тут - две крошечные

женщины просто намекнули... Одна - молоденькая и похожая на девчонку, другая - пожилая в старомодной каракулевой шапке, - словом, ничего серьезного. Пара слов, пара намеков, и даже майор на месте Валеры сейчас ушел бы в стойкое отрицание. Однако происходило странное. Врач спал с лица, глаза его наполнились ужасом, изо рта прерывистыми клубами рвался пар.

- Я не хотел... Выпил немного... - бубнил он, как испуганный ребенок. - Она мне нравилась... А вела себя, как недотрога... Я хотел все по-нормальному, зачем было отшивать меня... Хамить... Я ведь врач, квартира в Москве... Я дал ей денег потом!

Олег ожидал чего угодно, но не этого признания. Здесь, перед сотрудником следственного комитета и двумя свидетелями. На больничном крыльце под окном камер видеонаблюдения...

- Майор Горовой, старший следователь... - начал Олег и автоматически потянул руку к карману, но вспомнил, что куртка на Айе.

- Нет! - вдруг истошно завопил Валера, выдернул руку из цепких пальчиков Айи Михайловны и рванул на улице, скользя по ледяным буграм в своих белых больничных тапках.

- И тапки уже при нем, - усмехнулась профессорша.

- Что? - временами Олегу казалось, что она безумна.

- А что вы стоите? - ее лицо приняло обычное равнодушное выражение. - Бегите следом. Айя, да не стой же ты! Ты должна видеть все!

Перепрыгнув ступени, Горовой побежал за врачом. Он слышал за спиной шаги Айи, шелест собственной куртки... *Ты должна видеть все...* Что все? Задержание? И зачем он вообще бежит, у него даже нет наручников...

На глазах у Олега Валера перемахнул через шлагбаум, беспомощно огляделся и бросился налево.

- Стой! - крикнул Горовой, притормаживая: он не был готов показать физкультурные чудеса и решил обойти полосатую палку, а вот Айя перемахнула следом и помчалась туда, где секунду назад исчез Валера. - Черт! - Хоть бы кто почистил...

Договорить Олег не успел, до него донесся звук сирены, душераздирающий удар и чей-то визг. Вернув равновесие, Горовой вышел на очищенное ото льда место и поднял голову: посреди проезжей части стояла, мигая, машина неотложки, а перед ней метрах в пяти... Перед ней безжизненной грудой лежало тело травматолога.

18. Благими намерениями

- Ты ведь понимаешь, что это она постаралась? - сказал Олег, как только они с Айей вошли в квартиру, и дверь была заперта на оба замка.

Всю дорогу из больницы он молчал, будто кто-то мог их подслушать, да и ей говорить не хотелось. Что бы ни натворил Валера, он не заслужил такой внезапной и глупой смерти. Один хлопок! Один неверный шаг! И человека нет...

Впервые Айя увидела, как человек умер. Не какие-то образы в чужих зрачках, а настоящий живой человек, которого можно потрогать. Который только что дышал, смотрел на нее, говорил с ней. Никакой романтики, как в фильмах, когда играет красивая музыка, а герой падает в замедленной съемке. Удар такой, что даже в ладоши было бы дольше хлопнуть. Ни луж крови, только странно вывернутые ноги и тоненькая красная струйка из уголка рта. И его лицо... Господи, он ведь даже не понял, что умер!

И насколько быстро все случилось, настолько долго возились после. Олег, как особо сознательный, велел всем остаться, дождался ГИБДД, ответил на все вопросы и ее заставил... Профессоршу почему-то отправил домой на такси, а Айю заставил пройти через все мучения. Ее тошнило, хотелось выколоть себе глаза и никогда больше не видеть людей, но майор упорно требовал, чтобы все сделали правильно.

Все эти часы Айя мечтала только об одном: оказаться дома, лечь и погрузиться в сон без сновидений. И уж никак не ожидала, что ее ждет очередное разбирательство.

- Кто - она? - переспросила она в надежде, что Олег ошибся, или от усталости подвел слух.

- Твоя бабушка! Она что-то внушила ему! Она знала, что он умрет!

- Что за ерунда?! - Айя провела рукой по лицу и поморгала: глаза болели.

Сил спорить не было, и она ушла в ванную, включила воду и сунула руки в спасительное тепло. Но Олег втиснулся к ней и навис, как мужик в переполненном автобусе.

- Она сказала: «Хорошо, что он уже в белых тапках», - не унимался он.

- Слушай, я тоже от нее не в восторге! Но такое?! Ты сам меня к ней притащил. И ведь она помогла насчет свидетеля! И потом: она же не из людей Икс! Да, что-то она видит, но внушать... Ты ведь был там! Никаких маятников на веревочке, никакого гипноза! Я знаю, как работают цыгане, на это нужно гораздо больше времени!

- То есть ты думаешь, что взрослый мужик ни с того, ни с сего испугается и побежит со всех ног под машину?!

- Олег, успокойся. Мы оба перенервничали... Хорош катить на бабушку. Она зануда, но не ведьма.

- Уже бабушка? - Горовой усмехнулся. - Ты же сама говорила, что никакая она тебе не бабушка! Как скоро все забывается...

- Ничего не забывается! Просто... Мало ли, какие у нее были причины! Вон Миша... Ну, ты же знаешь моего Мишаню? Так вот, когда его родители умерли, у него тоже была бабушка. Но не взяла на себя опеку, потому что была старая и немощная.

- Твоя уж точно не такая!

- Все равно! Он ведь мог сдать ее в дом престарелых, когда вышел. Но нет, жил с ней и ухаживал до самого конца... Я не говорю, что тоже собираюсь простить, но... - она замаялась. - Короче, я договорилась завтра вечером к ней съездить, спокойно поговорю и все выясню. Она мне обещает какой-то прорыв... Вот и посмотрим.

Майор не стал ничего отвечать, хотя весь его вид говорил о том, что он против. Они ужинали в тишине, и после еды Горовой нарочно остался в кухне, видно, даже не хотел находиться с ней в одной комнате. А почему? Вот чем она заслужила такое отношение? Хочет злиться на бабку - пускай!

Айя улеглась на ковре, выпустила Джека и, накормив зверька, принялась играть с ним. От нечего делать повторяла старые трюки, те самые, что проворачивала в переходе, и думала о том, что когда-нибудь обязательно будет выступать с Капитаном на праздниках за большие деньги... И тогда им не нужен будет ни майор, ни кто-то другой.

- Ты понимаешь, что это не нормально? - голос Олега заставил ее вздрогнуть: заигравшись, она

даже не услышала, как он вошел.

- Ты о чем? - он выглядел таким суровым, что Айя машинально прижала Джека к себе. - Он ничего не испортил!

- Я про его трюки!

- Ах, это... - ее губы расплзлись в гордой улыбке. - Да, не нормально. Потому что это офигенно! Ты нигде больше такого не увидишь! А все потому, что Капитан - талантище.

- Ты правда не понимаешь? - Олег опустился на диван. - Хорьки не могут так делать, я читал.

- Он - хонорик.

- Неважно. Ты его заставляешь... Хочешь сказать, ты годами занималась дрессурой?

- Он просто понимает меня!

- И давно он так умеет? Как ты научила его?! - напирал майор. - Ну же, вспомни!

В памяти Айи всплыл эпизод в переходе. Когда она держала Джека на руках, когда была в отчаянии и просила его помочь, и на секунду ей померещилось, что зверек мертв... А потом он вдруг стал выполнять трюки... Внутри все заныло от нехорошего предчувствия, перед глазами вновь появился мертвый Валера, лежащий на земле.

- Я не на допросе, - хрипло произнесла она, наконец.

Не собиралась она ни в чем признаваться майору. Чего доброго, решит, что она опасна, и выгонит ее, куда подальше. Или упечет-таки в дурку, выполнит последнюю волю покойного.

- Ты все отлично понимаешь, - Олег качнул головой. - Ладно, подожду, пока признаешься самой себе. В конце концов, все женщины сначала говорят «нет», а потом думают.

Он застелил себе диван и улегся, как ни в чем не бывало, и уже через несколько минут Айя услышала его тихий храп. А вот ей снова не спалось. Во-первых, стоило закрыть глаза, как она снова и снова видела Валеру, во-вторых, из головы не шли слова Олега.

Осторожно взяв со стола телефон майора, она прокралась на кухню. Код блокировки был слишком прост - всего четыре цифры, их Айя запомнила давно. На всякий случай. Забила в поисковике «цирковые хорьки» и посмотрела несколько видео с дрессированными животными. И чем больше роликов она открывала, тем сильнее боялась саму себя. Хорьки из интернета прыгали, бегали, но никто из них не вертелся вокруг своей оси на задних лапах. Да что там, они и половины не делали из того, что умел Джек. А ведь в интервью их хозяева рассказывали о том, как долго и методично обучали питомцев... Нет, этого просто не может быть...

Так что же, она управляет Джеком? Тогда, в переходе, она неосознанно что-то с ним сделала? Перезагрузила? Загипнотизировала? Что это было?! И если это правда, выходит, и бабушка могла нарочно заставить Валеру... Получается, они обе - потенциальные убийцы? И спустя лет тридцать Айя превратится в собственную бабушку?.. Так может, неслучайно профессорша оставила внучку в детдоме, выгнала мужа, а сына сослала в Рыбинск? Может, просто хотела их уберечь? Безумные мысли одна за другой атаковали Айю, и ей уже хотелось забиться в угол, спрятаться где-нибудь... И в первую очередь, от самой себя.

Вернувшись в комнату, она встала рядом с Олегом и какое-то время просто смотрела, как он спит. Боролась с собой, убеждала себя, что она - взрослая и справится без чужой помощи, но страх оказался сильнее.

- Олег... - тихонько позвала она. - Горыныч...

- Что? - он вздрогнул и резко поднялся на локтях. - Что случилось?!

- Можно я полежу с тобой?

- Ты... что?!

- Мне страшно, - просто призналась она.

Олег засопел, потер ладонью сонное лицо. Но гнать ее не стал.

- Лежи.

- Только это... Можно я у стенки?

Он молча подвинулся к краю, она перелезла через его ноги и устроилась лицом к стене.

- Обними меня, - шепнула она.

Олег накрыл ее своим одеялом, придвинулся и положил сверху руку. Они лежали на боку, как тарелки из одного сервиза, и только в его тепле Айя смогла закрыть глаза без боязни увидеть труп и даже не заметила, как уснула.

Из кокона безмятежности ее выдернул безжалостный звонок будильника.

- Твою мать... Понедельник... - пробормотал Олег в ее волосы, и Айя застонала от разочарования.

- Мы едем в управление? - она потянулась и нечеловеческим усилием заставила себя сесть. - Напишешь свое постановление - и к шиззику, который подглядывает?

- Мы никуда не едем, еду я, - отрезал Олег и спустил ноги на пол.

- В смысле?

- Больше я тебя на работу не возьму. Ты с ума сошла? Куда я тебя там дену? Больше я отмазок не придумую. Сиди, отдыхай. Поспи вон еще. Но ключей от квартиры я тебе не оставлю.

Вот и вся доброта! Айя не верила своим ушам: он снова обращается с ней, как с ребенком. Хотя нет! Хуже! Как с какой-нибудь преступницей!

- Ты обалдел, что ли?! Это и мое дело! - она вскочила на ноги прямо на диване, чтобы быть выше его.

- У тебя дел вообще не может быть, потому что следователь - я. Приеду вечером и сам отвезу тебя к Аие Михайловне. Одна ты к ней не поедешь. Бог знает, чему она станет тебя учить.

- Вот так?! Я ему помогала, старалась... Эти жуткие видения... И все? Поматросил - и бросил?!

- Никто тебя не матросил, - спокойно ответил Олег, застегивая рубашку. - Сиди дома, я вечером приду и все расскажу!

- Пошел ты! - Айя прошагала мимо него в ванную и заперлась.

Посмотрим, как ты теперь пойдешь на свою несчастную работу!..

Но он все-таки пошел. Даже дверь не дернул - судя по звукам, умылся на кухне и, даже не позавтракав, отчалил, оставив ее одну. Тогда Айя разозлилась окончательно. Она оделась и позвонила бабушке. Да-да! Пусть Горыныч в следующий раз думает, как себя вести. А она возьмет - и переедет к чокнутой профессорше! Ишь, ключи он не оставил! Сам будет виноват, когда его квартиру обчистят. Нет, на жвачку она замок, конечно, прикроет, но если какой вор наведается - майор сам виноват. Нечего было вытирать об нее ноги.

- Здравьете, это Айя, - сказала она, когда в трубке городского телефона раздался надменный голос доктора наук.

Пусть она и вреднее Олега, но у нее хотя бы есть отдельная комната.

- Что-то случилось? - без тени волнения осведомилась Крюкова-старшая.

- Нет... В смысле... Вообще-то, вроде того. Можно я у вас поживу?

- Он тебя изнасиловал?! Этот следователь? Мне показалось вчера, что он сочувствует травматологу... Только скажи, и я...

Чьи-то ледяные пальцы снова стиснули внутренности Айи, и она вздрогнула, неволей представив искореженное тело Олега.

- Нет! - горячо воскликнула она. - Конечно, нет. Просто...

- Возникли разногласия? - подсказала профессор.

- Они самые. Так что, можно?

- Думаю, это не проблема... - Айя Михайловна медлила и говорила тоном, который как раз свидетельствовал об обратном. - Правила просты: никаких гостей, животных и шума после девяти вечера. У меня режим.

Интересно, все бабки такие вредные? Что Мишина хозяйка, что эта...

- У меня хонорик.
 - Гибрид хорька и норки?.. – профессорша сделала паузу. – А параанальные железы удалены?
 - Нет. Тогда сначала пристрой его, а потом можешь приезжать.
 - Но...
 - Извини. У меня бронхиальная астма в стадии ремиссии, и я не хочу обострения из-за животного белка. Жду тебя вечером, как договаривались.
 - Послушайте... Подождите. Я только хотела спросить. Вчера... Вы что-то внушили Валере?
 - Ты заметила, да? – в голосе бабушки прозвучало самодовольство. – По сути, ничего особенного. Просто активировала нужные воспоминания.
 - То есть вы можете управлять людьми? – Айя с трудом подавила приступ паники.
 - Ну, не совсем... Ты не волнуйся, при должном усердии ты тоже можешь показать неплохие результаты. Это то же информационное поле, его можно не только считывать, но и чуть-чуть рихтовать. И порой людям сами это нужно... Например, если человек страдает сильными болями, вполне можно убедить его, что ему лучше. Эффект плацебо в квадрате. Послушай, ко мне должен прийти аспирант...
 - А с животными? – перебила Айя, стиснув трубку внезапно вспотевшей ладонью. – С животными тоже можно так делать? Мой хонорик стал выполнять сложные трюки ни с того, ни с сего...
 - Ничего не происходит, как ты выразилась, ни с того, ни с сего. Конечно, ты могла неосознанно вклиниться в его информационные каналы. По идее, у животных мыслительные процессы менее сложные... – Крюкова-старшая задумчиво цокнула языком. – А знаешь, что? Это довольно любопытно. Можешь приезжать со своим хонориком. Я еще не проводила экспериментов с животными. Но вместе...
 - Я подумаю, – и Айя, отсоединившись, швырнула трубку на диван.
- Мозг кипел. От ужаса, от брезгливости, от страха за Джека. А если она навредила ему, влезая в мирные пушистые мысли? А если так же навредит Олегу? Он был прав... Дура! Как она могла не поверить ему?! Надо что-то делать... Спасаться.. Спасти себя, майора... Всех... Вот только как?!
- Она не знала, как долго сидела на полу в центре комнаты, пялясь в одну точку, пока звонок в дверь не вывел ее из полушока, полутранса. Олег? Господи, только бы он пришел, только бы снова обнял ее, даже если ей до конца жизни придется его слушаться!
- Айя кинулась в коридор и спешно распахнула дверь, не задумавшись, зачем человеку звонить в собственную квартиру. И напрасно, потому что на пороге стоял не Олег, а лейтенант Савчук. Тот самый мужик, на которого в пятницу Горыныч беспрестанно орал.
- А я вас знаю... – растерянно пробормотала Айя, сама не понимая, зачем.
 - Тогда не буду тратить время, – Савчук обезоруживающе улыбнулся. – Я зайду?
 - Да... Конечно... – Айя отступила назад, в коридор, позволив лейтенанту разуться.
 - Ну и снегопад... – мужчина стряхнул с шапки и куртки снег, оставив на полу россыпь капель, и повесил вещи на крючок. – И главное: даже не чистят! Кошмар какой-то...
 - Олега нет дома.
 - Конечно, нет, он же на работе! – красное с мороза лицо Савчука снова расплылось в улыбке.
- Интересно, преступников он берет тоже с такой физиономией? И как его взяли в органы? Его же невозможно бояться!
- Олег Васильевич попросил меня зайти, – Савчук потер руки, огляделся и двинулся на кухню. – Чтобы я поговорил с вами.
 - Со мной?! Слушайте, лейтенант...
 - Можно просто Саша.
 - Слушайте, Саша, он бы сам мне сказал все, что нужно...
 - Конечно, конечно, – Савчук уселся на стул и жестом предложил Айе последовать его примеру. –

Но тут дело такое... Тонкое. Потому что оно касается вас.

- Меня?!

- Ваше дело передали в прокуратуру.

- Какое дело?

- Ну как же! Мошенничество. Сто пятьдесят девятая. Да вы не переживайте, Олег Васильевич за вас похлопотал. Дадут по минимуму. Но такая работа: он же должностное лицо. И не может просто все спустить на тормозах. Ему звание новое скоро дают, а тут такое пятно на репутации. Ну, не вы, конечно, пятно, но... Понимаете, да?

- Вы приехали за мной? - только и смогла произнести Айя. - Вас Олег послал?

- Послал-то он, но я не за вами... Он переживает за вас, хотя ему это и выйдет боком. Сами посудите: он снова сейчас на ковре у полковника, его дело могут передать другому следователю... Или вообще выгнать из органов. И кем он тогда будет? Вы подумали о нем?

- Зачем он послал вас? - терпеливо спросила Айя, не позволяя себе сорваться на крик.

Ей хотелось схватить лейтенанта за рубашку и трясти до тех пор, пока он не объяснит, как мог Олег так поступить! Как мог предать ее?! Послал вместо себя этого несчастного матроса, чтобы тот ей вещи помог собрать?!

- Из уважения к Олегу Васильевичу я согласился на должностное преступление. Если вы уедете сейчас же... - Савчук посерьезнел. - Вот прямо сию секунду - и куда-нибудь в другой город, то я... Меня тут не было. И вас я не видел. Ясно? Дело, конечно, на вас есть, но по такой мелочи никто не станет поднимать кипеш на федеральном уровне. Будете себе жить спокойно где-то еще. Я знаю, у вас есть и документы левые... Я просто закрою глаза и промолчу. Но по-человечески прошу вас: не дайте ему загубить карьеру.

Лейтенант поднялся, оставив на столе визитку, и взглянул на наручные часы.

- Я не буду вас принуждать, - добавил он. - Звоните, если решите прийти с чистосердечным. Но через три часа закончится рабочий день, и тогда мое предложение потеряет силу. Я доложу полковнику, что старший следователь Горовой укрывает вас у себя дома.

- Вы что, угрожаете мне?

- Я никогда не угрожаю, Крюкова, - тихо ответил Савчук. - Я просто хочу помочь вам обоим. Подумай, как следует.

Он ушел, даже не попрощавшись, и Айя, заперев за ним дверь, обессилено прижалась к ней лбом.

На день-другой она поверила, что ее жизнь изменилась. Что появилась стабильность, которой не было много лет. Стабильность, в лице Олега... Но, кажется, вышла ошибка. Снова. Нет, он не предавал ее... Он делал свою работу. И все равно не бросил Айю на улице. Она же... Выходит, это она навредила ему, а не наоборот. Точно знала: Олег не смог бы выгнать ее сам. Может, Савчук приперся к ней, потому что сам захотел. Скорее всего, даже приврал. Но в одном он был прав: от нее Горовой огреб неприятностей. Поэтому он не взял ее с собой на работу, не хотел, чтобы она слышала, как его отчитывает начальство. Поэтому прятал в пятницу... Она - преступница, в конце концов. Мошенница. Да она сама не пустила бы к себе в дом такую пройдоху, а он - пустил! Накормил, обогрел, помог. Утешил. А что дальше? Нарушит закон и свою несчастную инструкцию? Отмажет ее, чтобы потом первое же внутреннее расследование обернулось для него полной задницей? А ей - жить спокойно на свободе, зная, что она сломала жизнь самому доброму и честному человеку из всех, кого она встречала? Или пойти в тюрьму, чтобы потом, если повезет, он пару раз ее навестил?... А Джек?

К черту все. К черту.

Айя снова взялась за телефон и набрала номер человека, которому больше никогда не собиралась звонить.

- Миша... - тихо сказала она. - Миш, выручай.

Видно, по ее голосу он понял, что на сей раз произошло что-то серьезное, потому что не стал гнусавить свое коронное «слу-у-ушай», а просто коротко спросил:

- Что стряслось?

- Можно я приеду? Мне некуда идти.

- Конечно. Забрать тебя или сама доберешься?

- Сама. А капитан Джек?..

- Бери, ладно уж. Хозяйка к сестре в Тюмень улетела, так что все нормально.

Айя смертельно хотелось разреветься, но она сумела взять себя в руки. Сборы были быстрыми: бросить пару вещей, которые выстирал Олег, в рюкзак, припрятать записку и вызвать такси. Ехать в метро с клеткой в руках было бы все равно, что позвонить Вазифу лично и предупредить о выходе в люди.

Выключила свет, проверила, что ничего не забыла... Хотя что она могла забыть? Может, ключи? Телефон? Или достоинство? Не-а. Не водилось у нее ни того, ни другого, ни третьего.

Устроившись на заднем сиденье в обнимку с клеткой, Айя еще долго с тоской смотрела в окно. Даже когда такси выехало со двора на улицу, а с улицы – на третье кольцо. Ей все казалось, что вот сейчас откуда-нибудь появится машина Олега, он заметит ее, остановится, позовет обратно... И вместе они придумают выход. Но автомобили мелькали один за другим, и знакомых номеров ей так и не попало.

Миша уже ждал ее на лестничной клетке: входная дверь нараспашку, улыбка, приветствия... Гостеприимство перло из него, как сбежавшее молоко из кастрюли. Даже клетку с Джеком выхватил из рук. Словом, сразу было видно, что квартирной хозяйки нет дома.

- Я курочку запекаю, – довольно сообщил Миша и по-джентльменски принял ее куртку. – Думаю, даже Джек не откажется от белого мяса.

- Какие перемены... – Айя давно не видела друга в таком хорошем настроении. – Ты на что-то подсел?

- Тьфу на тебя! Балда! – улыбнулся он. – Пошли есть.

- Так рано вроде еще ужинать...

- Рано, поздно... Есть надо, когда захочется.

- И что, даже можно на кухню?

- Можно все, что угодно! Только в хозяйскую комнату не ходи. Да и она заперта все равно, – Миша забрал у нее рюкзак, отнес в комнату и снова появился.

Чистая футболка, свежий запах нового дезодоранта... Если бы не очки, ни за что бы его не узнала. Айя прищурилась.

- Ты что, еще и подстригся?

- Ага, – он крутанулся, демонстрируя прическу. – Аж тысячу спорили!

- Ну ты красавчик... Никак, девушку завел?

- Нет, хотя... Погоди, секунду... – он наклонился к духовке, с важным видом заглянул туда и выключил огонь.

В кухне и без того было жарко, окна запотели, а тут на Айю дохнуло раскаленным воздухом, и она утерла со лба испарину.

- Знаешь, я тут весь извелся, когда ты пропала, – продолжил Мишаня. – На письма не отвечала, звонить некуда... Короче, зря я тогда тебя не послушал. Поступил, как слизняк... Простишь? Теперь сделаем, как захочешь. Уедем вместе, найдем жилье... Что скажешь?

- Да ладно... – неловко отмахнулась она. – Иди сюда.

Айя стиснула его в объятиях: долго злиться на Мишу она все равно не умела. Странно, но вдруг ей стало зябко. Вроде, и духовка до сих пор источала жар и дразнящий запах курицы, и Мишино тело всегда было теплым и мягким, он ведь даже глубокой осенью мог ходить в одной толстовке...

- Ты чего? – удивился он, почувствовав, как ее передернуло.

- Замерзла что-то...

- Не заболела? У меня даже очки запотели! – он снял их и принялся вытирать стекла краем футболки...

- Фиг его знает! Вчера весь день торчала на улице, может, и расклеилась слегка...

Миша поднял на нее сочувственный взгляд, и Айя увидела, как расширяются его зрачки. То ли бабушка была права, и теперь ей не нужны были свечи, то ли воздух в кухне был слишком горячим... Но в эту самую секунду Мишины глаза превращались в осколки черного зеркала. Рыжей вспышкой мелькнул в них уличный фонарь, с трудом Айя различила в его свете голые ветки деревьев, очертания домов и, наконец, сугробы...

- Что с тобой? - взволнованно спросил Миша

Но ответить Айя была не в силах, потому что видела в его глазах, как по заснеженной дорожке ковыляет, прихрамывая, чья-то сгорбленная фигурка.

19. Нет человека - нет проблемы

Утро Олега пронеслось бешеной собакой: он торопился, стараясь все успеть скорее, и при этом постоянно зависал над простейшими действиями, забыв, как они вообще делаются. Все казалось несущественным: он торопился поскорее вернуться домой и сообщить Айе главные новости. Во-первых, Климов разыскал в Москве жену Алиева и без особых проблем разговорил. Женщина с чудовищными шрамами на руках готова была дать показания против мужа. А это значило, что физиотерапевт с утюгом сбежать уже не сможет: дело Раскольниковых еще не закрыли, зато открыли дело Алиевой.

Во-вторых, на руках у Горového было свеженькое, еще теплое после принтера постановление на обыск у вуайериста-свидетеля, Потапкина Константина Федоровича девяносто второго года рождения. И Климов, надо отдать ему должное, готов был рвануть вместе с майором на этот обыск, хотя и без того славно потрудился с утра.

Единственным препятствием был очередной поход к Калинину. Узнав, что Горовой засветился на больничных камерах перед тем, как всеми уважаемый доктор вдруг кинулся под колеса, полковник впал в немилость. И вовсе не из сочувствия к медикам, а потому, что полиция сочла внезапную истерику травматолога странной и посмела заявиться в следственный комитет с допросом. Собственно, Олег уже все уже объяснил коллегам из Лефортовского района и препроводил, довольных, восвояси, однако полковник буйствовал и жаждал крови.

Стоило Олегу только ступить в начальственные палаты и увидеть, как нетерпеливо Калилин стучит пальцами по столу, как взгляд сам собой взмыл вверх к потолку, на решетку вентиляции. Нет, Горовой, не выйдет. Даже Айя не сумела туда пролезть...

- Ты вообще думаешь, что творишь? - с самой первой фразы полковник набрал в легкие столько воздуха, что Олег понял: речь будет долгой. И громкой. - Я тебя предупреждал, майор. Ты приволок ее сюда, нарушил УПК с допросом Алиева... Еще и ввязался в этот бардак с травматологом... Что с тобой происходит в последнее время, а? Ты скажи: так мол и так, Сан Саныч, дайте отпуск... Я же всегда готов пойти навстречу! - полковник покачал головой и будто сдулся. - Нет, я в упор тебя не понимаю, Горовой. И скажи спасибо, что Алиеву назначили сопливого адвоката, и до сих пор нет жалобы на тебя. А если бы была?! - Калилин хлопнул руками по столу и встал. - В общем, так, майор. Только из-за того, что раньше к тебе не было никаких претензий... По старой дружбе, можно сказать. Ты сам передашь дело своей свидетельницы в прокуратуру. Тогда все будет чисто и ясно.

- Или? - коротко спросил Олег.

- Что «или»? Ты что думаешь, я тут с тобой в бирюльки играю?! - полковник хватанул ртом воздух, и свекольный багрянец разлился по его щекам. - Ты сию же секунду идешь и все оформляешь.

- Или? - с нажимом повторил майор.

- Или ты отстранен от этого дела. Все готово, только закрыть, подписать и получить пряника за поимку серийника! Ты с ума сошел? Иди немедленно и пиши на нее, пока я не передумал.

- Алиев - не убийца, - сказал Олег. - Я должен выехать на обыск, потому что всплыли новые обстоятельства...

- Пусть Савчук едет, нечего заниматься оперативной работой.

- Это важно, Сан Саныч, - в эту короткую фразу Олег вложил все доверие, всю надежду на помощь и понимание. Обратился к полковнику не как к начальству, а как к человеку, который тоже когда-то вел расследования и болел за исход своих дел.

Калинин замер, помолчал немного и покачал головой.

- Черт с тобой, Олег, - сдался он. - Езжай на свой обыск... Но вопрос с девчонкой не обсуждается.

- Нет, - майор сам не верил, что сказал это вслух, но твердо знал: решение он не изменит.

Все сочувствие полковника моментально исчезло, передав эстафету ярости.

- Ты... Ты... Ты что, сдурел, Горовой? Ты вообще сопоставь... Ты, мать твою, сам, что ли, под гипнозом?

- Она невиновна, и дело на нее заводить нельзя.

- Невиновна! - полковник фыркнул и всплеснул руками. - Апостол Петр выискался! Вот что, Горовой. Надоели мне твои выкрутасы, вон из моего кабинета, дело Раскольниковых больше не твое. Еще раз сунешься в расследование - ты уволен.

Олег вышел молча. Боялся открыть рот, чтобы не сказать лишнего. Впрочем... И говорить ему было нечего. Он знал, что рано или поздно этот момент настанет. И ни секунды не жалел о выборе. Только теперь стоило поторопиться с обыском и проверить все так, будто Климов провел его в одиночку. Капитану Горовой верил. Однако не успел он зайти за опером, как в коридоре его догнал Савчук

- Олег Василич, Олег Василич! - окликнул он майора. - Ищу вас везде... Вы просили телефончик проверить, мой знакомый снял блокировку...

- Зайди, - бросил Олег и распахнул перед лейтенантом дверь своего кабинета.

- Так вот, - тот вошел и с воодушевлением протянул Горовому смартфон. - Все пароли сняты. Данные восстановить не удалось, зато им можно пользоваться...

- Ясно. Толку теперь от этого, правда, нет, но пусть будет.

- Как нет?! - лицо Савчука вытянулось.

- Крюкова в деле не замешана, по сто пятьдесят девятой я ее не поведу. Вот и все.

- Она что, сбежала?!

- Да прям сбежала... - Горовой раздраженно потер виски. - Дома она у меня... Для безопасности... Это все сейчас неважно. От дела меня отстранили, так что выясни, к какому следователю оно попадет. Передай материалы, отчитайся. А, и по Алиеву перешли все... Он теперь не наш.

- Как не наш?! Вы ведь его не отпустили?! И почему отстранили?

- Слишком много вопросов. Мне некогда сейчас... Убийца - не он. Крюкова и еще один очевидец подтвердили... Короче, иди, Савчук. Занимайся.

- Но Олег Василич, что стряслось?! - лейтенант выглядел расстроенным и, что самое ужасное, в его тоне сквозила жалость. - Все же было...

- Климов где? - перебил Олег. - Ты его не видел сейчас?

- Пять минут назад в столовке был... Но погодите...

- Все, Савчук. Мне пора. И да, за телефончик спасибо, - майор взял со стола смартфон Айи, сунул в карман, уже предчувствуя, как она обрадуется вечером.

Климов по обыкновению завтракал - во второй или в третий раз. Сегодня завезли свежую партию ромовых баб, а оторвать от них капитана могло только чудо. Чудо - или майор Горовой. Вздыхнув, Климов попросил буфетчицу заныкать для него пару штучек до вечера и последовал за Олегом на обыск свидетеля.

- Учти, обыск ты проводишь один, - предупредил майор, когда они вышли из машины перед домом чокнутого очевидца.

Савчук бы на месте Климова сейчас задал сто тридцать вопросов и, наверное, уже трезвонил Калинину с жалобой, но капитан всего лишь кивнул. Потому Олег и предпочитал с ним работать: минимум слов, максимум понимания. Вот и понятых он мастерски выцепил из соседних квартир за несколько минут.

- Откройте, следственный комитет! - Климов шарахнул в дверь свидетеля с таким усердием, что тот не стал испытывать судьбу и мариновать блюстителей закона на лестничной площадке.

- Я собирался прийти... - вяло пробормотал парень.

- Вот постановление на обыск, - Климов равнодушно потрянул бумажкой. - Отойдите в сторону.

- Но я ничего не делал! А они кто?.. - он тревожно посмотрел на двух тетушек в домашней одежде.

- А это, Потапкин, понятые. Есть оперативная информация, что вы скрываете важные улики, - в голосе капитана не было ни намек на угрозу: таким же тоном можно было зачитывать список продуктов. Хорошо еще, Климов не зевнул. - Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования, статья двести девяносто четвертая УК РФ. Карается в том числе лишением свободы на срок до двух лет... Хотя... - он заглянул через плечо Потапкина. - С ребятами тебе будет даже веселее.

- Проходите, - мрачно произнес тот, распахнул дверь пошире, и Горовой заметил, что от бледной ладони на дерматионе осталось влажное пятно. Шизик потел, а потеющие на обыске - к

интересным находкам. Древняя оперативная примета такая.

Олег не считал себя впечатлительным. И уж точно не мог похвастаться тонкой душевной организацией. Немногие из отдела могли выехать на расчлененку, плотно позавтракав. Но квартира Потапкина заставила майора поежиться. Нет, коридор был вполне обычным, если не считать полное отсутствие в нем уличной обуви и верхней одежды. Просто голые стены. Зато комната...

Сначала Олегу показалось, что у парня дизайнерские обои. На деле же все стены от пола до потолка, от угла до угла были увешаны фотографиями. Люди в своих квартирах, снятые через окно с сильным увеличением. Случайные прохожие. Мужик с голым брюхом курит в форточку. Несколько кадров сношающихся парочек, далеких от всякого эротизма: человеческая неприглядность в чистом виде. Одним – около шестидесяти, другие – готовые пациенты для института питания... Все так же, через окно... Еще и приборы ночного видения! Знали бы создатели высоких технологий, что весь их труд идет на убаживание вот таких скользких безумцев...

– Я не делал ничего противозаконного, – тут же сказал Потапкин и на всякий случай встал спиной к стене, видно, боялся, что его станут скручивать в козла.

Добрососедские понятия в ужасе охали и перешептывались.

– Ты бы, что ли, пролечился... – брезгливо произнес Климов, вытаскивая из кармана перчатки. – Ультрафиолетом бы это просветить... Но я потом три дня есть не буду.

Горовой промолчал, но латекс все же надел. Кто знает, как этот парень ловит кайф наедине с фотографиями.

– Они все пленочные, – зачем-то сообщил Потапкин, и майору почудилось в этих словах нечто, похожее на гордость. – Цифра не передает характер.

– Эстет, мать твою... – фыркнул Климов. – Что ищем? Да включи ты уже свет, маньячина!

– Я не маньяк! – Потапкин обиделся, но свет включил. – Зачем искать? Я дам, что нужно.

– Я уже говорил: мы ищем убийцу, – Горовой медленно осматривал фотографии. – Он случайно не попал в кадр?

– С какого из убийств?

– А что, есть со всех?!

– Есть... Я ничего не выбрасываю, – и Потапкин указал на груды картонных коробок.

– И вы молчали?! – не стерпел Олег. – Вы хоть понимаете, что могли спасти трех человек?

– Я так не думал... Нет... Они без меня... – Потапкин принялся оттягивать горло водолазки, будто стало трудно дышать, и Олегу, как бы ему не хотелось встряхнуть полоумного труса, сбавил обороты. В конце концов, без помощи хозяина в этом святилище бога шизофрении было бесконечно трудно что-то отыскать – на коробках не было ни дат, ни каких-либо специальных обозначений.

– Снимки доставай, – Климов кивнул в сторону самодельного архива и добавил утвердительно: – Или мы тут на весь день.

Парень вытер ладони о штаны и пошел к коробкам. Нежно, будто лаская любовницу, запустил руки внутрь, бережно перебрал карточки... Да, вот теперь Олег определенно жалел о завтраке из столовой. Удивительно, что Потапкин не облизнул каждую фотографию... Потом вдруг стал метаться по комнате, понятия взвизгнули хором и скучковались в углу. А парень доставал из своих тайников и коробок снимки: то совсем маленькие, но напечатанные в формате А4...

– Здесь дворники... Здесь зима... Тетя... А это шубы, да шубы... Болек, мой Болек... – он крутился, выхватывая фотографии, рассортированные по одному ему известной системе, и с каждым словом казался все безумнее.

– Вот, – в конце концов, он пихнул Олегу стопку в палец толщиной. – Здесь все...

– Олег Васильевич, а это точно не наш клиент? – шепнул Климов, косясь на Потапкина.

– Нет. Хотя вот дай ему кирпич... Нет, этот из квартиры не выходит.

Горовой взял снимки и принялся их изучать. Там были дворники в разных ракурсах. Ругались между собой, чесались, просто стояли, задумавшись... У каждого из них на спецовке была одна и та же надпись – «Орехово-Борисово Северное», а ниже – «ГУП Жилищник». Собственно, только вчера Олег воочию видел и этих людей, и эти куртки.

- Вон он, - сказал вдруг Потапкин, и Горовой приблизил нужный снимок к глазам.

Да, Айя была права: убийца был гораздо крупнее. Шизик снял его со спины, и Горовой с трудом различил на ночной фотографии буквы: «Москворечье-Сабурово». Соседний район... Дворник был не местный. Вот почему...

- Смотрите, смотрите. Дальше еще есть, - Потапкин, казалось, вошел во вкус.

Олег нетерпеливо перебирал фотографии, но ни на одной из них не было видно лица. И майор был уже близок к тому, чтобы разочароваться во всей затее, как вдруг заметил на одном кадре блик.

- Очки... - произнес он вслух, и от этого слова во рту пересохло. - Очки!

Крупная фигура, очки... Нет, пока делать окончательный вывод было рано, но Олег чувствовал, что ухватил убийцу за рукав. Очки! Он был прав с самого начала! Кто знал всех жертв? Они ведь были клиентками не только Айи, но и ее доброго безобидного товарища. Фельдман. Миша Фельдман. Он знал старушек! Работал с ними! Был в курсе, когда и зачем они ходят в поликлинику... Знал, что у них нет родственников. И уж наверняка по полной наслаждался их скверным характером... Он все это время был под боком! Черт, он даже был в кабинете майора! И так бездарно поверить ему! Обмануться очками и трусоватым взглядом! А что Айя? Неужели она не знала? Они дружили столько лет, неужели она ни разу не заглядывала ему в глаза? Или всему виной линзы очков?.. А вдруг она знала и покрывала старого друга? Вдруг все это время просто развлекалась и морочила ему, Олегу, голову?! Нет! Эту мысль Горовой отменил сразу. Она не могла, не должна была так поступить! Он мог ошибаться в ком угодно, только не в ней. Только не после этой ночи, когда она пришла к нему за утешением и защитой. Когда доверилась и раскрылась... Нет. Она не лгала.

Олег потрянул головой и собрался с мыслями.

- Так, эти снимки мы изымаем, - бросил он Климову. - Больше мне здесь ничего не нужно. Пока.

Потапкин снова засуетился, услужливо кинулся к Олегу.

- У меня есть еще очки... - он обнажил рыжеватые зубы и указал пальцем в окно. - У той, в пятом доме. У Мухи, у Косых... А Болек? У него тоже очки! Его квартиру обокрали...

- Пока - все, - терпеливо повторил майор.

Оформив протокол изъятия, Горовой помчался в управление. Побегал по кабинетам, выяснил, что дело Раскольниковца отдала Макеевой, но Макеева уехала по своим делам. Савчука тоже нигде не было... Словом, пользы никакой.

- Дай ребятам поработать со снимками, - попросил Олег Климова, выловив его на полпути в столовую.

- Прямо сейчас? - тот печально вздохнул. - Через полчаса рабочий день закончится...

- Я тебя очень прошу. Пожалуйста, - едва ли не впервые Олег использовал эти фразы, и Климов, нехотя, сдался.

Отлучив капитана от ромовых баб, Горовой бросился домой. Он уже знал, что делать: взять Айю, вместе с ней поехать к Фельдману, попросить ее проверить... И если гипотеза верна, если Айя не станет вредничать... Потом уж все как-нибудь оформится. В том, что вдвоем они уработают Фельдмана на чистосердечное, Олег не сомневался. Боялся только одного: ее реакции. И без того Крюковой пришлось тяжело. Детский дом, бабка-предательница, да еще и, судя по всему, ведьма... Вчера пришлось увидеть смерть, и Горовой чувствовал, что Айе далось это слишком тяжело. И вот теперь узнать, что ее единственный настоящий друг, почти что брат, оказался серийным убийцей... Ничего, потом Олег поможет ей справиться. Потом.

Он гнал домой, мысленно проигрывая варианты разговора с Айей. Просчитывал, как лучше подать ей новость... Начать с хороших? Или ими закончить... Или сразу все выдать, а потом уже думать, как успокоить? И как бы ему не претило снова встречаться с профессоршей, которая сутки назад отправила мужика под неотложку, он вынужден был признать: именно сейчас помощь квалифицированного психолога была Айе необходимо.

Определившись с тактикой, Олег поднялся к квартире, но ключ отчего-то никак не хотел поворачиваться в замке. Горовой нажал на ручку: та послушно опустилась, и дверь поддалась. В чем дело? Забыла запереться, когда выносила мусор? Или сбегала за очередным ящиком колы?

- Я дома! - крикнул он в темноту коридора и сразу же понял: слишком тихо.

Не разуваясь, шагнул на кухню, в комнату - никого. Даже клетки с капитаном Джеком. Ни ее

куртки, ни обуви, ни рюкзака. Сбежала.

Олег выругался, ударил кулаком по стене. Зачем было ссориться с ней с утра? Неужели нельзя было деликатнее объяснить, что на его работе – не место посторонним? Ох, уж эти женские выкрутасы! Не иначе, как отправилась доставать старушку, чтобы позлить его. Знал бы, что встреча с бабушкой повлечет такие последствия, ни за что не возил бы Айю на Вернадского... Отлично! Теперь ему предстояло толкаться на Юго-Запад по вечернему часу пик, теряя время... Ничего. Главное – расколоть Фельдмана. Дальше – дело техники. Потом уж Олег непременно разберется с этой своевольной девчонкой.

Дорога до профессорских апартаментов заняла добрых... Хотя почему добрых? Вполне себе злых полтора часа. Неудивительно, что Айя так быстро переметнулась к бабушке! Элитный район, вид на пику отечественного образования из высоких окон, и целых три комнаты: для доктора, для внучки – и лично для пиратского питомца. Если, конечно, она пустит в квартиру хонорика. Хозяйка Фельдмана вон жаловалась на несуществующий запах...

Внезапная догадка заставила Олега замереть. Запах! Ведь он мог лично убедиться в том, что Джек, несмотря на статьи в интернете, совершенно не вонял. А Айя говорила, что Мише запретили держать зверька именно из-за запаха. Но что, если Фельдман солгал? Если придумал эту историю, чтобы отвадить Айю от квартиры? Или на ходу придумал оправдание для неприятного запаха? Ведь если он убивал старушек, то почему бы не начать с той, кто принесил ему больше всего хлопот: с квартирной хозяйки? И тогда пахло у него дома не хонориком...

Сглотнув, Олег поднял ручник и понесся в квартиру старушки. Лифт не работал, пришлось мчаться по лестнице пешком. Поэтому когда Айя Михайловна открыла дверь, единственное, что смог выдать сквозь отдышку Горовой, было:

– Где она?!

– Кто, позвольте спросить? – затянула она свою церемониальную волынку. – За вами гналась организованная преступность?

– Айя! Ее нет дома... – он через силу глубоко вздохнул, медленно выдохнул, чтобы прийти в себя. – Она сбежала. Где она?

– Она звонила, – Крюкова-старшая пропустила майора в прихожую. – Спрашивала, можно ли пожить у меня. Обговорив с ней некоторые условия, я согласилась, однако, как видите, ее до сих пор нет. К сожалению, пунктуальность не передается генетически...

Если Айя не у бабушки, то...

– Она поехала к нему! – Олег нервно провел рукой по волосам. – Она у Фельдмана.

Сбивчиво растолковав все профессорше, чтобы добиться от нее хоть какого-то содействия, Олег задал главный вопрос:

– Как теперь лучше поступить? Я не уверен на сто процентов, что это он... Но ведь все сходится! Вчера мы говорили о вас, и Айя сказала, что Мишина бабушка тоже оставила его в детском доме. Но он ее простил.

– А она меня, значит, нет? – поджала губы Крюкова-старшая.

– Речь не об этом! Наш серийник шел по одиноким старушкам. Ясно же, что у него были какие-то претензии к вашему брату! Или к вашей сестре... В общем, к пожилым женщинам. Плюс Айя говорила, что на него вечно давила квартирная хозяйка, и у меня есть подозрение, что она тоже давным-давно в списке жертв.

– Вполне логично, – снисходительно кивнула Айя Михайловна, будто никак не ожидала от Горового таких чудес сообразительности. – И то, что он убивал ударом сзади, как раз говорит о том, что он недостаточно смел. Судя по моему видению, у него есть проблемы с лишним весом. И это тоже косвенно свидетельствует о подавленных психологических травмах и обидах... Проблема в том, что теперь, когда в способностях Айи наметился прорыв, она может увидеть его жертв. И учитывая ее крайнюю несдержанность, вряд ли она сумеет вести себя разумно.

– И что делать?

– Вы меня спрашиваете?! – удивилась профессорша. – Вызывайте подкрепление. Или как там оно называется.

– Есть один нюанс... – Олег замаялся. – Я больше не веду это дело.

- Прекрасно! Упустили еще и это! - она всплеснула руками с таким видом, будто майор только тем и занимался, что упускал все подряд. - Подождите, я оденусь. Надеюсь, у вас есть адрес этого Фельдмана?

- Он оставлял его, когда был у меня на допросе...

- Так он еще и на допросе у вас был? - Айя Михайловна разочарованно покачала головой. - Удивительно, как вы его еще не пристроили в программу защиты свидетелей.

- Не у всех есть встроенный детектор убийц, товарищ доктор наук! - передразнил он ее тон, хотя и сам, если начистоту, был зол на себя за то, что проглядел маньяка, как желторотый новичок.

Спустя пятнадцать минут Олег снова завел машину, но на сей раз на пассажирском кресле сидела Крюкова-старшая, задрав подбородок, словно на голове у нее была не каракулевая шапка, а корона Виндзорской династии. Горовой уже готов был тронуться, как затрезвонил телефон. На экране высветилось имя Савчука, и Олег раздраженно сбросил вызов. Однако упорный лейтенант зазвонил и во второй, и в третий раз, и на четвертый майор, выругавшись, ответил.

- Олег Василич, это важно! - выпалил Савчук. - Я знаю, вы злитесь на меня за Крюкову, но не вешайте трубку!

- С чего бы мне злиться за Крюкову?

- А... В смысле... Нет, ничего! Я просто... Она звонила, Олег Василич!

Олег стиснул руль свободной рукой. В голове роилось множество слов, но разбор полетов был сейчас ни к чему.

- Зачем она звонила? - максимально спокойно спросил он.

- Она говорит, что знает убийцу! Кажется, сильно напугана. Говорит, что это Фельдман, и она сейчас в его квартире. И пока он ничего не подозревает... Но она просила меня приехать.

- Именно тебя?

- Да. Сказала, что выведет его на улицу в двадцать один ноль-ноль, не хочет находиться с ним в закрытом пространстве... Сказала, чтобы я вызывал подкрепление, и ничего страшного, если ее возьмут вместе с ним...

- Так и сказала?

- Да, Олег Василич. Но я не стал ничего предпринимать без вашего ведома... Как ни крути, это ваше дело и...

- Адрес какой?

- Майора Шестопалова, дом семь, строение три. Квартира двадцать девять.

Строение! Он забыл про строение! Чуть был не поехал не туда...

- Вызывай ребят, - коротко бросил Горовой. - Еду.

Спроси его кто-нибудь потом, как он добрался до Каширки от Вернадского так быстро, он бы вряд ли ответил. Сквозные улочки, превышение скорости... Несколько раз его прилично стукнуло затылком о потолок машины на лежачих полицейских. Он перешел в режим автопилота и в упор не вспомнил бы дорогу до дома Фельдмана. Но все, что произошло потом, врезалось в память в мельчайших подробностях.

Было без десяти девять. Айя стояла у подъезда с ним. С Мишей. Переминалась от холода, клубился и смешивался пар их дыхания. От ее руки что-то тянулось вниз... Поводок. Шлейка... Она выгуливала Джека, видно, не придумала предлога получше. Лейтенанта не было видно, подкрепления тоже, и Горовой знал: он должен ждать. Но когда Фельдман встал вплотную к Айе, когда взял ее за плечи...

- Успокойтесь, товарищ майор, - раздался над ухом равнодушный профессорский голос, сухие цепкие пальцы коснулись его запястья, того места, где обычно проверяют пульс. И тут же кровь бешено застучала в висках.

Фельдман ее лапает! А если сейчас Айя выдаст себя? А если он швырнет ее на асфальт? Неудачный удар об угол бордюра... Без шапки! Как она могла выйти без шапки! Под светом фонаря ее волосы горели красным, и издали казалось, что они в крови. Или на них уже кровь? Нет, этого Олег стерпеть не мог.

Как безумец, он выскочил из машины и побежал.

- Отойди от нее! - заорал он на ходу.

Фельдман растерянно обернулся, Айя, увидев Олега, бешено замотала головой. Издалека послышались звуки сирен, Миша нервно дернулся к Айе, потом в сторону...

- Стоять! - рявкнул Горовой.

Верно оценив ситуацию, Фельдман рванул с места. Он все равно бы далеко не ушел, он вряд ли был в состоянии быстро бегать, и единственное, что сейчас почувствовал Олег, было сильнейшее облегчение, что этот тип больше не рядом с Айей... Но, видимо, Крюкова-старшая не разделяла этого оптимизма.

За спиной Олега раздалось бешеное рычание мотора и, отскочив в последнюю секунду, он поскользнулся и рухнул, пропустив мимо собственную машину. В секунду обогнав Фельдмана, профессорша лихо крутанула руль, затормозила и распахнула дверь.

- Не надо! - крикнула ей Айя. Или она кричала Фельдману?..

Они стояли друг напротив друга, как ковбой в плохом вестерне: Миша, этот московский Раскольников, и старушка-профессорша. Метнувшись коброй, она вцепилась в его запястье, как раз в тот момент, когда Айя поравнялась с ними. Олегу же оставалось метров десять...

- Нет, не надо... Пожалуйста, не надо! - отчаянно бормотала она, непонятно кому, пытаясь рассоединить их, и на удивление Фельдман даже не пытался вырваться.

- Ты еще скажешь мне спасибо, Айя, - произнес он спокойно и отчетливо.

Потом вдруг ткнул кулаком в шею профессорши, и лишь потом Олег услышал, как что-то звякнуло об асфальт.

- Теперь можете арестовать меня, майор, - Фельдман улыбнулся и протянул руки подоспевшему Горовому.

- Нет, нет, нет... - лихорадочно зашептала Айя.

Старушка схватилась за горло, издала странный хрип и стала медленно оседать. Олег опустил взгляд: прямо у его ног лежал окровавленный ножик.

20. Встать, суд идет

- Подсудимую Крюкову признать виновной в совершении преступления, предусмотренной частью первой статьи сто пятьдесят девятой УК РФ, и назначить ей наказание в виде штрафа в размере сто двадцать тысяч рублей...

Айя, которая все это время стояла, вытянувшись по струнке, выдохнула и покосилась на Горового. Тот будто дожидался ее взгляда: коротко кивнул, давая понять, что все кончено и самое плохое осталось позади.

Ей повезло. Впервые за последнее время, пожалуй. Сто двадцать тысяч – сумма немаленькая, но посильная. Уж лучше, чем срок до двух лет. Олег, конечно, божился, что все сделает, чтобы обойтись без тюрьмы... И случай, мол, у нее не такой страшный, и потерпевшие особых претензий не имеют... Наоборот, вступились за нее стеной, ловили в коридоре, чтобы договориться о следующем сеансе. Без нее, мол, и колени хуже, и спина ноет... Казалось, даже судья преклонных лет выслушивал их заинтересованно и с любопытством поглядывал на Айю, потирая изуродованные артритом пальцы. Она не могла ни подойти, ни прикоснуться к нему, не вызвав подозрений. Но все же крепко сосредоточилась на этом человеке, на его болях и после заседания заметила, как он рассеянно разминает руки, как смотрит на них, будто видит впервые.

Спустя полчаса они вышли из здания суда. Все таяло, каждый шаг сопровождался хрустом соли. Воздух пропах сыростью, но дышать все же стало легче.

- Вот видишь, – Горовой улыбнулся и приятельски хлопнул ее по зажившему плечу. – Я же говорил: обойдется...

Олег не соврал. И она предпочитала не знать, как он все устроил... По крайней мере, надеялась, что ему это ничего не стоило. Не хотела, чтобы еще хоть один человек пострадал по ее вине. И без того она боялась наступления ночи. Боялась закрывать глаза.

Валера. Его она видела до сих пор. Иногда ей снилось, что он резко втягивает в себя воздух и садится. Потому что авария была несерьезной, и обошлось без страшных травм. Потом Айя просыпалась, медленно вспоминала, что только пару дней назад наведывалась к нему на кладбище. Тайком, в несветлую рань, чтобы, не дай Бог, не попасться на глаза его матери и гражданской жене... Гражданской вдове, вернее.

- Что-то ты тихая... – он с тревогой заглянул ей в глаза. – Где победные вопли?.. Или едем домой?

- Нет, знаешь... – она сжала его ладонь. – Я ведь так и не сказала... Этого мало, конечно, но все равно: спасибо тебе за все.

- Ерунда. Нет, Олег, не ерунда. Я вряд ли когда-нибудь отблагодарю тебя, но...

- Есть один способ, – он подмигнул и сделал выразительную паузу, от которой у Айи пересохло во рту.

Он ведь не?..

- А вот и нет, совсем не то, что ты подумала? – самодовольно ухмыльнулся Олег.

- Почему ты знаешь, что я подумала? Ты не умеешь читать мысли.

- Зато я знаю тебя, как облупленную. И уж точно ты не подумала о том, чтобы весь следующий месяц мыть посуду, – он игриво подтолкнул ее в спину. – Ну же, мать! Не кисни! Поехали домой.

- Может, прошвырнемся? – предложила Айя: холодный воздух был ей сейчас как нельзя кстати.

- Может, и прошвырнемся... – и он повел ее к парку.

На улице ей становилось легче. Она меньше думала о тех, кто терзал ее мысли целыми днями.

Бабушка. Ее спасли, но она до сих пор лежала в медикаментозной коме... Казалось, с чего ее жалеть? Сама чуть было не провалила задержание. Ну кто толкал ее за руль и под нож? Зачем она внушила Олегу какую-то глупость? А в том, что майор, человек с огромным опытом, сам бы до такого не додумался, Айя не сомневалась. Чувствовала влияние бабушки, хотя Олег молчал.

Без его помощи, конечно, не обошлось. Он вытащил ксиву в больницу, хотя терпеть не мог козырять служебным положением. О чем-то долго говорил с реаниматологом. Похлопотал, чтобы Айю пустили к бабушке. А толку? Если она и правда могла кого-то исцелять, то только внушением, так сказала профессорша. Что-то про информационные поля... А какие поля, если человек не проявляет признаков малейшей умственной деятельности? Врач объяснил: была большая кровопотеря, мозг

обескровлен. И нельзя дать никаких прогнозов насчет того, что будет с доктором наук дальше. Придет ли в себя? Вспомнит ли Фрейда или на кого там положено молиться психологам? Или даже не сумеет донести ложку до рта?

Но больше всех Айю беспокоил Миша. Она часто видела во сне его подростком. Видела детский дом, старших ребят, которые нападали на него и травили... И всякий раз вступалась. Не могла видеть, как над ним издеваются.

Олег устроил им свидание, и Айя долго говорила с другом. Хотела понять, что пошло не так. Конечно, сначала она злилась и на себя, что сразу не увидела тревожных симптомов. На чужих жертвах собаку съела, и не разглядела маньяка у себя под носом...

Тем вечером, у него на кухне, она перепугалась. Сначала не поверила своим глазам. Изю всех сил пыталась отогнать дурные мысли, даже села ужинать... Но как ни старалась, не могла проглотить даже кусочка, еда на тарелке будто бы отдавала мертвечиной. Извинившись, она метнулась в Мишину комнату, заглянула в шкаф и обнаружила в углу, за остальной одеждой, спецовку дворника. Вспомнила запах, который навязчиво лез в ноздри во время прошлого визита... И поняла: свою бабушку Миша так и не смог простить. Ни бабушку, ни квартирную хозяйку.

И в тот момент кто-то словно выключил ей все эмоции. Страх, злость, омерзение... Все исчезло, как по щелчку пальцев. Она нащупала в кармане скомканную визитку Савчука, украдкой взяла из коридора трубку городского телефона и в ванной, под шум воды, назначила лейтенанту встречу. Она не помнила номера Олега наизусть, да и не стала бы ему звонить. Он психанул бы, все испортил... Собственно, это он в итоге и сделал. Кто ж знал, что Савчук сам опоздает, зато подставит Горыныча?

Когда Олег побежал к ним с Мишей, у нее все оборвалось внутри. Весь ее план полетел к чертям. Она нарочно вывела бывшего друга на улицу: знала, быстро бегать он не умеет, а дома у него может быть припрятано оружие. Больше шансов кому-то навредить... Она рассудила: увидев полицию во дворе, Миша не успеет запаниковать и натворить глупостей. Он держался спокойно и даже самодовольно. Видно, избавившись от хозяйки, которая постоянно давила на него, почувствовал себя хозяином положения. Шутка ли! Столько жертв – и никому даже в голову не пришло его заподозрить. Ушел из-под носа у следователя по особо важным. Как тут не зазнаться? Конечно, пара машин с мигалками его бы не спугнули. Он был уже в мечтах о будущем: весь ужин твердил о том, чтобы поехать с Айей в Питер, найти квартиру, зажить по-другому... И если бы все пошло по плану, если бы Савчук приехал вовремя и взял Мишу тепленьким, раздобревшим от мечтаний, тот бы даже не дернулся, пока не услышал щелчок наручников за спиной.

Но эти двое... Олег и бабушка... Они как будто соревновались в сумасбродстве. Бежать к маньяку и орать через всю улицу? Пожалуйста. Подрезать его и начать хватать его за руки? Будьте любезны. Откуда Айе было знать, что Миша таскает в кармане складной ножик? Хотя... Могла бы и догадаться. Всю жизнь он страшно боялся хулиганов. Олег сказал, в другом кармане был перцовый баллончик.

Она снова и снова прокручивала в голове эту сцену, и с каждым разом все крепче задумывалась о том, что Миша ранил профессоршу не просто так. А эти его слова... «Ты еще скажешь мне спасибо»... Когда Капитан Джек засыпал, Айе казалось, что она снова слышит этот шепот. Что он имел в виду? Ведь он даже не знал о существовании старшего поколения Крюковых в лице доктора психологических наук. Да и потом на все вопросы только пожимал плечами:

– Не знаю, зачем я это сделал... Да, увидел ее впервые. Нет, ничего такого не говорил...

В глубине души Айя надеялась, что Мишу признают невменяемым. Просто не хотела верить, что ее Миша, ее друг, ее пухлый очкарик может убивать людей сознательно. Ведь он не злой, она это всегда чувствовала... С таким волнением ждала результатов судебно-психиатрической экспертизы... Но вердикт разрушил все: «Вменяем. Отдавал себе отчет в действиях».

– Тоже будешь читать мне мораль? – спросил он, когда Айя впервые пришла его навестить в изолятор.

Сидел в клетке, выкрашенной дурацкой голубой краской, спокойный, словно ничего особенного не произошло.

– Миша, почему?

– Ты ведь не будешь реветь, да? Не надо. Это мое дело, тебя это не должно касаться.

– Не буду я реветь! – огрызнулась она. – Я никогда не реву. Я просто понять хочу...

– Бесполезно.

- Рискни!

Он вздохнул задумчиво и заговорил. Даже спустя годы Айя помнила его историю.

- Знаешь, что меня всегда бесило? - он сделал паузу, но явно не ждал ответа. - Вот это правило: «уважайте старших». Ты ведь понимаешь, что это бред, да? Ведь человек не становится лучше от того, что состарился. Наоборот, вся дрянь, которую он накопил за жизнь, прет с удвоенной силой. Ну дожил ты до восьмидесяти: сиди и радуйся! Не мешай другим! Но они только и делают, что требуют. Уважения. Послушания. Ухода. Внимания. Требуют и жалуются, жалуются и требуют... Все должно вертеться вокруг них. Вот скажи, что мне сделала моя бабка? Ни-че-го. Она ни разу не сидела со мной, когда я был маленький. Запиралась в своей комнате, читала... Черт ее знает, что она там делала. Главное, чтобы ее никто не трогал. «Мишенька, не шуми, бабушка отдыхает!» «Мишенька, нельзя брать бабушкину кружку...» - передразнил он тоненьким голоском кого-то из родителей. - Ты думаешь, она помогла мне, когда их не стало? Ничего подобного. «Бабушка разволновалась, бабушка в больнице»... Чихать она хотела на остальных. Разволновалась она... Она бросила меня в этот сраный детдом, как мусор, - он закатал рукава, показывая белесые следы от сигаретных ожогов. - Думаешь, я смогу когда-нибудь это забыть?

- Миша, я...

- Ты помогла, и я люблю тебя за это. Всегда буду. Если бы не ты, я бы покончил с собой. Я столько раз думал об этом... Но появлялась ты, бойкая, веселая... Может, лучше бы мне было тогда решиться.

- Не говори так!

- А разве нет? - он горько усмехнулся. - Тогда бы никто не пострадал, разве нет? Я бы справился. Нет, правда. Я ненавижу бабку, но я бы справился. Я вышел из детдома, я думал начать жизнь. И знаешь, что? «Ты ведь не бросишь бабушку, Мишенька? Она ведь родной человек тебе...» Представляешь, какой я был осел? Так боялся осуждения, что ухаживал за ней. За этой беспомощной лежачей тварью, которая с трудом говорить-то могла, тонула в собственном дерьме, воняла... И все равно требовала. Она - слышишь? - она смела требовать! Миша то, Миша то... Я просто заткнул ее подушкой. От усталости. От злости... Просто не мог и не хотел больше ее выносить. И знаешь, что? Мне не было стыдно. Вот ни фига. Я долго думал и понял, почему: я не убил человека. Я убрал мусор. Вынес помойное ведро.

- Миша...

- А что Миша?! Разве я не прав? - он хлопнул себя по коленям. - Да любой бы поступил так на моем месте. А потом эта твоя идея с массажем... Я постоянно работал с этими старыми жабами. Мял их дряблые, мерзкие тела и слушал. С чего они решили, что мне интересно их слушать? Они жаловались. Они вспомнили жизнь. Знаешь, где работала Феоктистова, последняя бабка? В детдоме. Слышишь? В детдоме. Всю жизнь она мучила детей также, как наша с тобой Удавка...

Айю передернуло, когда она вспомнила одну из воспитателей. Ту, что любила хватать наказанных за шею, когда орала.

- Не все такие... - слабо возразила она.

- Да брось! Ты ведь помнишь... - Миша ухмыльнулся. - Скажи, кому она нужна? Все они? Какой от них толк? Только вонь - и жалобы, жалобы, жалобы. Требования, кляузы, доносы... Мерзкие старухи... Они никому в жизни ничего не дали, а теперь носятся с собой, как с писаной торбой. Массажи, ЛФК, физиотерапевт, твои сеансы... На себя любимых им ничего не жалко! Но с других они не слезали... Да я только помог! Я только вынес мусор. И хозяйка моя... Я не планировал ее убивать, серьезно. Я бы сказал, но не планировал. Толкнул, она ударилась головой... Я правда думал выдать все за несчастный случай. Не знал, что делать с телом, сомневался... Но потом понял: я должен просто вынести мусор.

Вынести мусор. Еще долго Айя вздрагивала от этих слов, они с Олегом даже придумали новую формулировку: покормить тараканов. Чья, мол, очередь кормить тараканов сегодня?..

Олег. Кто бы знал, как она пережила этот месяц, если бы не он. Возился с ней, как нянька, взял отпуск за свой счет. Чуть ли не насильно кормил, заставлял выходить на улицу. Купил новое кресло-кровать с ортопедическими примочками, но она все еще боялась спать одна. Поэтому он терпеливо укладывал ее каждую ночь к стенке и обнимал, пока страшные видения не уступали место здоровому сну. Наверное, ему стоило это определенных усилий. Временами она ловила на себе его пристальный взгляд, чувствовала, как напряжено его тело... Она понимала все. Понимала, что не должна использовать взрослого мужчину, как подушку для слез и обнимашек... Но ничего не могла с собой поделать. Не сейчас... И надо было отдать должное Олегу: он не позволял себе никаких поползновений. Пожалуй, теперь он был целителем, а не она. Разве что иногда снимала ему мигрень после тяжелого дня.

- Слушай, сколько можно молчать? Ты во мне дырку просверлишь! - упрекнул он Айю, выводя ее из задумчивости. - Мы зачем в парк пошли? На меня ты и дома можешь любоваться.

- Окей, - она тряхнула головой, отгоняя тяжелые мысли. - Я вся твоя. Будешь нудеть про достопримечательности?

- Я бы тебя сводил по местам своей боевой славы, но после этого ты будешь спать еще хуже.

- Да прям! - она фыркнула. - Если б ты хоть раз увидел то, что вижу я... Да ты бы вообще...

- Не дожدهшься. Меня такими вещами не испугаешь... - улыбка сползла с его лица, и он остановился. - Погоди, у тебя продолжают видения? Ты не говорила...

- Нет... Не совсем... - Айя вздохнула. - Скорее, воспоминания... Но это просто потому, что я не особо контактирую с людьми. Хотя знаешь? Миша навел меня на одну мысль.

- Опять Миша? - Олег помрачнел.

- Нет, я не об этом. Просто... Бабушка говорила про информационное поле человека... Что можно убедить кого-то, например, не чувствовать боль. Или еще что-то...

- Ага, или сигануть под колеса... - он резко замолчал и виновато посмотрел на нее. - Извини. Но это лишнее, так я думаю.

- А я вот думаю, что если бы я вовремя выслушала Мишу, поговорила с ним... Может, и убедила его, что он неправ.

- И навязала свои требования, да?

- Какая разница?! - Айя схватила его за куртку. - Люди-то были бы живы.

- Ты не всемогущая. Как и твоя бабушка. Как бы вам обоим этого ни хотелось, - мягко произнес Олег.

- И все равно. Буду криминальным психологом, ясно? Буду у тебя стажироваться...

Горовой посмотрел на нее и рассмеялся.

- Ты же в курсе, что тебе придется сдать ЕГЭ? И вообще... Ты - и учеба?.. Это такой прикол? Я как раз хотел тебе предложить работу в нашей столовой... Будешь под присмотром.

- А что такого? Вон у бабушки куча аспирантов. Видела одного в больнице - очень даже симпатичный. И высокий такой... - кокетливо протянула она. - Обещал помочь. А то нечестно: ты будешь расследовать дела, а я - разливать суп с перловкой!

- У нас, между прочим, главное следственное управление, - заносчиво произнес майор, и Айя узнала прежнего Горыныча. - Никакой перловки.

- По фигу, - надулась она. - Тоже хочу расследовать...

- Ну уж нет.

- Тогда я поеду к этому шизнику с фотоаппаратом. И сделаю из него человека... - начала она, но Олег покачал головой.

- Он на принудительном лечении... Извини, забыл тебе сказать. В смысле... Не думал, что тебе это будет интересно.

- Думал, не думал... - она мстительно ткнула его под ребра. - Тогда отвези меня к нему.

- С ума сошла?! Это режимное учреждение... И ты даже ему не родственница.

- Ну ты же можешь?

- Нет.

- Ну для меня? - она сделала большие глаза и подняла брови домиком.

- И не пытайся.

- Тогда я сама поеду...

- Запру.

- А если поцелую? - она игриво вытянула губы.

- А этот вариант я готов рассмотреть... - медленно произнес он, нагнулся к ней...

Его дыхание согревало, пальцы сильнее сжали ее руку... Айя затевала шутку, но теперь ей совершенно не хотелось смеяться. Рот приоткрылся, она встала на цыпочки... Но Горовой резко отстранился и подмигнул.

- В другой жизни, - закончил он и, как ни в чем не бывало, пошел дальше по аллее. - Догоняй, Красная Шапочка!

Зря он это сделал. Определенно, зря. Теперь у Айи была цель, а отступить она не привыкла.